Всё сложилось, я смирился
только видно часть меня
до сих пор не возвратилась
из Афгана…
(Сергей Трофимов)

ЧЕЧЕНСКИЕ ЗАПИСКИ ВЕРТОЛЕТЧИКА.

КОМЭСК

Боевые действия в Чечне только набирали свои обороты. То, угасая, то, вспыхивая с новой силой.

После зимних боёв 1995 года, в Чечню съездила первая группа сводного вертолетного полка от Дальневосточного военного округа, вернувшись из своей первой командировки с одной боевой потерей.

27 сентября 1995 года выполняя полёт на эвакуацию раненых, при заходе на посадку на аэродром Ханкала, отказало путевое управление на вертолете Ми-8 командира звена Вити Малько.

Как потом выяснилось, крутнуло его на посадке из-за обрыва тросов управления, которые были перебиты пулями. Высота была маленькой, и у Малько практически не было шансов нормально посадить машину.

Сделав несколько оборотов в воздухе и, завалившись на правый борт, вертолет упал и загорелся.

На борту кроме экипажа было 10 человек, больных, раненых и сопровождающих, в том числе и наш гаровский медик, Сергей Анатольевич Стельмах. Умница мужик!

После удара рванули основные топливные баки, вдавленные внутрь грузовой кабины. Люди в панике не могли найти сдвижную дверь, которая в том положении вертолета, уже была у них над головой.

Сергей начал их выталкивать в потолочный люк в кабине экипажа. Вся эта страшная ситуация длилась 3-4 минуты.

Вытолкнув последнего пассажира, он попытался выбраться из вертолета сам, но обгорев на 50 %, потерял сознание, вывалившись из люка наполовину.

После того как его вытащили из горящего вертолета, в сознание он так и не пришёл, скончавшись от болевого шока. Все остальные остались живы, получив травмы различной тяжести.

В остальном командировка первой группы прошла спокойно.

Очередная плановая замена частей армейской авиации в Чечне дальневосточниками предполагалась в середине 1996 года.

Но для меня стало новостью, когда мой командир эскадрильи Андрей Анатольевич Удальцов, собрал на очередном парковом дне весь лётный состав, в домике на стоянке, и объявил, что в июле 1996 года одна эскадрилья нашего полка убывает в Чечню. В том числе и я, в качестве командира звена.

Я попытался возразить, что есть более молодые командиры, ещё не нюхавшие пороха, которым необходимо приобретать боевой опыт. Но Удальцов, тоже прошедший Афган, отвёл меня в сторону и, обращаясь уже не как командир, обняв за плечо, сказал:

- Стас. Чувствую, там намечается заваруха, а у тебя в звене мальчишки не обстрелянные, и ты обязан привести их живыми.

Конечно же, такого аргумента было достаточно, и мне не оставалось ничего кроме, как согласиться.

- Что ж? - думал я - Видали всякое, и здесь прорвёмся!

Но я, никак не ожидал, какая это будет командировка! И чем она для меня обернётся!

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

В июне 1996 года мы начали проходить полигонную и горную подготовку на аэродроме Обор.

В течение двух недель восстановили навыки в боевом применении, слетали на высокогорную площадку высотой 2100 метров, на гору «Коо», горной гряды Сихотэ-Алиня. И к концу июня мы уже были готовы к командировке в Чечню.

Оставалось только ждать даты вылета, которую планировали на начало июля 1996 года.

Из средств массовой информации пока было ясно, что положение в Чечне было относительно спокойным.

Отправка сводного вертолетного полка, от Дальневосточного военного округа, должна была производиться с двух аэродромов ДВО, Воздвиженка и Возжаевка.

Личный состав гаровского полка должен был улетать из Воздвиженки.

В первых числах июля нас, убывающих в Чечню, перевезли на самолёте Ан-12 из Хабаровска в Черниговку.

Провожал нас весь гаровский гарнизон.

Рано утром убывающие построились на плацу части и зам.ком.полка, Алексей Юрьевич Горейко, выступил с напутственным словом о благополучном выполнении боевой задачи и таким же возвращением домой, в полном составе.

Прощание проходило в гнетущей обстановке. Уже тогда присутствовало ощущение, что нас ждет, что-то недоброе. Да ещё замполит полка «врубил» свой проигрыватель, и из колонок, торчащих в окне его кабинета, грянул марш «Прощание Славянки», который был здесь абсолютно не к месту. Многочисленный рёв баб и их причитания долго не заставили себя ждать!

На «Большой Аэродром» Хабаровска, перелетели на вертолетах. И через полчаса начали грузиться в самолёт. Хотелось ещё как-то попрощаться с родным гарнизоном.

Я подошёл к командиру экипажа Ан-12 и, попросил после взлёта, без набора высоты, пройти над Гаровкой.

Седовласый командир посмотрел на меня округлившимися от удивления глазами, покачал головой и, после небольшой паузы, произнёс:

- Не знаю. Посмотрим.

Но мы никак не ожидали, что после взлёта он не только не стал набирать высоту, но ещё и снизился на 50 метров, прошёл точно над ВПП гаровского аэродрома, да ещё и, покачав крыльями, пальнул сигнальную ракету.

В Черниговке мы прожили несколько дней, в ожидании «борта» на Моздок.

Ранним утром 8 июля нас погрузили, вместе с группой черниговского полка, на вертолеты, и мы вылетели на аэродром Воздвиженка, сделав традиционный круг над гарнизоном.

Погрузка в самолёт прошла быстро и, здоровенный, двухпалубный транспортник ИЛ-76, оторвавшись от родной дальневосточной земли, понёс нас в неизвестность.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕИСПОДНЮ!

7 - 8 июля 1996г. Четыре часа до Иркутска, короткая остановка для дозаправки, затем Новосибирск.

А потом, изматывающий своей продолжительностью, полёт до Моздока.

Жарища в самолете стояла невыносимая. Туалета не было. А так как первую половину полёта народ усиленно употреблял горячие напитки, разбавляя их пивом, то всю вторую половину полёта он усиленно занимались поисками, куда бы всё это слить.

В корме самолёта, в довесок к жарище, ещё и стояла непереносимая вонища, из-за разлитого «содержимого» попадавших пластиковых бутылок, которые использовали эти «горе-пассажиры» для «жизненной важности». И когда, наконец, приступили к снижению, все облегчённо вздохнули.

Я посмотрел в один из немногих иллюминаторов Ил-76-го, и как тогда, в Афгане, увидел чужую, абсолютно жёлтую, землю.

Ровные квадраты полей со скошенной травой. Переливающийся зноем воздух, вперемешку с дымкой и, при подходе к аэродрому - очень много военной техники.

Когда приземлились, и «горбатый» открыл свои грузовые створки, в салон ворвался тот же жаркий воздух.

Почему-то всё напоминало мне об Афгане.

Может и то, что всё же мы понимали - что летим не на отдых, а на самую настоящую войну.

Выгрузились, уставшие и, обалдевшие от перелёта.

Буквально через несколько минут поступила команда на погрузку, в рядом стоящие, Ми-26-ые.

Взвалив на себя свои сумки и рюкзаки, мы двинулись к вертолетам. Подойдя к первому Ми-26-му, мои глаза раскрылись в изумлении!

У трапа стоял мой однокашник, Лёха Абрамов.

Широкая улыбка на коричневом от загара лице, распростёртые в дружеском жесте руки. Мы обнялись.

- Ну что, замена! Покатаемся! - произнёс Алексей.

Он затащил меня к себе в пилотскую кабину, посадил рядом, со своим командирским креслом.

- Полетишь со мной! Покажу, куда ж вы всё-таки летите. Сделав на этом слове ударение.

- Да уж не на курорт. Сам вижу! - ответил я, попытавшись улыбнуться.

Радости на лице не получилось. Всё тоже чувство тревоги заполняло грудь.

После взлёта, «корова», как мы называли Ми-26-ть, помчалась на предельно-малой высоте на Восток, перепрыгивая через линии электропередач, ныряя в овраги и русла речек.

Конечно, я не ожидал такой проворности от этой здоровенной махины.

На мой удивлённый взгляд Алексей только развёл руками и показал вперёд.

В этот момент мы быстро проскочили над останками, лежащего на земле, вертолёта, от которого осталась только хвостовая балка, и большая куча пепла.

Больше ничего не надо было объяснять.

- «Шмальнуть» могут из-за любого куста - только расслышал я, через рёв турбин, слова Алексея.

Чем ближе подлетали к Терскому хребту, тем больше на дорогах лежало сгоревших, разбитых останков боевой техники, в точности напоминавшие мне картины афганских «пейзажей».

Перевалив через хребет, я вообще обалдел!

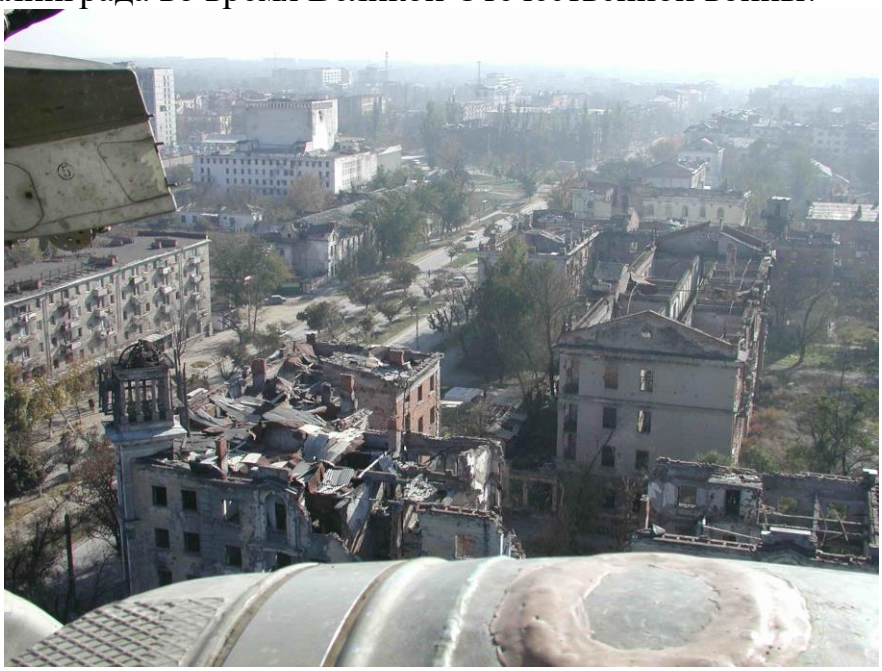
Вся Надтеречная долина была заполнена тяжёлым, чёрным смогом, перемешанным с пылью, поднятой с большого количества дорог, военной техникой.

Проскочили над аэропортом «Северный Грозный», на восточной окраине которого, до сих пор ещё лежали останки дудаевской авиации, фотографии которой обошли все средства массовой информации мира.

Из дымки стали выплывать развалины самого города Грозного.

Это впечатляло!

Картина представилась ужасающая! Чем-то это напоминало развалины Сталинграда во время Великой Отечественной войны!



И уж тем более это угнетало, по причине того, что буквально в 15 минутах полёта, от этого ужаса, шла нормальная, мирная жизнь.

Всё здесь было чужое! Пугающее. В голове никак не укладывалось, что всё это происходит на самом деле.

Очень хотелось, чтобы это был сон! Но рёв турбин и проносящиеся в нескольких метрах немыслимые остатки, в прошлом красивейшего города, возвращали меня в страшную реальность.

Аэродром Ханкала появился также неожиданно. Здоровенная махина, заложив крутой вираж, начала гасить скорость, заходя на посадку.

А здесь вообще был муравейник. Такого обилия военной техники, палаток, людей я ещё не видел. Всё было собрано на небольшом кусочке земли, вокруг которого горели нефтяные скважины.

Муравейник был не только на земле, но и в воздухе. Практически через каждые 5-10 минут взлетали или садились группы вертолётов.

Приземлились, зарулили на стоянку. И здесь, также как и тогда, в Афгане, после открытия створок в салон ворвался знойный воздух, перемешанный с большим количеством пыли.

Нас уже встречали.

На уставших лицах пилотов и инженеров «московской» авиагруппировки, радости не было.

Подошедший к нам первым, лётчик в сером комбинезоне, произнёс:

- С прибытием ребята! Приглашаем всех на стоянки, будем изучать «район полётов»!

Мы немного удивились, но потом сразу поняли смысл этих слов, когда подошли к стоящим на стоянках закопчённым вертолётам.

Возле каждого из них, стояли ящики из-под «НАРов» (неуправляемых реактивных снарядов), а на них, как на «скатерти-самобранке», стояла водка, закуска и, много арбузов.

Такого мы конечно не ожидали. Всё происходило по-деловому!

После первых рюмок - краткая обстановка в Чечне, затем особенности полётов и планы на следующее утро. Кратко, лаконично, доходчиво!

Постепенно наступали сумерки.

Минут через двадцать «изучения района полётов» глаза стали закрываться сами собой, сказывалась усталость после длительного перелёта. Как нельзя, кстати, объявили сбор по машинам, для отъезда в авиационный гарнизон.

Уже полностью обессилев, мы с трудом впихнулись в грязные и пыльные машины.

Оставшиеся 5 минут езды, если таковой можно было назвать экстремальную поездку, по полному бездорожью, больше похожую на хождение по океану, в шлюпочке, в сильнейший шторм, добили окончательно. В модуль уже вползали.

Надо отдать должное москвичам, всё было готово к нашему приезду. Кровати заправлены, всё чистенько, уютно обустроено.

И только успев взгромоздиться на кровати, практически не раздеваясь, мы впали в полный анабиоз!

Но, так и не дав нам хорошо выспаться, весь личный состав подняли ровно в 6 утра.

Снова загрузив нас в те же машины, всю нашу «пластично-подобную массу» повезли на аэродром.

Там же работа кипела вовсю.

Садились и взлетали вертолеты. Всюду сновали машины и группы вооружённых людей.

Муравейник!

Наскоро позавтракав, собрались в импровизированном классе подготовки к полётам, опять всё на тех же ящиках, под открытым небом.

Очень быстро изучили аэронавигационную информацию, карты полётов, основные посадочные площадки, маршруты полётов. И, буквально через час, нам уже ставили задачу на полёты, пока что на ознакомление, с районом полётов.

Быстро, лаконично, без обычной нудистики, по-боевому. Во всём ощущалось, что это уже настоящая боевая работа!

И ещё через тридцать минут мы все уже были в воздухе.

На нескольких вертолетах, под прикрытием пар «двадцатьчетвёрок», весь, вновь прибывший лётный состав, разлетелся во всех направлениях.

Мне достался инструктором, опытнейший командир звена «заменщиков». Без излишних объяснений, он сразу показал характер полётов в Чечне.

«Упав» на предельно-малую высоту мы, практически на брюхе, заскользили над полями, совершая немыслимые противострелковые манёвры.

В кабине экипажа такой полёт переносился ещё более-менее сносно, а вот тем, кто сидел в грузовой кабине, досталось «сполна»!

Хватаясь за всё, что можно, лётчики пытались удержаться на своих местах, успевая смотреть в иллюминаторы, и стараясь рассмотреть хоть что-нибудь на земле.

Такой полёт мне напомнил полёты в Афгане, над густонаселенными районами, где нельзя было летать над кишлаками и скоплением скота. Здесь было то же самое.

Через 15 минут полёта содержимое наших желудков уже просилось обратно, а к концу полёта мы и вовсе пребывали во взвешенном состоянии. Хотелось только на землю.

Со стороны такой пилотаж мог показаться просто бравадой. Но в данной ситуации, учитывая, где мы находились, и немалый опыт того пилота, всему было простое объяснение - мы были на войне!

И за то время, которое отводилось на нашу вывозную программу, для старожилов, такие полёты были наиболее доходчивыми, быстро и понятно, т.е. чтобы сразу не расслаблялись.

После посадки мы уже ничего не хотели. Даже лёгкий кивок головой вызывал спазмы пищевода!

Но и здесь нам не дали прийти в себя. После обеда москвичей уже ждали МИ-26-е. И они, также быстро погрузившись, отбыли домой.

Ну а мы, так и успев ничего понять, остались одни.

КОНТРОБАСЫ

9 ИЮЛЯ 1996 года. Ближе к вечеру моему экипажу уже была поставлена первая боевая задача на перевозку группы военнослужащих в Моздок, и перевозка такой же группы оттуда.

До Моздока долетели спокойно.

Солнце уже клонилось к закату.

Закаты в раскаленном воздухе меня всегда впечатляли!

Цвет неба, на всю его ширину, был огненно-красным. Ни единого облачка! Весь горизонт колыхался в воздухе как медуза. Видимость, как у нас говорили, была – «миллион на миллион».

По команде РП зашли на посадку, на окраину аэродрома, недалеко от стоянки «стратегов», красавцев Ту-95-ых.

Не выключаясь, разгрузились и стали ждать другую группу, которую должны были подвезти на машинах.

Подъехали два КАМАЗа и, из них, стали вываливаться какие-то тюки, сумки и, ещё что-то бесформенное. Это, что-то «бесформенное», стало подниматься на ноги, и на бегу, хватая тюки, нестись к вертолёту.

Бортовой техник сразу смекнул, что добром это не кончится. Выскочив из вертолета и раскинув руки, он попытался сдержать бегущих на него людей. Хотя и на людей-то они не были похожи.

Как оказалось - это были «в усмерть» пьяные контрактники, которых ещё называли «контробасами», больше напоминающие просто стадо. Грязные и обросшие, с мутно-красными бляшками вместо глаз.

Натиск этого обезумевшего войска борт.техник сдержать так и не смог. Возникла реальная угроза, что его просто затопчут в грунт.

-Андрюха! Держи педали! - крикнул я, своему правому лётчику, Андрею Васьковскому, и расстегнув ремни кинулся на помощь борт.технику.

Какое там! Меня вогнали в землю в доли секунды, как будто асфальтоукладчиком прошлись.

Поднявшись с земли и скрипя суставами, я повернулся к вертолёту, и не поверил глазам своим!

Из дверей грузовой кабины свисали три тела этих «вояк», изо всех сил, пытающихся за что-нибудь ухватиться внутри вертолета.

Эта картина полностью напоминала мне ситуации на автобусных остановках в часы пик, в большом городе. Когда безумные толпы «от стара - до млада», активно работая локтями и талией, пытались вдавиться в общественный транспорт.

Вертолёт был забит полностью. В доли секунды у меня промелькнула мысль:

-Не дай Бог эти «вояки» полезут в пилотскую кабину, «места занимать», тогда уже и Андрюха не справиться!

Быстро подскочив к вертолёту, я, что есть силы, рванул на себя первое тело, еле болтавшееся на стремянке.

«Боец», описав небольшую пологую дугу, приземлился на голову и, быстро вскочив, ничего не понимая, посмотрел на меня безумно вращающимися глазами.

На мгновение мне стало очень неудобно. Передо мной стоял взрослый мужик, больше годящийся мне в отцы.

Но, скорее всего, мой разъярённый вид привел его в чувство, и он, как-то, сразу обмякнув, упал на «третью точку».

В это же время от машин подбежали три офицера, во главе со здоровенным майором, которые, в считанные секунды, выкинули еще человек семь из вертолёта.

К процессу «выгрузки-погрузки» присоединился мой бортовой техник, и еще через пару минут на борту осталось требуемое количество «пассажиров», остервенело цепляющихся за всё, что можно, успевая прижимать к себе свой нехитрый скарб, лишь бы их не выдернули из вертолёта, попутно издыхая непереносимый перегарище.

Ситуация, с одной стороны, была настолько комичной, что в пору было хвататься за живот. Но мне уже было не до смеха!

Дав команду на закрытие входной двери, я заскочил в кабину и быстро плюхнулся в кресло.

-Твою мать! Что это было?

Андрей смотрел на меня изумлёнными глазами, тоже еле соображая.

-Андрюха! Взлетаем!

Запросив разрешение на взлёт, без выруливания на полосу и получив от РП «добро», я оторвал машину от земли и, прижимая сильнейшим потоком воздуха

оставшихся на земле «воинов», разметая их сумки и баулы, стал набирать высоту.

Оглянувшись в грузовую кабину, так и не разобрав в груде сумок, сапог, грязной формы, этих горе-пассажиров, я сказал борт.технику, чтобы тот «не спускал с них глаз». После такой загрузки, от них, можно было ожидать чего угодно.

Быстро стемнело. Набрав высоту полторы тысячи метров, мы взяли курс на юго-восток. Горизонт впереди уже погрузился в полную темноту.

Подходя к аэропорту «Северный-Грозный», я запросил у «Эрмитажа» (позывной РП аэропорта) разрешение на пролёт через зону аэропорта.

Получив разрешение, и довернув чуть южнее, приступил к снижению в сторону Ханкалы.

И тут, с восточной окраины аэропорта, змеясь вверх и в сторону вертолёта, взметнулась очередь трассирующих пуль.

Андрюха только успел крикнуть:

- Борисыч! Обстрел!

Прекратив снижение и, резко отвернув в сторону, я дал команду бортовому технику выключить все бортовые огни.

-Да что ж за день сегодня! Едрёна вошь! - выругался я.

Разглядеть откуда производился обстрел, уже не представлялось возможным, так как земля внизу была покрыта сплошной, вязкой темнотой, без единого огонька. Можно было только приблизительно определить место выстрелов.

Доложив РП «Северного-Грозного», об обстреле борта с его «точки», и принятии решения о продолжении выполнения задания, я прошёл ещё пару минут без снижения. А затем, убедившись в безопасности, приступил к дальнейшему снижению, и уже через пару минут, мы зашли на посадку и зарулили на стоянку.

Выгрузив и сдав «тела», ожидающим командирам контрактников, вкратце обрисовав им, как производилась погрузка, мы со спокойной душой отправились отдыхать. И как только добрались до кроватей, забылись мертвецким сном.

Наступал второй день нашего пребывания в Чечне.

ПРОПАСТЬ

До 9 июля 1996 года на территории мятежной Чечни пока всё было тихо, действовал очередной мораторий на ведение боевых действий. Шёл переговорный процесс между лидерами боевиков и командованием группировки, но это только пока!

Следующее утро 10 июля 1996г. началось также с подъёма в 6 утра.

Убыли на аэродром, позавтракали. Команда на сбор всего лётного состава у КП поступила неожиданно. До постановки задач на полёты было ещё много

времени, поэтому все с удивлением смотрели на озабоченного чем-то командира полка, Юрия Николаевича Чебыкина, держащего телефонную трубку, ничего не говорящего, а только кивающего головой. Выражение его лица было явно безрадостным.

Через минут 20 приехало все командование авиагруппировки, расстелили перед нами карты и, зачитав приказ о начале боевых действий, стали ставить задачу каждому экипажу.

Мало того, что москвичи, быстро улетев, домой, оставили нас, один на один, с кучей вопросов, так ещё практически на следующий день, нам уже ставили задачи на ведение настоящих боевых действий.

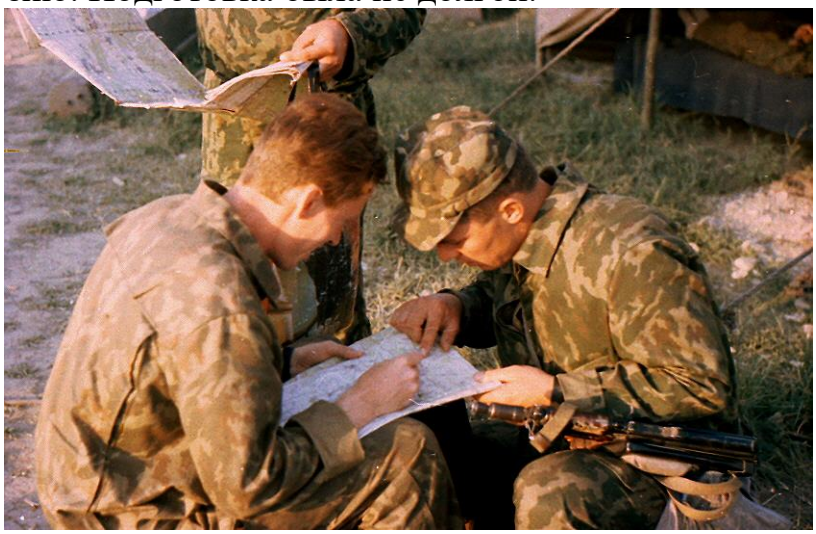
Я смотрел на своих молодых товарищей, и видел в их глазах смятение!

Да и самому было как-то не по себе:

- С ходу в пекло! - крутилась мысль в голове.

Как оказалось, процесс перемирия был внезапно остановлен, как это уже случалось не раз, и войскам был отдан приказ, начать боевые действия против бандформирований.

Нашей авиагруппировке была поставлена задача на высадку воздушного десанта в горы, по всей границе южной Чечни, с целью вытеснения бандитов с равнинной части Ичкерии, чтобы они не смогли просочиться в Дагестан и Грузию. Подготовка была не долгой.



Обозначили посадочные площадки на картах. И, пока заправляли вертолеты, в них вовсю загружался спецназ.

Первым в горы слетал, на рекогносцировку площадок, зам.ком.полка Николай Авиамирович Иванов. Быстро вернувшись, он сел ко мне на борт и сказал, что покажет нашей группе площадку.

Мы, в паре с Володей Погореловым, взлетели за парой зам.ком.авиагруппировки, моего однокашника по училищу, Лёши Храменкова. Набрали высоту 1800 метров и пошли в горы, в район между Шатоем и Махкетами.

Подходя к горам, стали ещё набирать высоту, и когда подошли к указанной Ивановым площадке, она была на уровне наших глаз.

На двух с половиной тысячах метров над уровнем моря, ровное как стол, размерами с два футбольных поля, простиралось красивое, покрытое высокой травой, поле. А на удалении двух километров впереди от него уже начинались отвесные скалы, уходящие вверх, выше трёх тысяч метров.

Посадочные места выбирали самостоятельно, кто - куда. Но так, чтобы не помешать друг другу.

Первым подсел Вовка Погорелов, я следом за ним, буквально в двадцати метрах от него. Оглянулся в грузовую кабину и подал команду на высадку группе спецназа.

Но когда развернулся обратно, прямо впереди, в нескольких метрах от кабины моего вертолета, разлетались какие-то куски веток.

Как оказалось, Володя Погорелов, чуть сместился в сторону, и не заметил, как хвостовой винт его машины оказался у самой земли, начав крошить высокую, с полтора метра высотой, траву и небольшие кусты.

Я смотрел, на всю развивающуюся ситуацию молча, боясь что-либо подсказать Вовке по радио, т.к. мог только помешать ему. Иванов тоже молчал, думая о том же.

Качнись вертолёт чуть ниже, хвостовой винт зацепит камни, и тогда начнётся такая мясорубка, что сначала достанется, моей машине. Затем, превратившись в такую же мясорубку, от меня достанется следующим, и т.д. Пока мы все, как удалые казачки на бранном поле, не покрошим друг друга в капусту.

Даже сквозь рёв турбин и натуженный стук лопастей, был слышен звук работающей «сенокосилки».

Высадка десанта длилась всего 1,5 - 2 минуты. Вовкин борт качнувшись, плавно отошёл от земли и, бешено вращая позеленевшим хвостовым «секатором», рванул вперёд, разгоняя скорость.

- Фу-у! Пронесло! - выдохнули мы, откинувшись на спинки кресел.

Десант моего борта также оперативно покинул вертолет и, получив команду от борттехника, мы полетели догонять группу, которая закончила высадку.

Внизу у предгорья, как шмели, крутилось наше прикрытие, звено Ми-24. Набрать нашу высоту для них было проблематичней. С нормальной зарядкой, но в условиях высоких температур, с «убитыми» на пыльных площадках движками, они еле дотягивали до высот 2500 - 3000 метров. «Несладко» было и нам. Но, всё же Ми-8-е были полегче, поэтому на пару минут нам хватало мощности наших движков, чтобы зацепиться, как хищным орланам, за какой-нибудь выступ или камень на большой высоте, иногда поставив лишь одно колесо на землю. Вот тут-то надо было собрать всю свою волю и нервы в кулак, и буквально слиться с машиной в одно целое, чтобы удержаться на выступе, молотя лопастями в нескольких десятках сантиметров от каменных глыб или скал.

«Десантуре» же выбирать не приходилось, когда «духи» их вытесняли на какую-нибудь высотку или скальный выступ, кроша вокруг них камни крупнокалиберными пулемётами и гранатомётами.

А у нас уж выбора не было тем более, т.к. надо было вытаскивать мальчишек из любого «дерьма». И ни при каких условиях мы не имели права оставить их на верную гибель!

Собравшись группой, полетели домой. Через пятнадцать минут все уже заруливали на стоянки.

Вообще Чечня была настолько маленькой, что её можно было облететь за 1 час. И никак не укладывалось в голове - откуда же на таком маленьком пространстве умещалось столько гадости!

Пообедав, стали ждать очередной задачи. Через пару часов должны были подъехать несколько КАМАЗов с боеприпасами и продовольствием, которые мы должны доставить той же группе СПЕЦНАЗа. А пока уясняли задачу, разрабатывали порядок и очерёдность захода на посадку, и порядок сбора группы после разгрузки. Но всё получилось совсем иначе.

Подъехала колонна. Пока загружали и заправляли вертолеты, Юрий Николаевич Чебыкин зачитал экипажам очередную боевую задачу. Время вылета назначили через 15 минут.

После того, как я прибежал на вертолет, у меня глаза полезли на лоб. Вертолёт был загружен, какими-то коробками под самый потолок, да ещё на входе в кабину лежал здоровенный резиновый бак с водой.

- Твою–ж тыж мать! И сколько ж здесь веса? - спросил я, у заправляющего вертолет бортового техника Володю Мезенцева.

Тот развёл руками:

-Да хрен его знает! Пока заправлял борт, десантура уже его закидала коробками, поэтому вес не проконтролировал! Но коробки тяжёлые. Одна упала с приличным грохотом! Видать там тушёнка!

Я повернулся к стоящему рядом, старлею-десантнику.

- Старший лейтенант! Какой вес груза?

- Товарищ майор! Начальник продслужбы, старший лейтенант Боков. Да не много! Тонна. Ну, может быть тонна-сто!

- Старлей! Мать твою! Ты кому хочешь «впарить» - тонна-сто! Я что, по-твоему, не знаю, что такое – «по самое нехочу» загруженный вертолёт? Какой вес? - надвинулся я на него.

-Да тонна там! - захлопал детскими ресницами старлей.

Стал запускаться ведущий группы Алексей Храменков. Я должен был идти у него ведомым. Времени на проверку уже не было.

- Ну-у старлей! В вертолёт! Если уж будем падать - так вместе!

Он побледнел, но в вертолёт залез, примостившись, как цыплёнок, на огромный «курдюк» с водой, вращая выпученными глазами.

Как «в воду глядел»! - вспоминал я потом.

Быстро запустились, вырулили за ведущим.

- Вова! Как машина? Потянет?

- Нормально! Движки хорошие, вытянут!

На всякий случай я добавил «перенастройкой» обороты несущего винта и завис как можно выше, метров на пятьдесят, чтобы проверить запас мощности.

Вертолёт висел спокойно, перегруза не чувствовалось. В горах, конечно, могло быть всё по-другому.

Группа взлетела. Стали быстро набирать высоту, постепенно доворачивая в сторону гор. Всё шло нормально. Движки привычно гудели. Лопасти с шелестом секли разреженный, горячий воздух. Через минут пятнадцать уже подходили к площадке.

Храменков, по радио, попросил группу СПЕЦНАЗа обозначиться сигнальными дымами.

Получили ответ, что шашки зажжены. Но знакомая площадка была чистой.

Минутное замешательство.

- Вас не наблюдаем! - послышался в наушниках голос ведущего группы.

- Мы правее десять и ниже сто метров - ответил голос по радио.

Как оказалось, командир группы СПЕЦНАЗа, то ли из тактических соображений, то ли по условиям безопасности своей группы, вывел и закрепил её на небольшом перешейке между двух скал, на крошечном выступе горной гряды.

Слева, по заходу, крутой каменистый склон горы. Справа - уходящие вверх скалы. Впереди и сзади пятачка - пропасть.

Для них может она, и была удобной, а вот посадить на неё вертолеты, было крайне проблематично.

Алексей Храменков, сходу, примостился на относительно ровненький выступ метров на сто выше ожидающих спецназёров и, сразу начав выгрузку, стал заводить остальные вертолеты группы, давая указания по радио.

Впереди меня, на площадку со стоящими бойцами, заходил вертолет Алексея Капшунова, я заходил следом, рассчитывая приземлиться на единственное ровное место чуть ниже его вертолёта и на удалении метров двадцать.

Площадка, если таковой её можно было назвать, находилась на уровне наших глаз. Плавно подходя к ней, я начал подгашивать скорость, но склон в остеклении вдруг поплыл вверх.

Мощный поток воздуха, отбрасываемый вертолетом Алексея, выдул всю воздушную «подушку» из-под моей машины, которая очень бы могла облегчить мне посадку.

Интуитивно я стал рычагом «шаг-газа» увеличивать мощность, но склон, с увеличивающейся скоростью продолжал уползать вверх. В остеклении теперь были видны лишь огромные каменные валуны, которые быстро приближались. Мы просто падали на скалы!

Запас по мощности был практически исчерпан, рычаг «шаг-газа» уже был под мышкой!

Первый раз, за всю свою лётную работу, я услышал страшный вой двигателей своего вертолета, который никогда не слышал ранее. Как будто стая

из тысячи волков выла на луну. В наушниках сначала послышалась команда речевого информатора:

- Отказал первый генератор постоянного тока, отказал второй генератор постоянного тока.

Это означало, что оборотов несущего винта у нас уже не было!

Потом крик Володи Мезенцева: - Садись, садись!

- Да куда ж садиться! Скалы!

Боковым зрением я видел, как мой лётчик-штурман, Андрюха Васьковский, вжавшись в пилотское кресло, ждал удара о землю.

Вертолёт, как клиновый лист, покачиваясь с бока на бок, медленно падал на скалистый склон, поддерживаемый остатками тяги несущего винта. Выключился, из-за прекращения электропитания автопилот, хоть как-то помогающий удерживать машину.

Говорят - перед лицом смерти, вся жизнь пробегает перед глазами. У меня же в эти секунды в голове была только одна мысль:

- Главное, перед ударом, успеть выключить двигатели, чтобы, когда вертолёт будет кувыркаться по склону в пропасть, они не взорвались, и мы не сгорели! Чтоб было, что достать из-под обломков, да доставить домой!

Выжимая все соки из ручки управления, я пытался хоть как-то удержать вертолёт. В это же время, педалями, плавно разворачивая его влево, стараясь отвернуть от скал.

Машина медленно, чуть накренившись, начала разворачиваться.

Боковым зрением я видел, что слева начинается огромная пропасть, уходящая далеко вниз. В это же мгновение правая стойка шасси ударилась об склон, её амортизатор сжался и, выполняя свою работу, оттолкнул вертолёт в обратную сторону.

Машина, как футбольный мячик, отскочила от камней. И этого оказалось достаточно, чтобы накренить её ещё больше влево и, опустив нос, начать разгон скорости, туда, вниз, в пропасть!

От этого прыжка немного восстановились обороты несущего винта. Вертолет, медленно набирая скорость, покачиваясь, заскользил между огромных валунов вниз.

- Вовка! Автопилот! - почти выкрикнул я, давая команду борттехнику на его включение.

Обороты винта уже полностью восстановились, и после включения автопилота, вертолёт дёрнувшись, полетел более устойчиво.

Пропадав метров четыреста в пропасть, разогнав скорость я понял, что мы летим, и что теперь надо как-то выбираться из этого каменного мешка.

Плавно подняв нос машины, и начав отворачивать от нёсшегося навстречу, уже противоположного склона, я перевёл вертолет в набор высоты. Борт послушно потянул вверх.

Сверху заходил на посадку очередной Ми-8. В наушниках послышалось:

- Кто выходит из мешка! Наблюдаете заходящего на посадку?

- Наблюдаю! - ответил я, - Не помешаю!

И уходя вдоль склона вверх, чуть отвернув в сторону, я пропустил, строивший заход на посадку вертолёт.

Уже потом, на аэродроме, ко мне подошёл майор Кривошеев, который как раз летел на этом вертолете, и сказал:

- Откуда у тебя ещё силы взялись, что-то ответить в эфир? Мы в кабине аж встали, смотря сверху, как вы кувыркались. Первый раз видел в полёте звезду, на брюхе вертолёта, смотря сверху. У «правого» даже вырвалось:

- Ну, кому-то звездец!

Но это было потом.

А пока мы, кое-как, выскреблись из пропасти. И, наконец-то, облегчённо выдохнули: - Что это было?

Оторвав правую руку от ручки управления, я увидел, что между большим и указательным пальцем, под кожей запеклась кровь.

Скорее всего, я так давил на рукоятку, что даже не заметил, как потянул кожу!

Набрали высоту и пристроились за, заходящими на посадку, вертолетами.

Один за другим они проходили над тем «пятачком», явно не решаясь повторить мои кульбиты.

- Ну что, попробуем сесть ещё раз? Приказ то надо выполнять! - сказал Володя, глядя на меня.

- Ну, давай попробуем! - ответил я.

Хотя теперь сильное сомнение одолевало меня, относительно удачной посадки.

Володя был прав, приказ на войне надо было выполнять!

Включив РУДами «форсажный режим» двигателей, я направил вертолет в сторону площадки. Подходя всё ближе и ближе к ней, я стал гасить скорость, и вновь услышал подвывающий звук движков. Запасы управления были практически на пределе.

Ничего не оставалось делать, как перевести вертолет в разгон скорости и набор высоты, чтобы не повторить таких же кульбитов.

- Что будем делать? - спросил Володя.

Я немного подумал.

- Ты знаешь Володя! Машина не тянет. Ведь развалим! Всё-таки кажись перегруз! Мы ведь не за «Героями России» сюда приехали. У меня двое детей, у тебя трое, у Андрюхи один. Кто их воспитывать будет?

- Так ведь задачу надо выполнять!

- Да сам знаю! Но ведь надо без суицида! Ладно, сейчас доложу Храменкову.

- 701-й - 711-му?

- На приёме 701-й! - ответил ведущий группы.

-Я, 711-ть! Нет возможности произвести посадку на площадку, машина не тянет, обороты падают! - доложил я.

И тут в наушниках послышался отчётливый голос начальника авиагруппировки, генерала Самарина, который сидел на командном пункте в Ханкале и прослушивал весь наш радиообмен:

- Это кто там не может сесть на площадку?

- 711-ть, машина не тянет, обороты падают! - ответил я.

- 711-ть! Я вам запрещаю производить посадку!

Вся остальная группа молчала, барражируя над площадкой. Удалось удачно подсесть на неё, только вертолёту Юры Рубана, который, быстро разгрузившись, взлетел и пристроился к импровизированной «колбасе» из вертолётов, наворачивавшей круги вдоль отвесных скал.

В наушниках вновь послышалась команда:

- Я 701-й! Закончили работу. Сбор группы курсом на «точку».

Все облегчённо вздохнули. Значит домой!

На второй день после прилёта - и такая неразбериха!

Конечно мы, что-то упустили в вопросах согласования с приданным нам спецназом. Который возможно посчитал, что вертолет - это как КАМАЗ, сколько загрузили, столько и привёз куда надо!

Но это были летательные аппараты, на которые распространялись совсем другие законы физики.

И им, скорей всего, было невдомёк, что эти машины, тяжелее воздуха, и которые сами-то еле таскали себя на таких высотах, да ещё при таких температурах.

Сразу после посадки и заруливания на стоянку, я оглянулся в грузовую кабину.

Ужас, липким холодком разлился по моему телу!

Кабина была пуста, старлея не было!

- Мать твою! Выронили нач.прода! - выругался я.

- Да какой – «выронили», вон он сука, комбату уже жалуется! - указал вперёд Андрей Васьковский.

Посмотрев за остекление, я увидел целёхонького старлея, размахивающего, как ветряная мельница, руками и указывающего на наш вертолёт.

После выключения двигателей и остановки винтов мы с Андреем вышли из кабины и направились в сторону бурно жестикулирующего нач.прода.

Подойдя к нему, я, по доброте душевной произнес:

- Ну что, старлей? В рубашке родился!

Но он, повернувшись ко мне лицом и продолжая размахивать руками, начал быстро говорить:

- Да какие вы лётчики! Летать не умеете! У меня там народ голод....!

Ему не дал договорить Андрюха.

Выйдя из-за моей спины, он со всего маху влепил ему прямо между глаз!

Оторвавшись от «континента» и описав низкую траекторию, старлей шлёпнулся в пыльную колею от автомобильных колёс.

Комбат среагировал мгновенно, подскочив к Васьковскому и обхватив его руками.

- Тихо-тихо! Главное не «двухсотыми» вернулись! Ну и ладушки!

В это время подошел, с улыбкой на лице, Алексей Храменков.

- О-о! Я вижу у вас «разбор полётов» в полном разгаре! Ладно, пошли на другой «разбор». Самарин сказал - срочно прибыть на КП. Видать сейчас будут крутые разборки. Я уже сказал борт.технику, чтобы сняли плёнку САРПП и срочно проявили.

- Ты бы лучше дал команду выгрузить груз и всё взвесить - в сердцах ответил я. - Ладно! Я сам!

Подойдя к вертолёту, я попросил Володю Мезенцева всё выгрузить и тщательно взвесить, или хотя бы переписать вес с коробок. От этого зависело дальнейшее разбирательство этого инцидента.

На КП нас уже ждал, с багровым лицом, генерал Самарин.

Его тяжёлый взгляд из подлобья, через очки, скользил по мне «как луч от паровоза»!

- Ну что, майор? Выкладывай всё на чистоту, что за кульбиты вы там выделывали. Сейчас расскажешь всё, а потом напишешь объяснительную.

Я удивительно взглянул на него.

- Сергей Николаевич! Написание объяснительной - признание своей вины. А я себя, и тем более экипаж, виноватым в произошедшем не считаю! Пояснительную я напишу, но только после того как разгрузят вертолёт, и взвесят весь груз.

Самарин окинул меня жёстким взглядом, и только произнес:

- Вы свободы, я пока вас отстраняю от полётов до полного разбора этого случая. Храменков! Плёнку САРПП, все материалы объективного контроля мне на стол.

- Есть! Товарищ генерал! - я развернулся и вышел, ничего не понимая, из домика.

- Ну что? – на входе встречал Андрей.

- Разжаловали в пехоту! - глядя за горизонт, отрешенно ответил я.

- В смысле? Как в пехоту?

- Всё! Отлетались!

Последние слова услышал, выходящий следом Алексей Храменков.

- Пургу не неси! - обнял он меня по-дружески за плечо.

- Отдохнёте, пока мы во всём разберёмся, а там видно будет. Никто тебя в пехоту не списывает. Слишком «жирно будет»! Халявы захотел? Пока мы тут по горам будем «париться»! Иди вертолёт разгружай.

Но в голове уже носилась только одна мысль:

- Да как же так? Эти долбо..... явно перегрузили борт, так и не дав проверить вес! Чуть не убили на второй день пребывания в Чечне, и мы же ещё виноваты!

Видимо Алексей понял мои мысли и похлопал по плечу:

- Давай-давай, иди с глаз подальше! Сейчас Самарин выйдет. Нефиг лишний раз теперь ему глаза мозолить. Завтра он успокоиться и всё будет нормально. Стас! Здесь война! И не тебе об этом напоминать!

Борт уже вовсю разгружали подъехавшие десантники, под руководством Володи Мезенцева. Коробки почти загрузили в стоящий рядом автомобиль.

Подойдя к вертолёту, я сразу спросил:

- Ну что «вскрытие» показало?

- Тонна шестьсот восемьдесят килограммов! - смешком ответил Мезенцев.

В принципе вес то был небольшой, но для условий посадки на высокогорную площадку, на «убитых» двигателях, он был на пределе. Всё складывалось в логическую цепочку.

Уже тогда существовали негласные рекомендации по выполнению полётов в горах, выверенные ещё в Афганистане. Все полёты и посадки в горах рекомендовалось выполнять в утренние часы, пока воздух не прогрелся, и не было термических потоков воздуха, дующих в различных, немыслимых направлениях, которые невозможно было учесть.

Эту посадку мы выполняли уже ближе к семнадцати часам, не зная точного веса груза, да ещё и на неизвестную площадку, «сходу».

Все эти доводы я описал в своем рапорте, и, отдав его Храменкову, убыл с экипажем в гарнизон.

Настроение было на «ноле»!

В модуле, как только я прилёг на кровать, перед глазами всплыли все детали этой посадки. Я пытался проиграть различные ситуации этого полёта снова и

снова, пытаясь разобраться, что же я всё-таки сделал не так. Где же та самая деталь, которую я упустил, и которая могла так повлиять на всё произошедшее.

Да нет! Кажется, всё делал правильно. Конечно, если не считать расчёта на полёт, который необходимо было сделать, и на который нашему экипажу так и не дали времени.

Но это было все не то, причина была в чём-то другом. В чём, я так и не мог сообразить.

От этих мыслей меня отвлекли слова Юры Рубана, такого же командира вертолётного звена Ми-8-х как и я, опытнейшего пилотяги, и классного мужика:

- Эй, экстремал! Хорош грузиться! Иди, второй день рождения отметим!

На импровизированном столике между кроватей уже дымилась сковородка с урчащей картошкой, стояло несколько бутылок водки. Все пилоты и техники смотрели на меня молчаливо, с пониманием.

- Эх! Кому война, а кому мать родна! – махнув рукой, выдохнул Андрей Васьковский. - Давай Борисыч снимать стресс!

После нескольких рюмок потеплело, расслабило.

И тут то меня прохватил озноб:

- Ёлки-палки! А ведь могли сейчас уже не сидеть за этим столом!

Снова в глаза прыгнули те скалы, разбегающиеся бойцы, и тот ужасающий вой движков!

Я начал понимать, что это был тот самый «отходняк», после возвращения из «ниоткуда»!

Всё ещё пытаясь держать себя в руках, я сказал:

- Ладно, мужики! И на том спасибо! Завтра тяжёлый день, надо ещё с мыслями собраться.

Но как только коснулся подушки, всё сразу, куда-то провалилось, и я забылся тяжелым сном.

В ШТРАФНИКИ

12 июля. Утром, после подъема, ко мне подошел начальник объективного контроля, развёл руками и, покачав головой, только произнес:

- Я ещё такого не видел! Это не плёнка, а какой-то серпантин. Так вертолёты летать не могут!

В ответ я только промолчал, разведя руками.

После завтрака меня сразу вызвали на КП. Самарина не было. Алексей Храменков, что-то внимательно читал за столом. Оторвавшись от документов, он посмотрел на меня, и жестом пригласил присесть.

- Чебыкин улетел на разведку погоды и по площадкам, через минут тридцать вернётся. Он был у генерала. Дождемся его, а там посмотрим. Пока ничего не решено. Так что можешь пока отдыхать, но с аэродрома не уходи - сказал Храменков.

Я вышел из домика и направился в палатку.

Наша нехитрая "аэродромная зона" тогда представляла лишь домик КП, две палатки для отдыха лётного состава. С десятком железных кроватей в одной, причём ничем не застеленных, с простыми панцирными решетками. В ней размещались экипажи "Ми-8-ых".

И вторая - с заставленными в два ряда, пустыми ящиками от неуправляемых реактивных снарядов С-8, застеленными грязными, вонючими матрасами, с покрытыми, видавшими виды, старыми армейскими одеялами. Там отдыхали экипажи "Ми-24-ых".

В качестве бонуса, тыловики соорудили нам небольшой, сколоченный из бомботары душ и, расположенный в десятке метров - сортир, который кочевал по площадке по мере наполнения очередной ямы.

С особо опасных, в плане снайперского обстрела, направлений, эта "зона" была заставлена наполненными песком, всё теми же ящиками от неуправляемых реактивных снарядов, и плюс "класс" подготовки к полётам и предполётных указаний, под открытым небом, состоящий из четырёх рядов тех же ящиков. Быт, как говорится, был обустроен "на высшем уровне"!

Я зашёл в первую палатку и, с неохотой, прилёг на шатающуюся кровать. Рядом похрапывали после завтрака отдыхающие пилоты.

Через тридцать минут приземлился и зарулил борт командира полка Юрия Николаевича Чебыкина. Все потихоньку потянулись к выходу, чтобы занять места в "классе предполётных указаний".

Подошел Чебыкин и зашёл на КП. Было видно в раскрытое окно, как он что-то долго докладывал по телефону и, жестикулируя руками, пытался кому-то объяснить воздушную обстановку. Затем вышел из домика и направился к нам.

- Так господа пилоты! Сегодня работаем по отдельным точкам. Каждому экипажу задача будет поставлена дополнительно. Все находятся в палатках. Штинов - ко мне на КП! Все свободны!

Лётчики стали расходиться по палаткам, с сожалением посматривая на меня, а я пошел к Чебыкину, не ожидая ничего для себя утешительного.

Но командир начал сходу:

- Так! По вчерашнему случаю разбор провели. Проведём занятия с лётным составом, чтобы впредь таких «заездов Формулы-1» не делать. Ты пока полетаешь на перевозках грузов и пассажиров по равнине. В горы, до команды Самарина, пока запрет. Сейчас берёшь "колокольчик", летишь в Прохладный, производишь посадку на продовольственных складах, загружаешь продовольствие, и домой. Задача ясна?

- Так точно! Яснее некуда! Самарин, наверное, сам в горы будет летать? - с горечью, опустив голову, ответил я.

- Тихо-тихо! Не кипятись! Я тебя понимаю. Но давай всё уляжется, а там посмотрим. Сам "дров наломал"!

- Я наломал?

- Всё! Выполняй! - оборвал меня Чебыкин.

- Есть! - и я, повернувшись кругом, вышел из домика и направился к вертолёту.

- Ну что? – семенил рядом Андрей Васьковский, - Куда летим?

- Фильм смотрел "Небесный тихоход"?

- Ну?

- Так вот теперь нам досталось тоже самое, "Хозяйство Семибаба"!

Андрей притормозил и посмотрел на меня с удивлением.

- Ладно, пошли! Летим в Прохладный, за продовольствием.

- Ух, ты! Так это ж классно! У меня там родственники живут! Может там тормознёмся? И я своих навещу, и на рынок сгоняем. А то опаршивела мне эта гречка с тушёнкой!

- Посмотрим! Надо ещё туда долететь! У нас "колокольчик".

- Как "колокольчик"? Да он сам себя еле таскает! - начал, было, Андрей.

Но я, глубоко выдохнув, его остановил:

- Полетели! Не до выбора сейчас!

ПРОХЛАДНЫЙ

Возле вертолёта уже кипела работа. В грузовую дверь заносили какие-то бочонки и ящики. Всем руководил начальника тыла авигруппировки полковник Мартынюк.

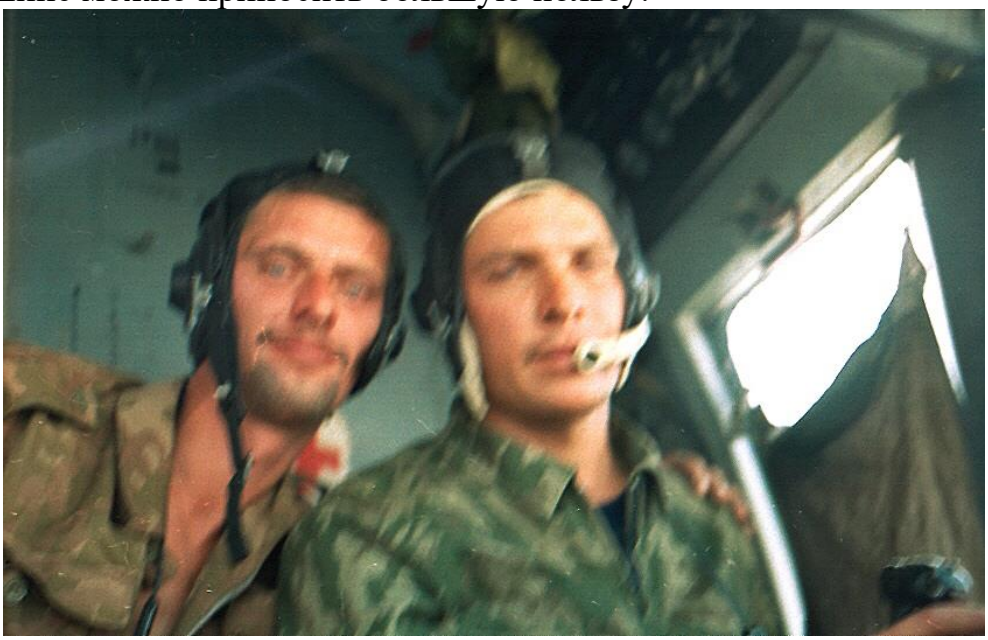
"Колокольчик" представлял из себя простой вертолёт Ми-8Т, на балочных держателях которого, вместо блоков НУРС были смонтированы рупоры-громкоговорители, точно напоминающие громкоговорители времён Великой Отечественной войны. Грузовая кабина на половину была занята этажерками с радиооборудованием и усилителями. В Чечне его применяли как агитационное средство, для того чтобы вести трансляцию увещевательных «бесед» и призывов к бандитам, сложить оружие. Но чаще мы, просто, на высоте 2000 метров, врубали на всю мощь какие-нибудь песни, чаще всего из репертуара «Любэ» или «Сектора Газа», и на всю Чечню разливалось: - «Комбат-батяня, батяня-комбат…» или «Всё зае….»!

Своим обшарпанным видом он совсем не напоминал боевую машину, и выглядел как "гадкий утёнок" среди своих собратьев - мощных "МТ-шек", стоящих рядом.

На топливном баке, по-хозяйски, примостился Игорь Царек, бортовой техник из магдагачинского вертолётного полка, заправляя машину.

По его виду было видно, что он был полностью доволен своим "колокольчиком", и не оглядывался на своих коллег с завистью.

Порядочнейший мужик, опытнейший техник. Он знал, что и на такой машине можно приносить большую пользу.



Со знанием дела он буквально вылизывал свою машину!

Таких "бортачей" было мало. Их мы называли "золотые ручки", и готовы были носить на руках!

Ничего не требующие, тихо делающие своё нелёгкое дело. И всегда на таких вертолётах мы летали не оглядываясь, в полной уверенности, что такая машина не подведёт!

Закончив заправку и бойко спрыгнув с вертолёта, Игорь подошёл ко мне.

- Командир! Летим в Прохладный? Там техники просятся с нами, семь человек. Устали неимоверно, хотят отдохнуть, на рынок сходить, и если будет возможность, позвонить домой - с мольбой в глазах произнес он.

- Сколько груза? - спросил я.

- Около 500 килограмм.

- Плюс семь техников, четыре бойца на загрузку-разгрузку, и стопудовый нач.тыла. М-мда! Под "жвак"! - только произнес я. Ладно, давай грузи. Мужикам и вправду надо дать отдохнуть! Как движки?

- Ну, как? Как и у всех "тэшек"! «Полудрова»!

Я почесал затылок, ласково погладил обшарпанный дюралевый борт.

- Что ж делать! - развёл я руками - "Бум посмотреть", на равнине как-нибудь выкрутимся.

Рядом уже стоял, переминаясь, с ноги на ногу, полковник Мартынюк, слушая наш диалог.

- Товарищ майор! Нам ещё оттуда груз надо забрать, около полутора тонн.

- Это груз! А это люди! - только ответил я.

- Но вам поставлена задача ....

- Я знаю, какая задача мне поставлена! - прервал я его, - И решение принимать мне! Всё, всем на борт. Запускаемся!

Я всегда относился с недоверием к высокопоставленным тыловикам, даже на войне успевающим решать свои проблемы. Поэтому, к счастью, у меня всегда было чёткое мнение, как и в пользу кого, принимать решения.

Андрей Васьковский уже расстелил в пилотской кабине, с карандашом в зубах, полётную карту, что-то прикидывая в штурманском отношении.

Царек суетился у бортовых розеток, подключая провода электропитания, для запуска двигателей. В грузовой кабине, как цыплята на жёрдочке, с преданностью в глазах, сидели и смотрели на меня техники эскадрильи.

Я улыбнулся им, и приветливо кивнув, зашёл в кабину, устраиваясь на своё рабочее место.

- От винтов! - подал команду, - Запуск!

Запустившись и прогрев двигатели, мы вырулили на "взлётку". Плавно оторвав машину и набрав вертикально двадцать метров высоты, я убедился, что машина послушно тянет вверх.

- 711-ть! Борт порядок. К взлёту готов!

- 711-тый! Взлетайте - послышался в шлемофонах голос руководителя полётов подполковника Цыбаева. - Привезите чего-нибудь вкусненького.

- Понял 711-ть! Постараемся!

К подполковнику Цыбаеву Владимиру Фёдоровичу все относились с огромным уважением. Тоже успевший повоевать в Афгане, и имея огромнейший опыт, он всегда излучал какую-то приятную жизненную энергию. Спокойный "как танк"! Всегда чисто и опрятно одетый, с лицом интеллигента, он напоминал офицера старой царской армии.

Его тонкая, творческая душа, выплёскивалась в красивейших стихах и песнях, которые он писал. Посвящая их боевым товарищам, пилотам, техникам, простой пехоте, жёнам и детям, и просто окружающей его, порой нелёгкой, обстановке.

Полёт прошёл относительно спокойно.

По указанию полковника Мартынюка мы подсели на какие-то военные склады, на окраине Прохладого и, не выключая двигателей, выгрузили пустые ящики и бочки.

- Так. Теперь нам надо перелететь на площадку чуть западней этой, сказал Мартынюк, и указал рукой в сторону предполагаемого перелёта.

- Далеко? - спросил я.

- Да пол километра.

- Ну и нахрена туда лететь? А сюда нельзя привезти? Площадка хорошая, подходы ровные.

-Ну-уу... - замялся полковник.

- Что? Опять что-то шмекерское?

- Да так, слегка! - покрутил он руками.

- Ладно! Полетели.

Произведя взлёт, я сразу начал искать указанную площадку, но ничего кроме оврага и деревьев не увидел.

- Вот здесь - показал вниз, прямо под вертолёт, Мартынюк.

Я сначала посмотрел на него, потом на землю. Кроме небольшого пятачка, огороженного бетонным забором, высотой метра два, там ничего не было.

- И Вы предлагаете мне туда умоститься? - удивился я.

- Ну, давай попробуем, раньше мы уже туда садись.

Я вздохнул, пожал плечами:

-Ну, давай попробуем.

На площадку зашли ровненько, вертолёт был ещё не загружен.

Сели в периметр, ограждённый забором. Площадка была метров пятьдесят на тридцать, вполне сносная. И всё бы хорошо, если б мы не прилетели на простой "тэшке", и её еще предстояло загрузить "под самую завязку", да плюс 15 пассажиров.

Я осмотрел возможные направления взлёта с неё, но ничего хорошего не обнаружил.

Кроме здоровенного бетонного забора, высоких стенок оврага, густо заросшего деревьями и кустарником.

-М-мда! - радости мало! Ладно, загрузимся, а там посмотрим. Может, перелетим на соседнюю площадку без пассажиров, а уж там взлететь можно без проблем. Ну а пока надо сгонять в Прохладый, отдохнуть да посмотреть прелести мирной жизни. Да и у тебя, Андрюх, кажись там родственники?

-Точно так! Давай, помчались быстрее, нам ещё их надо найти будет. Кстати, "тундра" ты дальневосточная! Вон растёт шелковица, о которой я тебе рассказывал.

Мы подошли к большому дереву, которое было обильно покрыто красивыми продолговатыми ягодами, больше похожими на нашу дальневосточную жимолость.

Андрей не успел даже рта раскрыть, как я уже рвал их обеими руками и запихивал в рот.

- Стой! Ну, ты точно "тундра"! Её так не едят. Теперь посмотри на себя!

Я взглянул на свои руки, провёл ладонью по рту.

На них остался иссине-фиолетовый коллер настоящих чернил, и я теперь стоял как школяр начальных классов, сжевавший чернильную пасту, в несмываемом "боевом" раскрасе.

Окружавшие меня сослуживцы, отвернувшись, цыкали в кулак, и только Андрюха испытывал полное удовлетворение, как настоящий хохол, радующийся нелепой выходке "москаля".

- Хорош ржать! Кони! Я с вами потом расквитаюсь. Всё! Все вон в ту машину – указал я на крытый "ЗИЛок", возле которого уже суетился Мартынюк и наш начальник продовольственного склада, выгружая какие-то коробки.

Прохладый встретил нас оглушительной тишиной!

Везде шла размеренная спокойная жизнь. По дорогам не спеша, ходили люди. Без оружия, со светлыми лицами, с улыбками на лице. И, завидев нас, они несколько удивлялись - "откуда взялось это разномастное, вооруженное "до-зубов", грязное и обросшее войско".

Нам, по началу, и самим было как-то неудобно, потому что мы на самом деле выглядели как бандюги с большой дороги.

С автоматами наперевес, в набитых полностью "разгрузках", в пыльных комбезах и рваных китайских тапочках, да ещё и с трёхдневной щетиной и красными, от "недосыпа" глазами. Эдакие "аля-басаевцы" в Будёновске, образца 1995 года.

Но зайдя на городской рынок и выпив там по кружке холоднюшего пива, заев её медовыми дыньками, нам стало всё как-то "по-барабану", и мы просто стали наслаждаться МИРОМ, не обращая ни на кого внимания.

Наполнив свои желудки и утолив жажду, попутно накупив всякой "мыльно-пузырной" всячины, мы не спеша, направились в междугородний переговорный пункт, чтобы позвонить домой. Все были в приподнятом настроении, ожидая связи с любимыми и близкими, в надежде дать о себе весточку.

Я заказал переговоры с Волочаевкой, т.к. дозвониться до Гаровки было невозможно. Но, прождав 30 минут, услышал сообщение оператора, что с данным пунктом нет связи.

Сердце защемило.

- Девушка-девушка! Подождите! Не рассоединяйте. Попросите у "хабаровска" коммутатор отделения железной дороги. Я попробую их уговорить!

В тесной душной кабинке, залепленной жвачкой и исписанной местными знатоками "фольклором", с кучей шелухи от семечек на полу, я стоял в ней как пред вратами в Рай, обливаясь потом, сжимая потной рукой драгоценную телефонную трубку, прислушиваясь к шороху и треску на том конце провода, с глазами голодного пса, ожидающего смачную кость.

- Слушаю "седьмая"! - услышал я дорогой слуху, распевный голос хабаровской телефонистки.

Меня как током ударило.

- Девушка-девушка! - почему-то закричал я в трубку. - Девушка! Я с Чечни! Соедините меня с Волочаевкой! Прошу вас!

На том конце возникла секундная заминка, которая показалась мне тогда вечностью.

- Минуточку! Сейчас попробую! А что нужно в Волочаевке?

- Да я сам-сам! - продолжал кричать я в трубку.

На меня смотрели улыбающиеся лица моих сочувствующих боевых друзей и недоумённые глаза операторов телеграфа.

В трубке послышался шорох, а затем отчётливый голос:

- Слушаю "пятая"!

Я аж подскочил в кабинке, услышав родной голос, дорогой моему сердцу Валюши Белюкявичуне, которая не раз помогала мне, абсолютно бескорыстно, созваниваться со своими друзьями, раскиданными по необъятным просторам нашей матушки-России.

- Валюшка! Милая! Это я!

Она тоже сразу меня узнала.

- Стас! Я тебя слышу! Тебе маму?

- Да-да! Валенька! Давай её найдём!

Прошло ещё несколько секунд и, на том конце, послышался сдавленный голос мамы:

-Сынок.....

- Мам! Мам....! Я живой!

Всё!..... Я уже ничего не мог говорить. Слёзы градом сыпались из моих глаз, а на другом конце провода, в два голоса ревели две бабы!

Так мы и сидели, общаясь навзрыд, при помощи только своих любящих сердец и мыслей.

Андрюха вернул меня из небытия.

- Пошли Стас, пошли.

В трубке уже давно говорил голос:

- Ваше время закончилось!

Я медленно положил её на телефон и на ватных ногах вышел из кабинки, вытирая ладонью слёзы.

- Пошли. Нам ещё надо моих родственников найти, времени мало.

Через час мы очень быстро нашли указанный адрес и Андрюха смог увидеться со своими дядькой и тёткой.

Поговорив немного, сфотографировавшись на память, мы засобирались назад. Пора было возвращаться. Машина уже ждала нас.

Выезжая из Прохладого, проскочили мимо красивой православной церкви, с золотистыми куполами, которую я успел заметить ещё с воздуха.

- Эх! Надо было заскочить помолиться, да свечку поставить! - произнёс я, глядя на уплывающие в даль золотые купола.

- Ещё успеешь! Не крайний день живём - ответил Андрей, чувствуя моё настроение.

Вертолёт уже был загружен и возле него медленно прохаживался полковник Мартынюк.

Под фюзеляжем лежали техники, которые не поехали с нами. Жара стояла неимоверная. В тени было градусов 38, солнце стояло в зените, да плюс ещё полный штиль!

Я посмотрел на Игоря Царика.

- Сколько загрузили?

- Да тонны полторы, не меньше!

Я, с тоской, оглядел ещё раз площадку и направление взлёта. Вздохнул.

- Ну, давай попробуем! Не ждать же нам здесь ночи. Может вытянем!

Двигатели, как-то нехотя, запустились, задыхаясь от вязкой жары, вышли на режим.

Я, как можно плавнее, начал отрывать вертолёт от земли. Но он, чуть оторвав колёса, медленно покачиваясь, осел вниз в центре площадки, натужно молотя лопастями по раскаленному воздуху.

Обороты винта медленно поползли вниз, 93, 91, 90...89.

- Э-э! Так не пойдёт! - подумал я.

В принципе я уже ожидал такого исхода. Но надо было что-то предпринимать.

- Так Игорь! Давай сливай с каждого подвесного бака по литров сто керосина.

Он удивлённо посмотрел на меня:

- А куда сливать то?

- Куда-куда! В континент! - выругался я.

Он проворно выскочил из вертолёта, и через минут пять вернулся.

Андрюха крутанул галетником топливомера, что-то посчитал, и посмотрев на меня, кивнул головой.

- Ну, давай ещё раз! - вновь я медленно потянул "шаг-газ" вверх.

Вертолёт уже энергичней оторвал колёса и набрал высоту метра два. Стрелка оборотов несущего винта опять медленно поплыла вниз, а вместе с ней, покачиваясь, осел и вертолёт.

- Андрюха! Посчитай сколько нам надо до Ханкалы топлива!

- Тонна сто! - быстро произвёл расчёт Андрей.

- Игорь! Бегом ещё по литров сто пятьдесят с каждой бочки.

Царик, также быстро, выскочил из вертолёта и принялся колдовать со сливными кранами.

Всё это время полковник Мартынюк и техники в грузовой кабине недоумённо смотрели в пилотскую кабину, понимая, что ситуация нелёгкая. Я попытался успокаивающе им улыбнуться, но получилось это как-то кисло. Они все сжались на своих местах.

Заскочил Царик и показал большой палец.

Быстро прикинув, что на весь нормальный отрыв мне отведено не больше секунд пяти, за которые я должен успеть набрать высоту, метра три, чтобы перескочить через забор, а затем перевести вертолёт в разгон скорости.

Вспомнив аэродинамику, я подрулил как можно ближе к забору и развернулся вправо, поставив левый борт на курс взлёта.

Зная, что при взлёте левым бортом вперёд, разгружается рулевой винт, и высвободившуюся мощность можно хоть как-то использовать на вращение несущего винта. Но это всё на доли секунд.

Так или иначе, при переводе в разгон скорости неминуема просадка вертолёта вниз. Тем более надо было взлетать только боком, чтобы при просадке не зацепить рулевым винтом за забор. Но за забором-то были деревья и кусты. А взлетать было надо, жара не спадала, и могла только ещё усилиться.

Понимая всё это, я перекрестился. Все замерли.

Чуть более энергичней оторвав вертолёт и набрав высоту метров пять, я резко отдал ручку управления влево. Вертолёт как-то нехотя, но послушно накренившись влево, потянул через забор. И как только брюхо вертолёта проплыло в нескольких десятках сантиметров от его верхушки, вертолёт начал оседать вниз. Стрелка оборотов винта поплыла вниз и замерла на 87 процентах.

Лопасти натужно шелестя "встали тюльпанчиком"!

- Всё! Медлить нельзя! Весь запас мощности исчерпан! - пронеслось в голове - Главное перескочили через забор!

Плавненько доворачивая «нос» на курс взлёта и, стараясь как можно меньше дёргать рычагами управления, я дал возможность вертолёту самому выскребаться из столь сложной ситуации.

Вертолёт, осев на кусты, шурша по ним брюхом, медленно начал разгонять скорость, и ещё более медленно отходить от земли. И как только он набрал нормальную скорость и послушно стал набирать высоту, все откинулись на спинки кресел. Обороты восстановились и винт, уже привычно гудя, потащил нас вверх.

- Фу-у! Взлетели! - выдохнул я и оглянулся в грузовую кабину.

На меня смотрели десятки изумлённых глаз, в которых читалась только одна мысль:

- Ну, вы вертолётчики и ИДИОТЫ!

Я улыбнулся и, подмигнув им, помчал всю эту братию назад, в Ханкалу.

Дальнейший полёт прошел спокойно.

Проскочили Моздок, поблагодарив за управление и пожелав спокойного дня руководителю полётов его аэродрома. Затем "нырнули" в русло Терека и пошли

вдоль его вихляющих берегов на восток, стараясь как можно реже подниматься выше их.

Хоть и население станиц, обильно облепивших берега Терека, в большинстве своём было мирным, но останки сгоревшей боевой техники, лежащей вдоль дорог, подсказывали, что осторожность здесь не помешала бы.

Показался «надтеречный» хребет и, ещё через несколько минут, перевалив его, мы опять нырнули в густой смрад намешанного в воздухе дыма и пыли. Проскочив над полосой аэропорта "Северный Грозный" мы немного расслабились и через несколько минут произвели посадку в Ханкале.

Выйдя из кабины, я подошел к Мартынюку, и улыбка растянулась на моём лице. Вечно красное и оплывшее его лицо сейчас было белым как мел.

- Ну, ты из меня всю душу вытряс! - только и произнес он.

- Ничего-ничего! "Не всё скоту масленица"! В следующий раз будете выбирать, с кем летать.

И я, чтобы не расхохотаться, развернулся и быстро пошел на КП. Надо было ещё доложить о выполнении задания, раздать заказанные покупки своим мужичкам, да заскочить опять,"на поклон", к начальнику объективного контроля, чтобы тот не поднимал шум по поводу "упавших оборотов несущего винта".

ТИХОНЫЧ

Утро 13-го июля также выдалось знойным. После завтрака все быстренько получили задачи и разлетелись во все уголки самопровозглашенной Ичкерии.

Нашему экипажу досталась задача быть вертолётом прикрытия и поисково-спасательного обеспечения пары Ми-24-ых, которые вылетели на "свободную охоту" в район Шали-Сарые Атаги.

Ведущим группы был полковник Угнивой Юрий Тихонович. Лётчик "от Бога"! Прошедший не один Афган, инспектор-лётчик отдела боевой подготовки авиации Округа. Человек крутого нрава, но в меру жёсткий и ещё более справедливый.

Такие его качества вызывали огромное уважение со стороны лётчиков. И мы, "за глаза", называли его по-простому - "Тихоныч".

Взлет произвели группой и сразу "упали на предел" (предельно-малая высота).

В район "охоты" пришли через 10 минут. Я всё время старался держаться за группой, повторяя все их замысловатые кульбиты по огибанию складок рельефа, линий электропередач и лесных массивов.

Но "двадцатьчетвёрки" были намного манёвренней нашей "МТ-шки", и мне пришлось, чуть оттянувшись, идти на высоте метров пятнадцать. Тем более с такой высоты было немного удобней наблюдать за группой и наземной обстановкой вокруг.

Ведь, при обстреле и повреждении одного из вертолётов, я должен был мгновенно, "сходу", зайти на посадку и забрать экипаж. Счёт времени в такой ситуации шел бы на секунды.

Точной задачи "двадцатьчетвёртых" я не знал, и только обеспечивал их прикрытие в заданном районе.

Проскочили небольшое поле с высокой травой, на котором одиноко косил траву старый чеченец.

"Двадцатьчетвёрки" заложили крутой вираж. Я старался не отставать. И буквально через несколько секунд после разворота увидел, как ведущий сделал залп НУРСами прямо у старика над головой и начал выполнять резкий отворот от цели, чтобы не попасть в зону разлёта осколков собственных ракет.

Огромный столб огня рванулся ввысь перед опушкой леса, в нескольких сотнях метров от него.

Когда мы проскочили над уничтоженной целью, я увидел, что это были две больших, хорошо замаскированных бочки.

Теперь я понял задачу "горбатых". Их целью были нефтеперерабатывающие "минизаводики", если конечно их так можно было назвать. По всей низменной территории Чечни таких "заводиков-самоваров " было тысячи. На них местное население делало дешевый бензин, и это было на руку боевикам, так как для них практически не существовало проблемы с топливом по всей территории Чечни. Нефть в этих местах выходила буквально на поверхность, и то тут, то там были видны чёрные пятна растекающейся нефти. Поистине, богатейшая земля!

Несколько мгновений, и очередной столб огня рванулся ввысь в другом месте. И что самое интересное, старик, косивший траву, даже не поднял головы, а продолжал так же размеренно взмахивать косой, как будто для него эта ситуация была привычным делом!

"Двадцатьчетвёрки" крутили резкие виражи и наносили удар за ударом. Я еле успевал за ними.

Наверное, это понял Тихоныч.

- 711-тый! Набирай над нами тысячу метров, прикрывай с этой высоты.

- 711-тый понял! - ответил я, и, задрав нос машины, полез на высоту.

Через несколько минут мы набрали тысячу метров, и оглядевшись, стали искать свою прикрываемую группу, но "двадцатьчетвёрок" нигде не было! Холодок у меня пробежал по спине:

- Мать твою... неужели потеряли! Андрюха! Где "горбатые"? - выкрикнул я.

Андрей неистово крутил головой, осматривая пространство, но ничего не мог увидеть, как, впрочем, и я.

Несколько минут мы до боли в глазах всматривались в лежащую внизу поверхность, крутили вираж за виражом, но "двадцатьчетвёрок" не было!

Тут бортовой техник вскинул руку и показал совсем в другую сторону от той, где мы искали группу.

Столб пламени и пыли взметнулся огненным шариком вверх и, в километре от него, мы увидели тонкие, хищные тела "двадцатьчетвёрок".

За то время, что мы набирали высоту, группа развернулась на 180 градусов, и рванула в сторону Гехи-чу и пролетела около 10 километров. Поэтому мы её и потеряли.

- Так! Всё! Смотрим "в оба"!

Пилотируя вертолёт только на чувствах, не глядя на приборы, мы стали наблюдать за маленькими "шмелями", носящимися внизу. А они и впрямь как "шмели" носились над одним местом, нанося удар за ударом.

- Командир! Смотри! По нам кто-то "работает"- сказал Андрей, показывая на яркие вспышки внизу и тонкую вереницу трассеров, мчащихся в сторону нашего вертолёта. Но высота была достаточной, чтобы выполнить противострелковый манёвр. Так что большой опасности этот обстрел для нас не представлял. Хуже было паре, которую мы прикрывали.

Только спустя три года после этих событий я узнал очень неприятную хронологию тех минут, которые развивались там, внизу, на маленькой опушке леса, над которой работала пара "охотников".

Я позволю себе некоторое отступление от тех событий. Об этом, считаю, обязательно надо рассказать, чтобы ты, читатель, понял, как всё происходило тогда на ТОЙ войне!

11 декабря 1999 года. Город Хабаровск. Небольшой, уютный ресторанчик. Мы, ветераны, только что, кажется тогда, закончившейся войны, собрались отметить пятую годовщину начала тех страшных событий, которые развязали наши "горе-политики", помянуть наших мальчишек.

В маленьком, уютном зальчике, за столиками собрались представители всех родов войск, которым привелось в те годы быть перепаханными в тех жерновах, задачей которых было, так называемое, "наведение Конституционного порядка".

Как сейчас, помню ту гнетущую атмосферу! Когда за одними столиками сидели искалеченные, обожжённые, изуродованные мальчишки, без рук, без ног, без глаз, а напротив сидели матери, отцы, жёны, сёстры и дети тех мальчишек, которые вообще не вернулись оттуда. Никто тогда не мог поднять даже глаз, чтобы взглянуть друг на друга. Почти все сидели тогда со слезами на глазах.

Только после нескольких рюмок боль притупилась, и мы хоть как-то начали общаться, вспоминать те события.

Рядом со мной сидел молодой, смугловатый майор, в форме СПЕЦНАЗовца МВД. На нагрудном шевроне его кителя, большими буквами было написано - "СОБР".

Он как-то из-под лобья, краем глаза, рассматривал меня. Потом молча взял бутылку водки, налил мне и себе полные рюмки. Затем, взяв свою, и подняв, повернулся ко мне, теперь уже пристально глядя в глаза.

- Юра... Юра Каримбетов! Вертолётчик?

Я молча кивнул и, взяв свою рюмку, не чокаясь, выпил.

- Пойдём, перекурим! - продолжил он.

- Пошли!

В фойе ресторана мы долго стояли молча, жадно куря свои сигареты.

Юра начал первым.

- Где был? Когда?

- Ханкала. Июль - сентябрь 1996 года.

Он кивнул.

- И мы тогда же!

Потом, помолчав, продолжил с какой-то горечью в голосе.

- Ваши вертолётчики тогда нам здорово "насолили". Мы тогда выполняли разведку, и нас обнаружили «боевички» и начали обстрел. По указанию авианаводчика навели пару "двадцатьчетвёрок", которая работала в этом районе на эту группу «боевичков», которая не давала нам пройти по запланированному маршруту. Но этот авианаводчик дал экипажам неправильный курс захода и атаки, и когда мы увидели, что пара заходит в атаку прямо на нас, у меня ноги стали ватными! Я в доли секунды понял, что сейчас произойдет. Раздумывать было некогда, успел только крикнуть своей группе: "Бегом! Рвём отсюда!". Впереди было минное поле, по нему то мы и "рванули"! Чечены тоже замерли в ожидании. Видя всю складывающуюся ситуацию, они даже не открыли по нам огонь, а ждали, когда мы начнём рваться на минном поле.

А мы, как говорится, бежали "впереди штанов своих" и, то ли Господь нас пронёс по этому полю, то ли мы оказались обезбашенными везунчиками, но это минное поле мы "пролетели" за доли секунды и оказались в безопасном месте как от своих, так и от чеченов.

Тут же всё стало рваться вокруг, НУРСы попали аккурат в то место, где мы находились.

У меня волосы встали дыбом от мысли, что бы произошло, тормозни мы хотя бы на доли секунды.

Я с волнением выслушал Юру, а потом честно признался, что это были мы, и попытался объяснить ту ситуацию.

Но он в ответ только улыбнулся и сказал:

- Да ладно, на войне всякое бывает, нам просто тогда о-очень повезло! Благодаря чему я и стою сейчас перед тобой. А кто был ведущим группы "двадцатьчетвёрок"?

- Юра! Зачем тебе это?

- Да так, просто!

- Ты знаешь? Честно говоря, я не хочу об этом говорить! Ведь, всё же, это наша вина, ну или пускай, вашего авианаводчика! Какая разница! Давай оставим всё так....

Я не стал говорить о Тихоныче!

Он не должен был знать, что после этой, очередной его войны, у этого первоклассного лётчика не выдержало сердце и он умер прямо на работе.....

Работу закончили через пятнадцать минут. Пара, быстро развернувшись, помчалась в сторону Ханкалы.

-711-й! Снижайся, пристраивайся к нам. На сегодня конец, идём на "точку"- услышал я в наушниках голос Тихоныча.

- Понял 711-й, выполняю.

После посадки я подошел к Алексею Бармину, тоже своему однокашнику, который был в этом полёте ведомым у Тихоныча.

- Лёх! Ну и чего вы там "накрошили"?

Но он только махнул рукой развернулся и пошёл в палатку. Весь комбинезон его был мокрый от пота. Стало всё понятно! Ответ был исчерпывающим.

СЕДЫЕ МАЛЬЧИШКИ

На три дня наступило затишье. Во всяком случае, для моего экипажа.

Мы с Андрюхой успели отстирать от соли и пыли свои комбезы, привести в порядок свои мысли, черкнуть пару строк домой. Тем более, что в это время в Чечню приехала Валентина Васильевна Решёткина, председатель комитета солдатских матерей Хабаровского края, которая жила вместе с нами в Гаровке, и которая пообещала доставить наши письма прямо до адресатов.

С собой она привезла несколько мамочек, которые приехали в Чечню, попытаться вызволить своих мальчишек из плена, или найти хотя бы то, что от них осталось.

Страшно было смотреть на их почерневшие от горя лица!

Некоторым со временем повезло. Они нашли своих живых сыновей и всеми правдами, и неправдами вызволили из плена.

Как-то мне даже пришлось их везти из Ханкалы во Владикавказ.

Сидя уже в вертолёте, эти, не ко времени, постаревшие женщины, крепко держали своих, не менее постаревших и измождённых, сыновей, как будто их кто-то мог у них забрать обратно. Так они и летели всю дорогу, крепко держа друг друга за руки.

Вообще, на ТОЙ войне, я впервые увидел то СТРАШНОЕ преображение ещё недавних молодых юнцов, которых только что оторвали от мамкиной груди и вытащили из-за школьной парты и, не обучив ничему, да и даже толком не вооружив, отправили в самое пекло!

Страшно было смотреть на этих холёных, румяных пацанов, наигравшихся в компьютерную "войнушку", которых я вёз для десантирования в горы, и которые бравировали друг перед другом, явно не понимая, куда же их всё же везут, со словами:

- Да мы им сейчас все яй... поотрезаем...!

А через два-три часа после высадки они уже орали благим матом, по радио, с тех гор:

- Заберите нас отсюда! - насмотревшись, как на их глазах разрывало в клочья их друзей, и пули там летали настоящие, и нельзя было нажать "Ctrl Delete".

И спустя некоторое время, я уже оттуда забирал седых, с обезумевшими глазами, молодых стариков, в прямом смысле этих слов!

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

Утро 16-го июля начиналось всё в том же ритме.

В 5.30 подъём. Быстренько умылись, схватили свои АКСу, и бегом, в уже поджидавшие нас грузовики.

И опять всё та же пятнадцатиминутная "кишкотряска" до аэродрома!

По сути дела, при такой концентрации войск, дорог в Ханкале практически не было. Просто "направления"!

Пока "ехали" до аэродрома, наш "Урал", с дырявым тентом, то и дело увязал в лужах, полуметровой глубины, наполненных сметанообразной смесью глины, пыли, и... ещё Бог знает чего!

Пешком там пройти было просто невозможно!

Когда "водиле" совсем уж было "невмоготу", он просто прорывался через чистенькое расположение какого-нибудь автопарка или между палаток, обильно уставленных вокруг авиабазы. Но никто и не обижался. Все знали... вертолетчики едут работать.

Ну а на аэродроме всё тот же ритм. Быстрый завтрак из холодной, и уже опостылевшей, гречки с тушёнкой, стакан полусладкой воды, похожей на чай, в прикуску с сырым, недопечённым хлебом, больше похожим на простое тесто, и бегом на постановку задач!

Начиналось очередное утро ВОЙНЫ.

Всё в том же импровизированном классе предполётных указаний экипажам "нарезали" задачи на день. Постепенно просыпался аэродром.

Наши дорогие "технари" готовили для нас наши машины. То тут, то там запускались движки вертолётов. Авиабаза начинала работу.

- Штинов! На КП! - послышалось из диспетчерского домика.

Я подошёл к открытому окну небольшого вагончика, которым и являлось КП авиагруппировки, и стал ждать указаний.

Через несколько минут подошёл Юрий Николаевич Чебыкин.

- Так, Стас! У тебя сегодня особая задача! Наши "заменьщики" кое-что оставили нам "в наследство", надо будет слетать на разведку. Тебя загрузят бензином и стройматериалами, и ты, с начальником тыла полетишь "полосатым рейсом".

Я удивительно посмотрел на командира.

- Летишь на Каспий, остров Тюлений, там разгружаешься, забираешь груз и домой. И чтобы ни одна ..... тебя не видела и не слышала. В полном режиме радиомолчания. Пограничная зона! Не хватало нам ещё проблем с пограничниками. Весь полёт на твою ответственность, решение принимаешь самостоятельно. Взлёт через тридцать минут, в 18.00 ты на аэродроме. Задача ясна?

- Так точно!

- Свободен!

Я вышел из домика и направился к вертолёту. Возле него уже кипела работа.

Через открытые грузовые створки в него закатывали бочки с бензином и заносили какие-то ящики. Рядом стояла группа пилотов и техников с братской эскадрильи Ми-24.

- Борисыч! Возьмёшь нас? Нам заменьщики сказали, что там можно отдохнуть и покупаться. У нас день свободный.

Я опять с грустью посмотрел на обшарпанную, видавшую виды "Т-эшку", потом в полную грузовую кабину, затем на 8 человек лётного состава, прокручивая в голове расчёты - "как же всё это поднять?".

Но глаза пилотов с мольбой, да и слабый кивок бортача, Игорюхи Царика, развеял все сомнения. Да и очередной, недоумённый взгляд полковника Мартынюка, который на этот раз промолчал, добавил резона моим мыслям.

В голове промчалось:

- А вот хренушки тебе "пехота", пилотов я всё равно возьму!

Только в слух произнёс, покачав головой:

- Э-ээ-х! И откуда вы всё знаете? Ладно! По машинам!

Лётчики быстро заскочили на борт, распихав свои организмы в свободные промежутки между грузом.

- От винтов! Запускаемся!

После взлёта, отойдя немного от аэродрома, как и было указанно, мы "упали на предел", если таковой её можно было назвать.

Любой вертолетчик любит полёты на предельно-малой высоте. И сейчас, когда нам была поставлена конкретная задача "не светиться", мы просто "облизывали" континент.

Перескакивая кусты и деревья, ныряя в овраги и ложбинки, мы неслись к Каспийскому морю.

Андрей пальцем вёл по проложенному им маршруту на карте, крутя головой и сверяя его с окружающими ориентирами.

Через 20 минут показалась береговая черта. Каспий был очень красивым!

Его изумрудно-синяя вода переливалась в лучах восходящего Солнца. Мы заскользили на метровой высоте над пенными барашками волн, несясь в открытое море. Теперь была вся надежда на точность прокладки маршрута штурманом, чтобы точно выйти на маленький островок, с красивым названием "Тюлений". Высоту нельзя было набирать, дабы не засветиться яркой точкой на экранах локаторов наших коллег-пограничников.

До боли в глазах мы всматривались в широченный морской горизонт, в поисках узкой полоски земли.

Остров появился неожиданно. Он выступал из воды на высоту, всего лишь, 2 - 3 метра, с минимумом растительности, да и сам небольшой по размеру.

Плавно начав гасить скорость мы стали подходить к нему с западной стороны. Недалеко от берега стоял небольшой домик с беседкой, вокруг несколько невысоких мачт-антенн, и старый, ржавеющий остов трактора.

Я заложил вираж над домиком в поисках ровной площадки для посадки, но в кабину протиснулся полковник Мартынюк, который всё это время стоял за спиной у борттехника, и рукой показал в сторону северной части островка.

- Нам туда! - послышался его голос через свист турбин.

На узкой прибрежной полоске мы увидели несколько моторных лодок, а рядом с ними несколько человек, размахивающих руками.

Я плавно довернул вертолёт в их сторону и прошел над ними на высоте 5 - 10-ти метров, чтобы определить место для посадки и направление ветра.

Благо на море с определением ветра было всё просто. Белые чёрточки нешироких пенных следов, вытянувшиеся на сотни метров по гребням волны, чётко указывали его направление. А вот с подходящей площадкой было сложнее.

Прибрежная полоса была шириной, всего лишь 5 - 8-мь метров, затем начинался небольшой уступ, высотой 1.5 - 2 метра, переходящий уже в саму поверхность острова, и который был покрыт густым, низким кустарником. На расстоянии 100 -150-ти метров от берега были небольшие "пятачки" открытой

поверхности, на которых и можно было бы сесть. Но Мартынюк заметив мой взгляд, прокричал мне на ухо:

- Нет-нет! Надо садиться ближе к ним! Будем рыбу загружать, а то придётся далеко таскать!

Я с недоумением посмотрел на тыловика.

- Да нам что! В воду садиться?

- Нет! Этой полоски достаточно!

- Во блин! - только подумал я, - этой пехоте невдомёк, что мы не на БТРе, и что наша машина весит 11-ть с половиной тонн, и что весь вес будет держаться на трёх узеньких колёсах шасси, которые, однозначно, увязнут в песке "по самое не хочу"!

Я с горечью покачал головой.

- Ладно! Заходим на посадку. Андрюха! Смотри справа за расстоянием до лопастей. Игорь! Над берегом подвисну, спрыгнешь, будешь смотреть за хвостом и шасси. Главное не увязнуть, и не опустить хвостовую балку.

Я сделал круг над выбранным местом и стал гасить скорость. Уже перед самым зависанием, потоком воздуха с берега начало поднимать пыль, ветки и всяческий хлам, который стал лупить по кабине и остеклению с таким неистовством, что было такое ощущение, будто на нас высыпали несколько тонн сухого гороха.

- Ёлки-палки! - пронеслось в голове - У нас ведь даже нет ПЗУ (пылезащитные устройства двигателей), и два наших "турбопылесоса", натужно свистя, перемалывают сейчас весь этот хлам своими тоненькими лопатками! Главное, чтобы они не "захлебнулись" такой грязью! О-оо-т пехота! Нашёл же

место! Хотя, видать, ему всё "по-барабану". Больше не пойду ни на какие его афёры! Только технику гробим!

Царик уже выскочил из вертолёта и, забежав вперёд, присел на корточки, смотря под днище. Затем руками показал, что можно приземляться.

Бедолага! Ему "повезло" не меньше чем его борту. Игорюху также, весь этот хлам, лупил со страшной силой! И, как только он поднял большой палец одной руки, другой прикрывая лицо, я вывернул коррекцию и убрал обороты. Шум сразу стих. Движки, охлаждаясь, и обиженно скрежеща турбинами, стали дожидаться окончания этого издевательства.

Игорь, весь взъерошенный, с кучей веток и ракушек в голове, заскочил в кабину и занял своё рабочее место, подготавливая вертолёт к выключению. Охладив турбины мы, выключили движки и откинулись на кресла.

- Игорюха! Ну и как теперь будем взлетать? ПЗУ то нет! Давай-ка осмотри входные устройства! - дал я команду борттехнику.

Царик открыл верхний люк и проворно выскочив наверх, к движкам, через минуту спустился в кабину, с улыбкой выдохнув:

- Порядок командир! Наши отечественные движки - САМЫЕ НЕУБИВАЕМЫЕ движки в мире, хоть и прожорливые. И как видно - "едят" не только керосин.

- Ладно скалиться! Ещё взлететь надо, а то вон "тыл" уже непомерные планы строит! - указал я на Мартынюка, который уже общался, размахивая руками, с подошедшими бородатыми рыбаками.

- Во-оо! И здесь чечены! - произнёс Андрюха, показывая на них пальцем.

- Это не чечены! Дагестанцы! - ответил из грузовой кабины прапорщик-нач.прод., которого мы взяли с собой, волочащий какую то коробку к выходу.

- Да-аа! Хрен редьки не слаще! - ответил Андрей.

- Ладно! Всё, выгружаемся! - устало стал пробираться я к выходу.

Пилоты с братской эскадрильи, как малые дети, скидывая с себя на ходу одежду, уже мчались в море. Их лица, в эти мгновения, выражали такую радость и блаженство, что мне в пору было думать о себе, как об ангеле-спасителе.

Море! Красивое лазурное море! Это было как в сказке!

Буквально в 30 - 40 минутах полёта отсюда шла страшнейшая война!

А здесь?

Здесь был МИР! Тишина и покой!

Здоровые мужики, "скинули" с себя все "оковы" и, как дети, резвились в прибрежном прибое. Мягкий шелест волн просто убаюкивал.

Я прилёг на берегу и, расслабившись, стал наблюдать за этой неестественной, шокирующей картиной. Мягко грело солнышко, нежно шептали волны. Веки, налившись тяжестью, закрылись сами собою. Я снова был дома!

Такой же тихий и нежный прибой Японского моря. Бухта "Ливадия". Плотно уставленный палатками отдыхающих "дикарями" берег, разномастная музыка со всех сторон, запах костра и шашлыков, нежные объятья деток....

- Пап! Пойдём искупаемся! Ну, па-аап! Вставай! Море такое классное... - сын Артёмка тряс меня за плечо.

Как не хотелось открывать глаза, а лишь томно лежать под тёплым солнышком на мягком песке... Тишина!

Я медленно открыл глаза....

- Стас! Вставай! Всё проспишь! - смотрел на меня Андрюха, тряся за плечо.

Всё резко оборвалось.... Я снова был там, в чужой сторонушке.

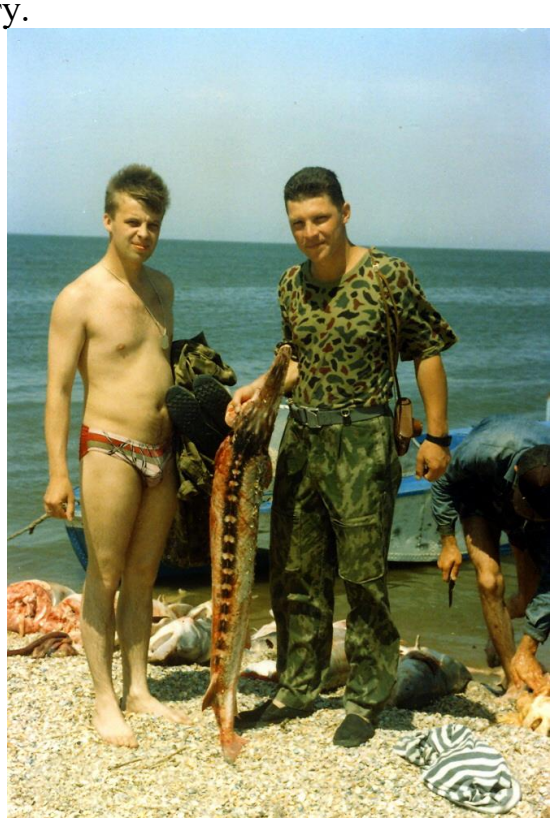
Что-то больно впилось в щёку. Я провёл по лицу рукой, и в ладони осталась маленькая, практически незаметная ракушка. Перевернувшись на живот, я стал рассматривать песок.

И тут, приглядевшись, я понял! А песка то здесь не было вообще! Весь остров был усыпан очень мелкой ракушкой, он буквально состоял из неё.

- Так вот что мы перемалывали движками!

За то время, что я дремал, к берегу пристали несколько лодок, заполненных доверху рыбой.

Чего там только не было! И огромных размеров белуга, и каспийский красавец осётр, и другая различная мелочь, размером с нашу дальневосточную кету.



Рыбачки, а попросту браконьеры, проворно суетились у лодок, выгружая всё это на берег. Не менее проворно возле них суетился "наш тыл". Мы с интересом

наблюдали за всем этим, а затем, взяв фотоаппараты, решили сфотографироваться на фоне этой красоты. Рыбачков, завидевших фотоаппараты, как ветром сдуло! Только один из них остался, объяснив, что его "коллеги" не хотят "засветиться"! Оно и понятно! За такой браконьерский вылов редчайших видов рыбы грозил огромный срок! Мы тоже понимали, что в случае чего, мы бы "автоматом" перешли в разряд соучастников.

Так вот почему "заменьшики" называли такие рейсы "полосатыми", а не с созвучным известным комедийным фильмом!

Нач.тыла быстро произвёл свои "математические" операции и рыбачки быстро стали перетаскивать часть улова в вертолёт. Ну а мы продолжали наслаждаться, по случаю, выдавшимся нам отдыхом. Солнце, быстро проскочив зенит, начинало катиться к закату. Пора было собираться в обратную дорогу.

Внимательно осмотрев берег вокруг вертолёта, убрав ветки и мелкий мусор, который мог бы попасть при взлёте во входные устройства двигателей, мы заняли свои места.

- Ну что Игорь! Попробуем взлететь? Андрюх! Ты хоть прикинул взлётный вес? - обратился я к экипажу.

- Ну-у, где-т около максимального "взлётного"! - почесал затылок "бортач".

- Ладно! Препятствий нет! Плюс хороший, без порывов левый боковой ветерок. Все условия для нормального взлёта! Только вот впереди одно море, и при глубокой просадке машины, продолжать нам "водные процедуры" - вслух подумал я.

- Прорвёмся командир! - ответил Игорь, - машина надёжная. Отвечаю!

- Запускаемся! Взлетаем!

Рыбачки, наверное, не один раз видевшие такие взлёты "на пределе", предусмотрительно отошли на приличное расстояние, став с интересом

наблюдать, как же мы выкарабкаемся из такой ситуации. Но я уже знал, что делать.

Запустившись и прогрев силовые установки, помня, что на весь этап взлёта у меня будет максимум 1 минута, все мои рассчитанные действия выстроились в цепочку. Мысли чётко проиграли предстоящий взлёт.

- Та-а-ак! После ввода коррекции, и выхода на взлётный режим - как можно меньше быть в "воздушной подушке"! Мелкие ракушки, засасываемые двигателями, будут работать как абразив, оставляя неизлечимые ранки на лопатках компрессоров, а там и до "помпажа" недалеко. Значит - отрыв на максимально возможную высоту! Пускай, даже и потеряем обороты несущего винта. Затем - левая педаль вперёд, левым бортом на ветер, разгружая рулевой винт и прибавляя тяги "несущему", выигрыш 5 - 10 секунд! Должно хватить! Главное, чтобы "просадка" вертолёта была не слишком сильной, чтобы не зацепить колёсами вершинки волн, тогда может возникнуть приличный опрокидывающий "момент".

- Ну-у, поехали! Я, более энергичней, потянул "Шаг-Газ".

Вертолёт послушно оторвал колёса и взмыл на высоту десять метров. Знакомый, барабанящий звук ракушечника по кабине, левая педаль "вперёд"!

Вертолёт плавно завалившись на левый борт, с небольшим снижением, заскользил по намеченной траектории. Стрелка оборотов несущего винта резко поползла вниз - "93",... "90",..."89",..."87"! Замерла!

Машина трясясь, как в агонии, со снижением, продолжала увеличивать скорость!

- Теперь пора! "Нос" на курс взлёта! Не дёргать управление! Вода совсем близко!

Машина, ещё немного "просев", дёрнулась, и прыгнула вверх, как будто ей кто-то дал хорошего "пендаля под зад". Винт натужно потянул всю эту массу в высоту!

- Всё! Взлетели! - практически одновременно выдохнул экипаж.

Мы сделали прощальный круг над нашим биваком, покачав бортами махавшим снизу рыбакам, развернулись на юго-запад и, снизившись на ПМВ, помчались, "облизывая" брюхом волны, домой.

Остальное время полёта прошло спокойно. Преодолев водное пространство, мы выскочили на землю, и всё так же, ныряя в ложбинки, перепрыгивая через лесополосы, долетели до аэродрома.

Сразу после посадки и заруливания к вертолёту прибыл Чебыкин.

Винты ещё не успели остановиться, как он, подойдя к борту, открыл сдвижную дверь в грузовую кабину и заглянул внутрь.

- Мм-да-аа! В трамвае, в "час пик" и то посвободней! Стас! Всем "отдохнувшим", в том числе и вам, оказать помощь в разгрузке вертолёта, и на отдых! За полёт отчитаешься завтра.

Следующие два дня, 17, 18 июля прошли относительно спокойно. По указанию генерала Самарина, мы с Андреем выполняли "каботажные" рейсы по равнине. 17 июля, опять же с полковником Мартынюком, мы слетали в Прохладный, но теперь только туда и обратно. Не стал я рисковать и брать с собой много людей. Полёт выполняли всё на том же "колокольчике". Основная задача - доставка продовольствия для авиагруппировки.

ГОСТЕПРИИМНАЯ ОСЕТИЯ

18 июля слетали на о. Тюлений, опять за рыбой. Только теперь мы её доставили во Владикавказ. По пути туда, над Ингушетией, со стороны северо-западной окраины посёлка Карабулак нас опять обстреляли из стрелкового оружия. Но высота была большой, и этот обстрел не причинил нам никакого вреда.

Посадку произвели, на берег русла реки Гизельдон, на западной окраине посёлка Гизель, недалеко от одноимённого аэродрома "Гизель". Пока выгружали вертолёт, нас свозили на обед, в село Новая Саниба.

Первый раз я посмотрел, как живут в осетинских сёлах. Размеры домов конечно впечатляли.

Огромный двор, по периметру закрытый двухэтажными жилым домом и надворными постройками. Стол посредине двора. Немолодая, но красивая хозяйка-осетинка, суетилась вокруг нас, выставляя на стол всевозможные кавказские яства. То было знаменитое кавказское гостеприимство!

Пока мы обедали, детвора этого дома, не выходя во двор, с интересом рассматривала нас из-за полуоткрытых дверей. Они, наверное, впервые так

близко видели настоящих лётчиков, при полной боевой амуниции, тем более прилетевших из многострадальной Чечни.

Пока мы обедали, хозяин дома, красивый седовласый осетин, не проронил ни слова, изредка перебрасываясь парой фраз с нашим прапорщиком - нач.продом, тоже внимательно рассматривая нас. Когда мы уже уходили, он крепко, по-отечески, сжал мою руку и сказал только одну фразу:

- Сынки! Берегите себя! Дай вам Бог удачи и жизни! - и опустил, как маленький ребёнок, глаза.

ГЕНЕРАЛ

Утро 19 июля началось как обычно. Но теперь Чебыкин первым вызвал меня на постановку задач экипажу.

- Та-аак! Хватит "прохлаждаться"! Работы не в проворот! Сейчас летишь на площадку под Гехи-чу, перевозишь в артиллерийский полк боеприпасы, ну а там тебе поставят дальнейшую задачу.

- Ну слава Богу! - подумал я. И только в слух, с сарказмом, произнес - Что? "немилость" закончилась?

- Ладно зубоскал! Иди, работай. Пока ты на Каспии отдыхал, народ тут с горных площадок не вылезал! - ответил Чебыкин.

- Ну-у конечно! Это была моя личная инициатива!

- Всё! Давай! Выполняй задачу!

Я развернулся и, уже с улыбкой, побежал на стоянку вертолётов. Следом догонял Андрей.

- Ну что? Куда на этот раз? - спросил он, с интересом глядя на моё счастливое лицо.

- Всё Андрюх! Работаем по-боевому! Война так война! Раз уж мы здесь!

Через 15 минут произвели взлёт.

За то время, что мы получали задачу, наш новый "борт", мощную "МТ-шку" уже загрузили ящиками с боеприпасами. Следом взлетела пара "двадцатьчетвёрок" прикрытия, ведущим которой был Лёша Бармин.

Взяв курс на Урус-Мартан мы, на "пределе", заскользили над полями в сторону величественных гор Кавказского хребта.

"Перепрыгивая" через лесопосадки, мы старались облетать стороной населённые пункты, над которыми нам категорически запрещалось пролетать, да и мы сами это понимали, памятуя о том, что практически каждый из которых был опорным пунктом боевиков. Одним таким логовом, из них, был Урус-Мартан, и нам также предстояло его обойти.

"Двадцатьчетвёрки" точь-в-точь повторяя все наши манёвры, держались в двухстах метрах от нас.

Впереди появилась очередная лесополоса. Я постарался подойти к ней поближе, чтобы потом, взяв энергично ручку управления на себя, "перепрыгнуть" через неё и обратно нырнуть на ПМВ, для обеспечения минимального времени нахождения даже на такой незначительной высоте как 20 метров. Обстрел мог произойти в любую секунду.

Андрюха покрутив карту и сверив с местностью, показал рукой в сторону:

- Доверни чуть левее!

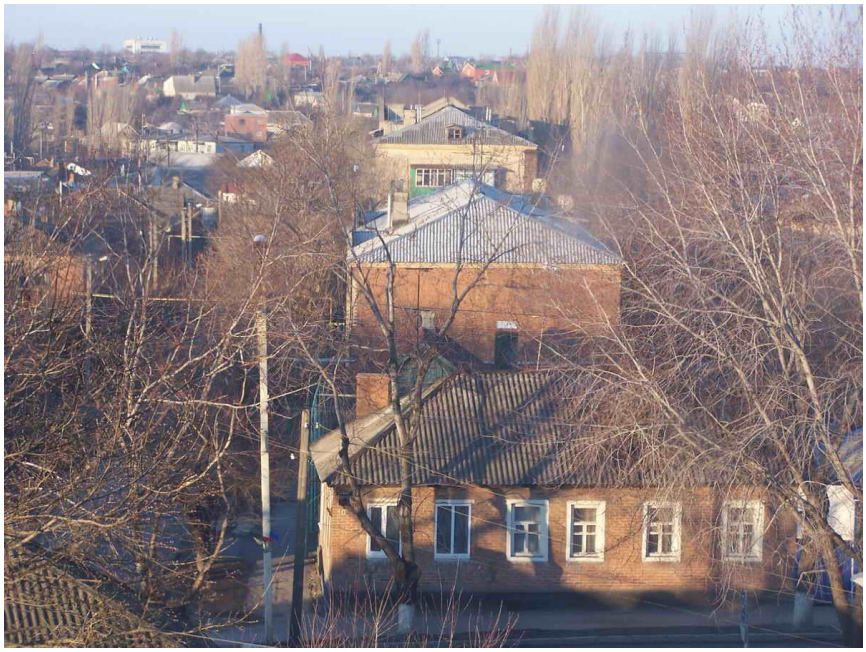
- Да нормально идём.

Но после того, как мы, задрав нос машины, подскочили над лесополосой на 15 - 20 метров, от открывшейся панорамы у меня аж дух перехватило!

Накрытый слабой дымкой, под нами расстилался Урус-Мартан.

Мы выскочили аккурат по его середине, прямо над центральной улицей.

Понимая, что деваться уже некуда, я только толкнул ручку управления вперед, направляя вертолёт как можно ближе к земле и со скольжением уводя его подальше, в сторону от центральной улицы.



Следом, в рассыпную, веером рванула пара прикрытия! В полном режиме радиомолчания, не проронив в эфир ни слова.

Наверное, у них также дыхание спёрло от такой неожиданности!

Вжавшись в кресла и втянув шеи, мы мчались на пятиметровой высоте над огородами, в любую секунду ожидая цокота пуль об нашу "ласточку"! Находящиеся внизу люди бросались врассыпную при виде нашей группы!

Боевики, наверное, тоже не ожидали от нас такой наглости!

Урус-Мартан мы проскочили на максимальной скорости буквально за минуту.

- Я же тебе говорил "левее"! А ты "нормально-нормально"! - перевёл дух Андрюха.

Борт.техник, вжавшись во входную дверь смотрел на нас с укоризной и нескрываемым недоумением.

Прошло ещё несколько секунд, и мы одновременно с Андрюхой расхохотались. Видно сказался стресс и резкий выплеск адреналина в наши организмы.

- Во блин! Эт мы навели шороху в "столице", только одним пролётом! Представляешь какой там сейчас переполох! - продолжал ржать Андрей. - Опять чуть не убил....!

Мне и самому было не по себе.

Я оглянулся назад, глядя в открытый блистер. Пара "двадцатьчетвёрок" быстро пристраивалась в хвост, занимая своё место.

- 711-ть! Больше так не делай! - услышал я по радио голос Алексея.

- Понятно! Постараемся! Они там, наверное, больше нас "в штаны наложили..."!

Через минуту, впереди, на открытом поле появилась, чуть прикрытая слабой дымкой, большая группировка войск. Множество палаток, тяжелой техники, танков, САУшек, БМП.

У небольшой палатки, установленной на более-менее ровном и открытом месте, начал разрастаться оранжевый дым сигнальной шашки, указывающий место посадки и направление ветра.

Мы практически сходу, энергично загасив скорость, примостились недалеко от неё.

Из-за палатки, за нашей посадкой, с интересом наблюдали пехотинцы.

Удивило то, что мы практически не подняли никакой пыли. Объяснение этому мы получили через несколько минут.

Я связался с Алексеем по радио, и сказал, что по команде встречающих выключаюсь для разгрузки борта и получения дальнейшей задачи. Алексей ответил, что принял информацию и, промчавшись низко над местом посадки, приветливо покачав крыльями-пилонами, начал барражировать над группировкой.

После охлаждения и выключения двигателей мы вышли из вертолета. И как только ступили на коричневатую, покрытую тонким слоем травы землю, наши ноги, обутые в китайские тапочки-кросовки, по щиколотку погрузились во влажную кашеобразную жижу. Первая же попытка вытащить из неё ногу ни к чему не привела. Последующие движения ещё более усугубили наше положение. Было ощущение, что мы стояли в ванне с цементным раствором.

Пехота, наблюдающая за нами из-за палатки, начала потихоньку ржать.

Я сразу понял, что нашей обуви на сегодня пришел "трындец"!

С трудом выдёргивая ноги из коричневой жижи, мы с Андреем направились к палатке, у которой стоял офицер в грязном и замызганном бушлате и высоких резиновых сапогах. Подойдя ближе, я увидел генеральские погоны на его плечах, которые, явно не вписывались в его убогий вид. Но, первые же его слова и движения показали, что перед нами стоял настоящий боевой генерал. Да и два его подчинённых полковника, вышедших из палатки следом, и имеющих почти такой же вид, сразу располагали к себе.

Уставшие, серые лица, покрасневшие глаза, двухдневная щетина, и.... очень чёткая речь и жесты. В их каждом движении чувствовалась уверенность и властность.

Быстро были отданы команды на разгрузку вертолёта и подготовку раненых и пассажиров на обратную дорогу.

С трудом вынимая ноги, и боясь при каждом следующем шаге вытащить уже босые ступни, мы подошли к генералу. Представившись и доложив о прибытии в его распоряжение, я обернулся в сторону Андрея, и представил своего лётчика-штурмана.

Генерал кивнул головой и, еле сдерживая улыбку, осмотрел нас с ног до головы.

Скорей всего мы и сами представляли жалкое зрелище! Наконец и у пехоты появился маленький шансик, в мыслях поглумиться над "небожителями", так редко, по их мнению, видящими такую грязь.

Ну а мы и не стали хвастать не менее глубокими и заквасистыми "полосами препятствий", которые приходилось каждое утро и вечер преодолевать между аэродромом и модулями. Каждому своё!

Генерал указав на приоткрытый полог палатки, пригласил нас войти в неё.

Внутри было темно и сыро. Посредине стоял небольшой стол с расстеленной картой. Сбоку стояли две лавки, на, предусмотрительно постеленных под них, широких досках. Вот и всё наличие пола и мебели. Просто и рационально. Всё говорило о крайней мобильности.

Глядя на этих измученных офицеров, я представил, сколько же им пришлось помесить этой горемычной землицы, выполняя свои задачи и пытаясь всё сделать с минимальными потерями и максимальным эффектом. Но

большинство операций в то время говорило о другом. О крайне бездумном, а порой и безрассудном руководстве высших эшелонов власти в Министерствах обороны и Внутренних дел.

Войска применялись нерационально, а порой и бессмысленно! Задачи ставились необдуманные, ничем не подкреплённые, а иногда и преступные. Ну и наши потери вытекали из этого такие же.

Сначала нужно было пойти, не зная куда, захватить или зачистить, ценой огромнейших потерь, не зная, что, а потом, с изумлёнными глазами, в ярости сжимая кулаки до хруста в костяшках, выслушивать указания, что сделано это было по ошибке и нужно отступать, а иной раз и вообще без объяснений.

Генерал завис над картой, молча всматриваясь в неё. Затем, после длительной паузы, жестом пригласил меня к столу.

-Майор! Вам необходимо будет взять группу моих офицеров и облететь вот этот район. - он обвёл пальцем обширную местность на карте. Начнёте с Катыр Юрта, затем в Курчалой, и потом высадите их в Шали. Действуете по их указаниям. Ну и ничего лишнего! Задача ясна?

- Так точно! - ответил я, и обернулся к Андрею, кивком головы "спросив" его, ясен ли ему маршрут и район полёта.

Андрей, моргнув глазами, дал понять, что всё понял. Мы уже научились с ним понимать друг друга с полужеста и полувзгляда, как и подобает настоящему слётанному, боевому экипажу.

- Затем вам возврат домой. И попутно заберёте моего бойчишку в госпиталь. Пытался поиграть с миной-"сюрпризом", коих здесь много накидано. Давно здесь? Откуда? - генерал жестом пригласил к выходу из палатки.

- Десять дней! Дальний Восток! - ответил я, следуя за ним.

- Маловато! Мотайте "на ус"! Ни в коем случае не поднимайте с земли ни каких вещей и предметов! Вон, мой! Поднял только авторучку - пальцев и пол кисти "как небывало"!

- Поня-я-тно! - вздохнул я. Разрешите идти?

- Пока нет! Давайте-ка, наши уважаемые, пообедайте с нами, пока разгружают вертолёт - генерал указал рукой в сторону дымящейся полевой кухни, - Если, конечно, не брезгуете пехотной пищи!

- Това-а-арищ генерал! - сделал я обиженные глаза,- да что ж мы, совсем какие-то особенные. Да-а с удовольствием! А то уже надоела эта жидкая баланда из гречки с тушёнкой, да подкрашенная вода, вместо чая. Как в Афгане - баранина!

Генерал удивлённо поднял брови и посмотрел на меня уже по-другому.

- Афган? Где?

- Авиабаза Шинданд в 88 - 89-ом.

Генерал удовлетворённо кивнул и, положив руку мне на плечо, подтолкнул в сторону полевой кухни.

- А я, в Асадабаде!

Теперь настала моя очередь удивлённо поднимать брови.

Асадабад в Афганистане был проклятым местом! Практически на границе с Пакистаном. Местность там просто кишела душманами, да и не только ими.

СПЕЦНАЗ пакистанской армии был частым гостем на территории этого многострадального государства.

Ну а об аэродроме Асадабада и вспоминать не хотелось! Окруженный горами, он был "как на ладони" у бандитов. Обстрелы его миномётами и реактивными снарядами практически не прекращались. Выполнить заход на посадку, да и даже взлететь с этого аэродрома, уже было подвигом!

На мгновение я снова перенёсся туда, "за речку"!

Палящий зной неистово припекал плечи, лицо, руки. Даже слабое дуновение ветерка обжигало, через комбинезон, всё тело. Толстые подошвы лётных ботинок еле сдерживали рвущуюся в ноги температуру от смеси песка и пыли. А над головой раскинулось, во все стороны горизонта, не меняя цвета от зенита до далёкого краешка земли, необычайно яркое голубое небо. Воздух переливаясь, ваял небывалые силуэты гор, различные фигуры. Горизонт напоминал колыхающуюся серебристую медузу.....

Я стоял и, глядя под ноги, улыбался.

Напротив, меня стоял боевой генерал, в резиновых сапогах, и....тоже был «где-то там»!

Андрей и стоящие рядом полковники не решались прервать наши воспоминания, понимая, что сейчас было в наших душах.

Пообедав вкуснейшей солдатской кашей, именно солдатской, сваренной просто и незамысловато, от души, в чистом поле, и получив небывалое удовольствие, я извинился перед генералом, напомнив ему, что топливные баки у моего "прикрытия" не безразмерные!

Вертолёт и пассажиры были уже готовы.

Переминаясь с ноги на ногу, пять офицеров стояли в ожидании у входного трапа. На них с укоризной, вернее на их ноги, смотрел бортовой техник, явно не желающий пускать их в таком виде на "свою территорию"! Рядом стояли носилки, на которых лежал, прикрытый старым, грязным солдатским одеялом, молоденький мальчишка. Коротко остриженные волосы, впалые щёки, прикрытые глаза. Он был ещё совсем ребёнок!

- Вовка! Не понял! Почему раненый не на борту? - грозно двинулся я на борттехника.

- Та-ак это...команды не было! - развёл руками бортач, округлив глаза - И-ии...грязь нужно счистить!

- Какой нахрен команды! Какая грязь! - уже перешёл я на крик, - Ты не видишь, кого мы повезём?

Борт.техник проворно спрыгнул в эту же жижу, в которой стояли и мы.

Теперь картина была ещё комичней! Эдакая "аля-Ревизор" Гоголя!

Вертолёт, провалившийся по оси колёс в грязь, пять пехотинцев, стоящих по стойке "смирно" у трапа, пристроенные рядом аккуратно носилки с раненым, бортач с выкатившимися белками глаз, стоящий по щиколотку в грязи на полусогнутых ногах с распростёртыми руками. И я, с трудом отрывая, похожие уже на ласты, ступни ног, грозно надвигающийся на него. Точь в точь как по Гоголю: "К нам едет ревизор..!", только уже в другой стране, в другое время, и в другую «задницу»...!

Быстро запустившись и прогрев двигатели, я повернулся к открытому блистеру и приставил ладонь к виску, отдавая честь боевому генералу.

Генерал улыбнулся и медленно поднёс руку к головному убору. Мгновение мы смотрели друг другу в глаза, в мыслях желая каждому удачи и встречи в будущем, прекрасно понимая, что такая встреча уже может и не состояться. Но у каждого, в мыслях, было одно пожелание - "безопасных полётов тебе шурави", "скучных тебе дней, без боёв, побратим"!

Пара двадцатьчетвёрок пронеслась над площадкой и веером разошлась в стороны, показывая, что направление для взлёта свободно. Я доложил Алексею, что произвожу взлёт и, плавно оторвав вертолёт от липкой жижи, с небольшим смешением в сторону от палаток, начал разгонять вертолёт.

Генерал, как бронзовый монумент, стоял без движения, держа ладонь у виска, провожая нас.

По указанию старшего группы, молодого подполковника, мы стали двигаться по указанному маршруту. Подходя к Катыр Юрту, он жестом показал, чтобы мы уменьшили скорость.

Предупредив "прикрытие" о гашении скорости, я оглянулся в грузовую кабину. Четверо пехотинцев, прильнув к блистерам, внимательно всматривались в лежащую внизу землю. Один из них, увидев, что я смотрю в их сторону, так же жестом, попросил лететь ближе к лесу и начинающимся горам. Я понял, что мы выполняем воздушную разведку местности.

Развернувшись и пройдя вдоль начинающейся гряды гор, мы проскочили Рошни-Чу и Комсомольское. Зрелище было, конечно, не из приятных!

Практически полностью разбитые сёла, а вокруг огромные воронки от авиабомб очень большой мощности. Внизу промелькнула речка Аргун и показалась окраина Старых Атагов и Чири-Юрта. Ещё через минуту показались останки небольшого завода, стоящего прямо у подножия уходящих вверх, и густо покрытых лесом, гор.

- Это их бывшая танковая школа! - прокричал мне подполковник, указывая на разбитые, изрешечённые пулями и снарядами, стены. - Здесь они готовили и своих головорезов!

Я понимающе кивнул головой. Неприятные места! У меня мурашки побежали по коже. Одно дело летать над ними. Совсем другое - месить по ним, густо политую кровью наших русских мальчишек, грязь. Подвергаясь ежесекундной опасности быть обстрелянным или подорванными на фугасе.

Пройдя вдоль гор, мы вышли в район Курчалоя. Подполковник попросил произвести посадку на площадку в расположении наших войск, стоящих у этого населённого пункта.

Связавшись с авианаводчиком, находящимся на ней, я уточнил наземную и ветровую обстановку, и, получив разрешение на посадку, стал строить заход на площадку. Пара двадцатьчетвёрок, также веером, рассыпалась по сторонам, прикрывая мой заход на посадку.

На небольшой полянке, у леса, появился оранжевый дым сигнальной шашки, указывающий место посадки. На ней уже стояла небольшая группа военных, ожидающих нас.

После посадки, подполковник выскочил из вертолёта, и, подбежав к высокому немолодому офицеру, стал что-то показывать ему на карте. Несколько минут они оживленно обсуждали какую-то проблему, указывая то на вертолёт, то на стоящую группу военных. Затем подполковник подбежал к вертолёту и быстро заскочил в кабину.

- Командир! Сколько ещё мы можем взять людей? - прокричал он.

- А куда нам дальше? - спросил я.

- Сначала высаживаем первую группу в Шали, а затем остальных, которых возьмём, в Ханкалу. Надо загрузиться "по-максимуму"! Чтобы не делать лишних рейсов. Сколько у "прикрытия" ещё времени по топливу?

Я посмотрел на часы.

- Ещё минут на тридцать-сорок!

- Андрюх! Ну-к посчитай наше топливо! Хотя нам должно хватить, ведь мы выключались.

Андрей покрутил "галлетником", и провел рукой по шее:

- Хватает!

Я посмотрел в грузовую кабину, на стоящие носилки с бойцом, затем на первую группу офицеров, обдумывая варианты взлёта и посадки.

- По курсу взлёта, на этой площадке, высоких препятствий не было, - просчитывал я в голове, - Да и в Шали площадка как аэродром, никаких препятствий! Ну и конечно топливо подвыработаем и четверых пассажиров высадим, - закончил я свои размышления.

И продолжил уже вслух:

- Давай! Грузи человек двадцать, думаю потянем!

Андрей с бортачём посмотрели на меня недоумённо, явно памятуя, наш прошлый перегруз. Но там были горы, а здесь равнина.

Я подмигнул:

- Не бзд....! Выкрутимся!

Пехота набилась в вертолёт, как в трамвай, с оружием, баулами, ящиками с боеприпасами.

Я невольно улыбнулся, глядя на всю эту "катавасию", вспомнив анекдот - "....а теперь уважаемые пассажиры пристегните ремни, я попробую всю эту х..... поднять в воздух"!

Но, на удивление, взлетели спокойно. Борт легко и послушно тянул вверх. Да и на площадку в Шали мы зашли и приземлились без проблем. В голове промелькнула мысль - "надо было взять ещё человек шесть - семь"!

Зашуршала внешняя радиосвязь - доложил Алексей Бармин, что пора бы уже "двигать" в сторону Ханкалы, топливо заканчивалось.

Жестом, подозвав подполковника, стоящего уже на земле, я прокричал ему на ухо, что нам пора заканчивать. Подполковник, стараясь перекричать свист турбин и продолжая руководить выгрузкой личного состава, с благодарностью взглянув в глаза, крикнул в открытый блистер:

- Ребята! Огромное спасибо! Спокойных вам полётов. Ни пуха!

- Да иди ты! - улыбнувшись, прокричал я в ответ и пожал его протянутую руку.

Через пятнадцать минут наш вертолёт и пара прикрытия уже заруливали на свои стоянки в Ханкале.

СТРОИТЕЛЬ

Следующий день, 20 июля, начался спокойно. С утра нашему экипажу поставили задачу слетать на о.Тюлений. Но долго там не задерживаться, а после "торговой операции", по обмену нескольких бочек с топливом на осетрину, вернуться на точку. Нашему генералитету понравилась такая халявная доставка деликатесов.

После обеда мы уже вернулись в Ханкалу и, быстренько перекусив, стали ждать новых задач в палатке. Пока обедали в столовой, наше внимание привлекли два измождённых, худющих мужчины, больше похожих на стариков, остервенело пожирающих поставленную им пищу. Было видно, что они голодали не одни сутки.

Стеклянные, ничего не выражающие глаза, смотрящие в одну точку, седые, неухоженные бороды, растрепанные, грязные, слипшиеся волосы на голове, трясущиеся руки. На эту картину смотреть было тяжело и больно.

Я сразу вспомнил сюжет во вчерашних новостях, по российскому телевидению, о том, как в Чечне сбежали из плена два питерских строителя, которых чеченцы держали в плену больше года, используя их как рабов, и держа их всё это время в яме с крысами, которые назывались в Ичкерии зинданами. Это были они!

Бедные мужички! Сколько же им пришлось вынести страданий! И это в наше прогрессивное время! Приехав в Чечню с лучшими помыслами и намерениями, помогать чеченскому народу, восстанавливать их родной дом, они и не предполагали, что этот же чеченский народ отнесётся к ним так зверски! Нескольким строителям, из их группы, как простым баранам, отрезав головы, а их, оставив в живых, чтобы потом истязать, и использовать как рабов.

Как нужно было, потом относится к чеченцам, считающих все остальные нации простым стадом баранов, которое нужно вырезать? Ведь об этом они заявляли открыто! И я ничего не выдумал!

Из открытого окна командного пункта прозвучала команда:

- Экипаж Штинова! На КП!

Схватив свои сумки со шлемофонами и автоматы, мы с Андреем пошли получать задачу. Там уже сидел один из тех строителей и отвечал на вопросы, какого-то подполковника, в спецназовской форме.

Из их разговора я понял, что пленных держали рядом с каким-то аэродромом. Они постоянно слышали гул самолётов, взлетающих и заходящих на посадку. Подполковник несколько раз переспросил, точно ли это были самолёты, или может это были вертолёты.

Строитель настаивал, что это были именно самолёты. Ни у кого из присутствующих не было сомнения, что это был аэропорт "Северный Грозный". Ни аэродромы Ингушетии, по своей удалённости, ни, тем более, аэродром Моздока, не могли здесь подходить.

Ещё одну немаловажную деталь описал мужчина.

Зиндан находился в глубоком овраге и каждый день, вечером, к их яме, по его дну подъезжал УАЗ серого цвета и им сбрасывали в яму еду, хлеб и воду. Изредка их выводили подышать свежим воздухом, и они хорошо запомнили этот автомобиль.

Командир полка поставил моему экипажу боевую задачу по выполнению поиска возможного места расположения этого зиндана. Особо акцентировав внимание на то, чтобы мы не лезли «на рожон»! Через пару минут мы подошли к нашей машине, у которой уже стояла группа «Аксайцев».

С этими ребятами, СПЕЦНАЗом из города Аксай, мы работали уже не первый раз.

Профи с высокой буквы! Они полностью соответствовали своей эмблеме-символу - летучей мыши! Коренастые, поджарые, с бесовским огоньком в глазах! В каждом их движении, или действии, чувствовалось чёткость, слаженность, уверенность и убойная сила!

Вот и сейчас они, с изящным спокойствием, проверяли свою амуницию, подтягивая ремни, закрепляя боеприпасы и оружие. Сверху, на капотах, суетился бортач, заканчивая предполётную подготовку.

Ко мне подошел невысокого роста, коренастый СПЕЦНАЗовец, и представился командиром группы. Мы развернули свои карты, и стали сверять маршрут поиска. Район был большой. Необходимо было обследовать около 70-ти километров балок, оврагов и лесополос. Через пару минут, на машине, подвезли одного из мужичков. Передвигался он с трудом, как обессиленный немощный старичок. «Аксайцы», подхватив его под руки, буквально занесли его на вертолёт.

Запустившись и вырулив на взлётно-посадочную полосу, запросили разрешение на взлёт. Руководитель полётов, Владимир Фёдорович Цибаев, дал разрешение и добавил слова пожелания удачи. Он всегда так делал, как бы осеняя нас, каждого, кто уходил в чеченское небо на боевое задание, крестным знамением.

Произведя взлёт, мы развернулись в сторону аэропорта Северный Грозный, и на предельно-малой высоте, на минимальной скорости полетели в его направлении, практически сразу начав поиск. Всякое могло быть, и мужчины могли ошибаться, относительно месторасположения их заключения.

Для удобства поиска, мы посадили мужчину на место бортового техника, откуда был хороший обзор, надеясь, что строитель, с воздуха, узнает местность, где располагался зиндан. Хотя шансов было мало, так как с подъёмом на высоту

даже в десять метров, всё видимое с земли сильно менялось. Это мы хорошо знали.

Поиск решили начать с западной окраины Грозного, постепенно переходя на близь лежащие посёлки Новоартёмово, Первомайская и Садовое, находящиеся в зоне аэропорта, ныряя в каждый овраг.

Сначала мужчина смотрел на всё с каким-то безразличием. Но как только мы стали подлетать к аэропорту, он весь, как-то напрягся, затем, осев глубже в кресло, втянул шею.

При пролёте каждого оврага, мы поворачивались к нему, в надежде увидеть его утвердительные жесты, но он только отрицательно крутил головой. Через тридцать минут мы облетели практически весь район вокруг аэропорта.

И тут, вдруг, в кабину протиснулся командир группы аксайцев, и рукой указал вперёд. Мы посмотрели в то направление, куда указывал десантник, и увидели, едущий на небольшой скорости, серый УАЗик. Мужчина, схватившись руками за кресло, ещё сильнее вжался в него.

Внизу промелькнули крайние дома посёлка Алхан-Чуртский. Ещё немного загасив скорость, мы прошли над машиной. Водитель остановил её и, остался сидеть в машине, держась за баранку и не глядя на нас.

Всем своим нутром я почувствовал, что это именно искомый нами автомобиль!

Повернувшись к строителю, я попытался получить подтверждение от него своей догадки, но не смог произнести даже слова.

Передо мной сидел, пытаясь вжаться в структуру металла вертолёта, загнанный зверь, с невероятным оскалом и дикими, от ужаса, глазами!

Я на мгновение попытался оказаться на его месте и, ощутил такой животный страх, что комбинезон мгновенно прилип к спине! Всеми фибрами своей души, всем своим убогоньким, измождённым телом, я хотел сейчас бежать отсюда, цепляясь за всё что угодно, разбивая колени в кровь, разрывая ногти!

Доли секунды мы смотрели друг на друга. Этого было достаточно, чтобы понять - мужчина уже ничего не скажет!

Я, обернувшись в грузовую кабину, посмотрел на командира группы, затем на автомобиль. Он понял мой немой вопрос, и медленно покачал головой.

И здесь всё было понятно! Производить посадку для досмотра УАЗика не было смысла. Естественно водитель бы сказал, что он здесь просто проезжал. И вода, и продовольствие для собственных нужд. А могло быть и того хуже! Ведь это могла быть хорошо устроенная засада. Чеченцы были профессиональными партизанами!

Я заложил глубокий вираж и, доложив руководителю полётов, что мы возвращаемся, довернул вертолёт в сторону аэродрома.

После посадки, мужичка сразу посадили в машину и увезли. А я подошел к командиру группы и только спросил:

- Почему?

На что он, прямо посмотрев мне в глаза, ответил, подтвердив мою догадку:

- Смысла не было! Да и могли «положить» всю группу, и ещё вертолёт.

Я только утвердительно кивнул головой, и пожав ему руку, направился на КП, с докладом о выполненном задании. А может и не выполненном! На душе был какой-то неприятный осадок - мы не сделали что-то очень важное. Хотя, с другой стороны, мы вернулись живыми. Причём, приблизительно, обозначив место расположения зиндана. И теперь аксайцы имели необходимую информацию, чтобы досконально приготовиться, и при удобном случае, совершить в тот район вылазку.

ВЕСТОЧКА ИЗ ДОМА

Следующий день Чебыкин дал отдохнуть нашему экипажу. Мы хорошенько отоспались и, после обеда, сели писать письма. В это время, Валентина Васильевна Решёткина, председатель комитета солдатских матерей Хабаровского края, ещё находилась у нас, и собиралась в ближайшие дни улетать обратно, на Дальний восток.

И мы хотели воспользоваться представившейся возможностью передать домой весточки. В Чечню она приехала с очередной гуманитарной миссией, привезя для воюющих здесь мальчишек-дальневосточников, заботливо собранные, детские посылочки, которые собирали целыми школьными классами. Это было очень трогательно!

В этих скромных посылках были самые простые, но так необходимые на войне, вещи. Ручки, карандаши, зубные щётки с пастой, носки, туалетная бумага, конфеты, пакетики с чаем. Но, наверное, самым дорогим их содержим, были детские рисунки.

Простые, в большинстве своём, наивные. Но они в тот момент были лучше всякой иконы. Несколько таких рисуночков были заботливо закреплены над

моей прикроватной тумбочкой, доставшиеся мне от заменшиков. И не важно, что их нарисовали не мои детки! Сидя за тумбочкой и строча письмо, я постоянно смотрел на них, на мгновения переносясь домой и, прижимая к груди уже своих деток.

Вылет её домой, на Дальний Восток намечался завтра. И мне было очень приятно, что на следующий день, задачу по доставке её во Владикавказ командир полка доверил моему экипажу. Вместе с Валентиной Васильевной нам предстояло увезти домой тех самых двух мамочек, вытащивших, всеми правдами и неправдами, из чеченского плена своих сыновей.

Утро выдалось тёплым, и даже несколько душным. В воздухе не было никакого движения. Всё говорило о начале жаркого, тяжёлого дня.

Дождавшись Валентину Васильевну у выхода из модуля, мы решили не ехать на машине, чтобы не трястись на ухабах и не глотать придорожную пыль, а решили пройтись пешком до аэродрома. Благо, ещё от земли исходила ночная прохлада, которая с восходом солнца должна была окончательно развеяться. Мы, не спеша, шли между большого обилия палаток войсковых частей, которые базировались перед аэродромом.

Не смотря на ранние часы, жизнь здесь уже кипела. Повара колдовали у своих полевых кухонь, пытаясь из минимума продуктов, которые им выделяли, произвести вкусный и сытный завтрак, чтобы накормить готовящийся к боевому выходу личный состав. Ну, впрямь как в той сказке, про солдата, который из топора варил кашу. Бойцы, под руководством механиков-водителей и командиров боевых машин пехоты и танков, суетились вокруг своих машин. Кто-то осматривал механизмы и материальную часть, кто-то подносил длинные ленты крупнокалиберных снарядов к люкам, для укладки боеприпасов в боевую часть. Несколько человек, при помощи огромного и длинного шомпола прочищали стволы пушек.

Ещё пару бойцов крутились возле патронных ящиков, снаряжая при помощи зарядной машинки длинные патронные ленты. Всё это производилось размеренно и спокойно, даже с некоторой грациозностью. Во всём ощущался огромный опыт.

Мы шли с Решёткиной и разговаривали об этих мальчишках, о доме, о её прошлых командировках сюда, в Чечню, с гуманитарными миссиями.

Солнце, только-только начинало всходить из-за горизонта, и вся округа наполнялась мягким золотистым цветом.

Подойдя к аэродрому, мы вышли на центральную рулёжную дорожку, которая служила и местом стоянок для вертолетов. Первыми, на ней, разместились вертолёты эскадрильи Ми-24.

Мощные и грозные машины, сейчас тихо стояли на своих стоянках, покрытые остатками утренней росы, капли которой переливались на бронированных бортах, в золотистых лучах восходящего солнца. Зрелище было грандиозное!

На мгновение казалось, что вокруг вовсе нет никакой войны, идёт тихая размеренная жизнь, и они здесь просто отдыхают, после обычных учебных полётов. Но вокруг их хищных тел уже суетились техники, подтаскивая, к пилонам с блоками для ракет, ящики с боеприпасами, возвращая меня к реальной, суровой обстановке.

Постепенно, то тут, то там, начинали раздаваться ухающие звуки стреляющих орудий и, далёкая канонада разрывов. В недалёких горах уже слышался треск автоматных выстрелов. На дальней стоянке нарастал звук запускаемых турбин вертолёта - разведчика погоды, готовящегося промчаться по утренней Чечне, чтобы разведать с воздуха состояние погоды на предстоящий день.

Но начинающее переходить в знойное, небо не оставляло разведчику никаких шансов на обнаружение каких-либо катаклизмов природы, и ему оставалась одна задача - собрать по вертолётным площадкам всех раненых и убитых, которых накрошила тётка-война за прошедшую ночь.

В теленовостях по российскому телевидению, в очередной раз сообщалось, что в Чеченской республике сохраняется относительное спокойствие, активных боевых операций не проводиться, и что "за прошедшие сутки было ранено 3 человека". Но разведчик погоды, в очередной раз, всё привозил и привозил по 3-4 убитых и 5-6 раненых, а то и больше, наших мальчишек.

Столь недостоверной информации было простое объяснение. Так как практически все раненые и убитые доставлялись в Ханкалу и аэропорт Северный Грозный по воздуху, то журналисты и различные съёмочные группы постоянно пытались проникнуть в самый центр аэродрома, к командному пункту, или к очередному заруливающему вертолёту, чтобы отснять любой "жаренный" материальчик". Ну а весь "аэродромный люд", начиная от командиров среднего звена, заканчивая рядовыми техниками, в свою очередь, пытались отогнать назойливых как мух "журналюг". Иногда доходило до откровенного мордобоя с "вдребезги" разбитыми видео и телекамерами. Уж очень этот "аэродромный люд" недолюбливал, падких на дешёвые сенсации, нечестных "на перо" горе-журналистов. А однажды ситуация настолько накалилась, что журналисты не появлялись на аэродроме практически две недели. Поводом этому послужило то, что в один из дней, в новостях по центральным каналам, на всю матушку Россию, они сообщили, что наша вертолётная группировка понесла потерю. Якобы был сбит вертолёт, и судьба экипажа и пассажиров не известна! Эту же информацию видели и слышали наши близкие на Дальнем Востоке.

Представляете, какой переполох там после этого творился?

- Чей экипаж? Кто?

А в это время мы с ужасом в душе, стояли у единственного чёрно-белого телевизора, подаренного нам бойцами из "аксайского" спецназа, в убогой

палатке, и слушали очередную ложь, не имея никакой возможности связаться с родными! Сотовой связи тогда, к сожалению, не было.

Благо, Юрий Николаевич Чебыкин, по своим имеющимся военным каналам, быстро дозванивался до Дальнего Востока и опровергал такую информацию, ну а уж наши земляки успокаивали наши семьи.

Я абсолютно не стремлюсь сейчас очернить работу нашей пишущей и снимающей братии в те года, но именно тогда они, в большинстве своём, снимали и рассказывали в средствах массовой информации только то, что им приказывали говорить "сверху". И лишь за редким исключением попадались честные репортёры, которым было плевать на цензуру, и которые с простыми солдатиками, находясь на передовой, лезли в самое пекло, чтобы увидеть, отснять и рассказать потом всю правду об ужасах этой войны! Чего только стоили репортажи Саши Сладкова!

НА ПРЕДЕЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

23 – 24 июля. После предполётных указаний лётный состав, не спеша, двинулся к своим бортам, чтобы через несколько минут разлететься по всей Чечне, выполняя каждый свои задачи.

У нашего вертолёта уже вовсю суетился бортовой техник Лёша Селезнёв. Молодой старший лейтенант, три года назад выпустившийся из Кировского авиационно-технического училища.

Умница мальчишка! Небольшого росточка, как мы говорили - «мэтр с кэпкой», коренастый, с детским лицом, он больше был похож на школьника. Но уже тогда он снискал к себе большое уважение за трудолюбие, настоящий мужской характер и жёсткую правдивость в высказываниях. В спорах такому «палец в рот не клади»! Он уже тогда, с неимоверным упорством мог отстаивать своё мнение. По характеру он больше был холериком.

Вот и сейчас он, как пчёлка, носился по своему вертолёту, заканчивая необходимую предполётную подготовку.

У входа в грузовую кабину стоял санитарный автомобиль и несколько солдатиков-санитаров, нервно куривших в ожидании команды на погрузку раненых. Ещё чуть поодаль стояла Валентина Васильевна и две счастливые женщины, крепко обнимавшие своих худых, измождённых сыночков, которых они живыми вызволили из плена.

Я ещё издалека махнул им рукой, чтобы они ускорили процесс погрузки.

Санитары, побросав окурки, заскочили в кунг и стали осторожно вытаскивать носилки.

Ещё даже не дойдя до вертолёта, я услышал крики и стоны раненых, которых со всей осторожностью выносили из автомобиля.

Подойдя ближе я, только и смог произнести: - О Боже!

В вертолёт заносили носилки с укутанными в окровавленные бинты, как мумии, молодых, истерзанных пацанов. На некоторых просто не было живого места!

Мамочки, стоящие поодаль, со слезами на глазах, ещё крепче прижимали своих солдатиков к себе, стараясь их отвернуть от этой картины.

Закончив погрузку, мы взлетели и взяли курс на Владикавказ.

Набрав высоту 2000 метров, вертолёт поплыл над Терским хребтом. Внизу расстилалась, начинающая затягиваться плотной дымкой, Чечня.

Через десять минут полёта мы уже вошли в воздушное пространство маленькой по своим размерам Ингушетии. Связавшись с руководителем полётов аэропорта Назрани, запросили разрешение на пролёт его зоны.

В Ингушской республике тогда ещё сохранялся относительный мир, и в его аэропорт ещё выполнялись, хоть и не регулярные, но пассажирские рейсы, и только по её дорогам пылили колонны военной техники в направлении Чечни, доставляя туда тонны боеприпасов и, к сожалению, очередное «пушечное мясо».

Я оглянулся в грузовую кабину, полностью заставленную носилками и, покачал головой.

Один из раненых, на ближайших носилках, видно пришел в себя от шума и вибрации вертолёта и, приподняв перебинтованную и окровавленную культю руки, рассматривал её затуманенными глазами.

Одна из мамочек, сидевшая на половинке кресла борттехника, боком к нам, проследила за моим взглядом и, с горечью в глазах посмотрела на меня.

Я не смог выдержать её взгляда и отвернулся.

Лёшка нервно заёрзал на оставшейся половинке своего кресла и, сквозь шум двигателей проворчал:

- Опять весь вертолёт вечером вымывать! Надо было сразу пожарку заказать.

Прошло ещё пару минут и он, продолжая нервно ёрзать, спросил:

- Командир! Может, перекусим?

Я с изумлением посмотрел на него, а в голове только пронеслось:

- Какой, нахрен, перекусим? Тут кусок хлеба в горло не полезет!

Но Лёха, не дождавшись ответа, быстро нырнул за щиток «автопилота» и, вытащил из стоящей за ним сумки, бутылку водки и кусок сала.

Я, с ещё большим удивлением смотрел на бортового техника, но тот с какой-то мольбой в глазах, быстро опустил откидное сидение на «автопилот» и, принялся нарезать хлеб и сало, разливая водку по пластмассовым стаканчикам.

С не меньшим изумлением, на всё это смотрела, сидящая за спиной у борттехника, мамочка, явно не понимая, что же сейчас будет!

Но Лёха уже протягивал мне и Андрею Васьковскому наполненные на половину стаканчики.

Я отвернулся, помешкал немного, а затем быстро взял и выпил его залпом.

Лёха уже держал наготове маленький кусочек хлеба с салом.

Но, на самом деле, кусок не лез в горло, и я, покачав головой, отвернулся.

Он быстро налил и протянул нам по второму стаканчику. И только выпив их, мы нехотя, заели горький напиток предложенной закуской.

Всё это время, сидящая за нами мамочка, глядела на всё происходящее с нескрываемым изумлением и ужасом. И только когда бутылка опустела на половину, Селезнёв, также быстро всё собрал и спокойно умостился в кресле, прекратив нервно подёргиваться.

На горизонте, в голубоватой дымке, начал расти Владикавказ.

Связавшись с руководителем на госпитальной вертолётной площадке «Шалхи», мы получили условия посадки и, спокойно снизившись и зайдя на неё, произвели посадку.

После выключения двигателей, мы вышли из вертолёта и отошли подальше от него, чтобы не глядеть на удручающую картину разгрузки «живого мяса»!

От вертолёта отошла та самая мамочка и направилась в нашу сторону.

Подойдя к нам, она, с некоторым стеснением, переминаясь с ноги на ногу, стала благодарить нас, продолжая при этом внимательно смотреть в наши глаза, видя, что мы абсолютно нормально с ней разговариваем. А затем, после секундной паузы, явно борясь с собой, спросила:

- Ребят! А что вы такое пили сейчас?

- А её родимую и пили, мам! - со вздохом ответил я.

Несколько секунд она молчала, а потом слёзы полились из её глаз. Подойдя и обняв меня, она продолжила:

- Сыночки! Милые! Я только теперь поняла, как вам здесь летается! Родненькие! Ради Христа берегите себя! ОН всё видит! ОН вас защитит!

Я долго не решался, стоит ли об этом писать. Но потом, всё взвесив, и понимая, что мне уже было с чем сравнить, имея в виду афганскую войну, я всё же решился описать этот эпизод. Такие моменты, не были редкостью на первой чеченской войне!

С водкой были связаны многие трагические, а иногда и курьёзные случаи. Выполняя такие задачи, на пределе физических и моральных сил, ежесекундно видя весь этот ужас, мясо, кровь, полнейший беспредел, «крышу» могло сорвать даже у самого сильного и крепкого мужика!

С некоторыми так и произошло.

Да простят меня близкие и родственники нашего однополчанина Саши Черепанова, который тоже прошёл через пекло афганской войны и, который летал командиром экипажа с нами в Чечне. Он первым не выдержал этих моральных нагрузок. Но надо отдать ему должное, нашёл в себе мужество и честно признался командованию, что не сможет выполнять полёты на выполнение боевых задач в горы. И командование пошло ему на встречу, не давая сложных задач. К сожалению, через некоторое время по возвращении из

Чечни, у него тоже не выдержало сердце, и он навсегда ушёл в свой «последний полёт».

Через месяц пребывания в Чечне, не выдержал моральных нагрузок и слёг в ханкалинский госпиталь, с сильнейшим психологическим потрясением, мой однокашник, Андрюха Данилов, не вылезавший из своей «двадцатьчетвёрки», летая на прикрытие наших «восьмёрочек» и бомбо-штурмовые удары.

Через несколько лет не выдержали нервы моего однополчанина Володи Погорелова, его мозг по «непонятным» причинам прекратил работать, и его привезли в цинковом гробу из краснодарского вертолётного полка, обслуживающего всё ту же злополучную Чечню.

Почти «под занавес» нашей командировки слёг, во всё тот же ханкалинский госпиталь, с обострившейся на нервной почве болячкой, мой «правак» Андрюха Васьковский.

Простите меня! Ребята! Я совершенно не хотел этими строками как-то очернить вас, или принизить ваши заслуги! Нет!

Я просто хотел показать читателю, насколько безумно тяжело было нам выполнять ту работу, и практически каждый из нас ходил на грани срыва!

И никто из нас тогда даже не думал, что все ужасы войны начнут, проявляется уже после неё! Но об этом позже. Чтобы об этом написать, надо ещё собраться с мыслями, да и с силами!

А пока шла война! Безумная и жестокая!

На пределе возможностей работали не только люди, но и авиационная техника.

В этот же день, уже после взлёта из Моздока, на нашем вертолёте отказал один из двух генераторов, вырабатывающий ток на нужды бортовой сети. В этом случае инструкция, предписывает экипажу оценить обстановку и принять решение на продолжение полёта или возврат на аэродром вылета. Но тогда мы выполняли боевые задачи и, конечно же, приняли решение на продолжение выполнения задания, и вернули вертолёт в Ханкалу.

На следующий день, при эвакуации раненых на ту же площадку под Владикавказом, в момент посадки подломилась основная стойка шасси на Ми-8 Сергея Жеребцова, моего однополчанина, командира вертолётного звена.

Вертолёт плавно осел в сторону оторвавшейся главной опоры, мягко оперевшись на подвесной топливный бак. Борттехник среагировал мгновенно и выключил двигатели. Не выдержал металл крепления стойки к фюзеляжу. Всё обошлось. В этот же день наши умницы-техники и инженера ввели машину в строй.

Ещё через несколько дней вернулся на одном двигателе экипаж «двадцатьчетвёрочки» «среднебельской» эскадрильи, дотянув на нём из Веденского ущелья!

В такой ситуации, конечно же, садиться на «вынужденную» нельзя было категорически! Можно было сказать, что мы летали над территорией,

полностью занятой противником. И любая аварийная посадка, без прикрытия, могла закончиться гибелью экипажа. Чеченцы тогда лётчиков в плен не брали, а уничтожали на месте, причём самыми зверскими способами!

Ещё через несколько дней, как в песне – «на честном слове и на одном крыле», дотянул из Шатойского района экипаж Ми-8-го подполковника Вячеслава Хомутова, получивший серьезнейшие повреждения при обстреле с «Чёрной горы», под Шатоем.

Вертолёт был буквально изрешечен пулями, а в отсеках лопастей несущего винта зияли такие дыры, что мы вообще не понимали, как они смогли прилететь на таком винте! На борту находилась группа СПЕЦНАЗа, и один из её бойцов получил серьёзное ранение. Повезло в этот раз и правому лётчику Толе Иванову! Одна из пуль попала в переднее стекло кабины экипажа, со стороны «правака», аккурат на уровне его груди, но, срикошетив о металлическую щётку дворника, прошла в нескольких сантиметрах от него.

Через пару дней машина летала!

Вообще, наша «кафедра железа», как и в годы Великой отечественной войны, творила чудеса! (Мосеев Вячеслав Петрович, Орозалин Идрес Данибекович).

Неисправные или повреждённые вертолёты вводились в строй в минимальные сроки. Бедные технари, они не знали отдыха, в любую погоду, днём и ночью готовя нам технику! И поверьте! Мы в ней были уверены на все 100 процентов!

Но и мы, как могли, старались облегчить им их тяжкий труд.

После одного из вылетов, я подошел, чтобы помочь, к нашему гаровскому «вооруженцу», Валерию Ивановичу Филоненко, умнице-мужику с золотыми руками, которого мы, «за глаза», называли Батяней. Днём и ночью лазившему по вертолётам, заряжая в кассеты системы АСО-2В (постановки активных помех против ПЗРК) патроны тепловых ловушек, или как мы их ещё называли, «асошки».

Подтащив к нему ящик с патронами, я чуть не отшатнулся, видя, как он смотрит на меня изумлёнными, красными, от недосыпа, глазами.

- Я не понял? А почему патроны отстреляны только на половину? - надвинулся он на меня.

Я, замешкавшись, попытался объяснить ему, что старался сегодня сэкономить «асошки», чтобы ему было меньше работы.

Батяня ещё больше надвинулся на меня, открыв рот, чтобы, как я думал, излить ведро ненормативной лексики в отношении меня и моего экипажа. Но глаза его налились слезами, он тяжело опустил плечи, подошёл и обнял меня!

- Дурачьё! Что же вы делаете? Да мы будем ползать без сна и отдыха, готовя вам машины, лишь бы вы их использовали полностью и возвращались живыми! Держа меня за плечи, он отодвинул меня и продолжил, почти шепотом – Ты знаешь, каково нам стоять здесь и, всматриваясь в небо, ждать вас? – но тут же замолчал, видя, как по моим щекам тоже катятся слёзы!

Тягучую паузу разрядил подошедший начальник ТЭЧ звена Миша Жирохов.

- Эй! Хорош рассыпаться в благодарностях и нежностях! Иди, отдыхай! Через двадцать минут машина будет готова к вылету.

Я, молча развернулся и, на ватных ногах, вытирая рукавом предательские капли, поплёлся в сторону командного пункта, получать очередную задачу.

И судя по большому скоплению пехоты, заполнявшей с каждой минутой всё большее и большее пространство вокруг КП и нашего аэродромного лагеря, с кучами баулов, разномастным вооружением, ящиками с боеприпасами, денёк предстоял жаркий!

Несколько вертолётов уже были под завязку забиты этим людом, и готовились к вылету.

К нашему борту, тоже навьюченная до предела, подходила группа из человек пятнадцати, с любопытством и, с некоторым беспокойством,

осматривая обшарпанный, закопчённый вертолёт, на котором им сейчас предстояло лететь на войну.

Я махнул Андрею Васьковскому, чтобы он занялся загрузкой вертолёта, а сам, ускорив шаг, помчался на КП.

Андрюха, в деле погрузки и выгрузки, был мастер!

Что на земле, у борта вертолета, что в воздухе, в грузовой кабине, у него авторитетов не было! За неправильную погрузку, размещение, поведение во время полёта, выгрузку, огребали от него все одинаково! Как рядовые, так и старший офицерский состав!

Один раз, он даже поставил на место одного зарвавшегося генерала, который попытался качать права при размещении в грузовой кабине, важно надув губы и строго сведя брови. Но Андрюха попросил его выйти вместе с ним из вертолёта и закрыл входную дверь.

Генерал, раздувшись как воздушный шарик и, покраснев, как рак, начал распекать Андрюху «на чем свет стоит», но тот спокойно, с чувством собственного достоинства развернулся и произнёс:

-За «колючкой» аэродрома будете командовать, а здесь у нас свои, беспрекословные авиационные законы, и не вы, никто другой их не нарушит! Можете разъезжать по Чечне на своем УАЗике, командуя водителем, а здесь, извините, командую я, лётчик-штурман старший лейтенант Васьковский! – и, развернувшись, пошёл к вертолёту.

В это время, мы, с борттехником запускали двигатели и, с улыбкой наблюдали за развитием ситуации!

Генерал тогда так и остался на площадке, а меня за этот случай, с улыбкой на лице, пожурил Юрий Николаевич Чебыкин, про себя, скорее всего, одобрив действия правака!

После этого я, в действия Андрюхи не вмешивался, полностью ему доверяя!

Денёк и вправду выдался тяжёлым! Мы, как воздушные извозчики на небесном трамвае, целый день курсировали между Моздоком, аэропортом Грозный-Северный и Старыми Атагами, забрасывая туда пехоту и вооружение.

В конце дня мы, вконец обессиленные, сидя под брюхом нашей «ласточки», подвели итог напряженного дня – выполнено десять боевых вылетов, перевезено 105 десантников с грузом и один «трёхсотый»!

ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС

Видя нашу накопившуюся усталость, Юрий Николаевич Чебыкин дал нам, в очередной раз, немного отдохнуть.

Правда этот отдых заключался не в возможности отлежаться и отоспаться в палатке а, так сказать, «с пользой для дела».

26 июля, с утра, он подозвал меня к себе на КП и, отведя в сторонку, наклонившись к уху, тихим голосом спросил:

- Готов опять слетать «полосатым рейсом»?

Я сначала удивился но, потом поразмыслив, утвердительно кивнул головой. И в самом деле, надо было отдохнуть.

Как я уже рассказывал, «полосатый рейс» заключался в обыкновенном, если так можно было выразиться, полёте, без боевого применения. Но в нём, всё же, была своя особенность. Лететь нужно было на Каспийское море на предельно, или как мы говорили, «преступно-малой» высоте, в режиме полного радиомолчания, прячась в овраги, за складки местности и лесополосы.

И прятаться нужно было не от боевиков, а от своих же!

Первая половина полёта проходила над сушей, над равнинной частью Дагестана, а вот вторая половина над Каспийским морем, а это уже была пограничная зона. И наши защитники рубежей строго следили за правом нахождения и передвижения в своём подконтрольном пространстве. Любое нарушение пограничного режима каралось в соответствии с законодательством. А уж они вели за этим полный контроль, как визуальный, так и радиотехнический.

Поэтому, в такие полеты руководство нас отправляло под нашу полную ответственность, так сказать, на своей страх и риск, считай - на выполнение боевой задачи!

Возможно погранцы, как бы мы не прятались, видели нас и вели полный контроль над нашими «наивными» стараниями «остаться незамеченными». Но, понимая всю тяжесть нашего положения, зная, что и нам надо было хоть как-то отдыхать, «закрывали на это глаза». Главное было — не засветиться в радиоэфире!

- Давайте, с Лёшей Храменковым слетайте! Там уже группа набралась, пилотов и техников, которые хотят отдохнуть. Но помни, всё как всегда, за полёт отвечаете сами!

Я утвердительно кивнул головой и, схватив сумку, пошёл на готовящийся к вылету вертолёт, у которого уже вовсю кипела работа по загрузке бочек с бензином и керосином, и которые, как и в прошлый раз, мы должны были обменять на вкуснейшую каспийскую рыбу и икру.

В сторонке от вертолёта уже собралось с десяток наших боевых коллег, свободных от вылетов, с радостными лицами ожидающих предстоящий вылет на море и отдых.

Уложившись в пятнадцать минут по загрузке и дозаправке борта, погрузив довольную авиационную братию, мы вылетели в направлении, сначала Кизляра, а затем острова Тюлений, который находился в 30 километрах от западной кромки берега Каспийского моря.

Как всегда мы, можно сказать, «крались» на скорости в двести километров в час в сторону моря, используя все складки местности, балки и овраги, облизывая колёсами поля с высокими рядами подсолнечника и бахчевых культур.

Даже говорить старались тихо, что вспоминаясь впоследствии, вызывало улыбку.

Через тридцать минут полёта, быстро мелькающие поля стали редеть и, чуть вдалеке, показалась полоска моря.

Теперь нужно было снижаться ещё ниже, к самой земле, а затем и к воде.

Суша резко оборвалась, и мы заскользили над самыми барашками морских волн, внимательно осматривая пространство впереди, чтобы не налететь на стаю чаек, которые могли резко преградить нам путь, поднятые громким звуком от нашего вертолёта.

Волны, сталкиваясь и взмывая вверх, образовывали многочисленные облачка солёных капель, которые с шумом врезались в остекление нашей кабины.

Дворники стеклоочистителей неистово метались по остеклению, смахивая капли морской воды, которые очень быстро засыхали от высокой температуры воздуха, превращаясь в толстую белую плёнку, сильно ухудшающую видимость. Но делать было нечего и мы, уперев свои взоры в стрелку радиовысотомера, неслись на той же скорости в направление острова.

Через пятнадцать минут бортовой техник, наклонившись вперёд, вскинул руку:

- Вижу остров!

Узенькая полоска суши, еле заметная с такой высоты, всё отчётливее прорисовывалась на горизонте.

Низменный и песчаный, он был всего лишь до восьми километров длинной, и шириной километров шесть. На острове уже никто не жил, хотя ранее на нём базировались небольшая метеостанция и, такой же небольшой рыбзаводик, от которых остались только руины и ржавые кучи брошенного оборудования.

Сейчас же, его постоянными обитателями были небольшие группки дагестанских рыбаков, а попросту браконьеров, промышлявших добычей краснокнижного каспийского осётра.

Мы же летели сюда с другой целью — немножко отдохнуть, ну и попутно, если удастся, обменять пару бочек бензина и керосина, на вкуснейшую чёрную икру и красивых осетра и белугу, которые потом «терялись» в штабных недрах Объединённой группировки войск.

Произведя спокойную посадку на уже привычное место, мы стали готовиться к выключению двигателей, а наши авиационные коллеги, с нетерпением, встречи с тёплым и красивым морем.

Из небольших, самодельных и неказистых лачуг, в нашем направлении выползали знакомые нам рыбачки.

Пару моторных лодок стояли на берегу, видимо недавно вернувшиеся с промысла. Из кокпита одной из них торчал большущий хвост белуги.

Прилетевший с нами тыловик из группировки, уже успел вскочить из вертолёта и, подбежав к встречающим нас рыбакам, размахивая руками, начал свои «шмекерские переговоры».

Мы с улыбкой наблюдали за этой картиной, так и не привыкшие к таким фантастическим талантам наших тыловиков достать, что совершенно невозможно найти, купить, что не продаётся вообще и, слямзить, что закрыто под семью замками.

Пока, на берегу у лодок с добычей, шёл «переговорный процесс» между нашим интендантом и старшим местной бригады, рыбачки пригласили нас к импровизированному столу у своей фанзы, откуда доносился приятный запах костра и вкуснейшего варева.

На невысоком столике дымилась большая кастрюля, только что снятая с таганка, в которой ещё бурлила настоящая уха с большими кусками белужатины.

Пока хозяева обустраивали свой нехитрый стол, мы громко сглатывали потоки слюны, в предвкушение вкуснейшего и сытного обеда, о котором и не мечтали.

Толстый слой рыбьего жира, переливаясь в кастрюле, сладостно манил своей гастрономической красотой. Местный «шеф-повар» даже не успел дать отмашку, как мы накинулись на возбуждающий все наши внутренности, деликатес. Здоровенная кастрюля была опустошена в считанные минуты!

Рыбачки за всем этим наблюдали с небывалым восторгом и изумлением! Их восточному гостеприимству был поднесён великолепный подарок в виде наших довольных и умилённых рож!

Мы же, дочищая алюминиевые чашки, облизывая ложки и смакуя каждую косточку, откинувшись на тёплый ракушечник, ловили кайф!

- А что, здесь только такая рыба водиться? - спросил Серёга Дятлов, посматривая на выгруженную из лодок осетрину.

- Да нет! Здесь ещё и сазаны есть! - ответил местный рыбак.

- Сазаны-ыы? - приподнялся на локтях Сергей, - Где?

- Да вот тут, на озере! Метров триста вглубь острова. Там есть пресное озерцо, их там кишмя кишит! Озерцо мелкое, можно руками ловить!

- Да ладно! Чё правда? - уже вставая, пропел своим волжским говорком, Дятлов, - А как их можно половить?

Худощавый, загорелый как негр дагестанец, загадочно заулыбался, глядя прищуренными глазами на нас: - У вас гранаты есть?

Мы переглянулись.

- Ну-у... есть малёха! - с нерешительностью ответил Сергей.

- Вот на них и можно «порыбачить»! - расплылся в широченной беззубой улыбке рыбак.

- Эт как это?

- Ну, подойди поближе к озерцу, закинь гранату за плавни и-ии...тикай! Каа-к бахнет, можно идти собирать!

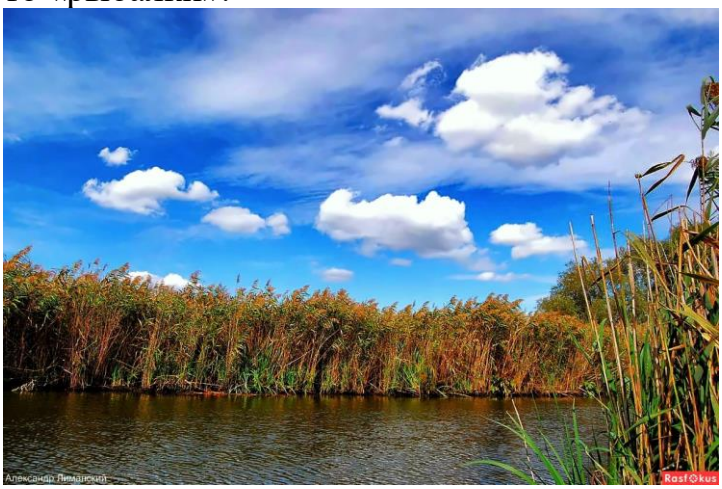
- Так там же ничё не останется! - Дятлов раскрыл от удивления глаза.

- Да там всего хватит! И рыбы и, ливера! - расхохотался рыбак, а вместе с ним и мы.

- О-о! А это мысль! Может пойдем порыбачим? - уже с улыбкой повернулся к нам Сергей.

- А что? Пошли! - приподнялись мы, на ходу прихватывая свои автоматы и снаряжение, - надо глянуть, что это за «рыбалка» такая!

Пройдя метров сто по ракушечному берегу, поросшему низким и редким кустарником, мы подошли к высоким зарослям камыша скрывающего небольшое пресное озерцо и, спешившись на сухом месте, решили осмотреть место «рыбалки».



Не рискнув снимать обувь, чтобы не порезать ноги об острые листья и стебли камыша, мы медленно стали продираться через густые заросли. Воды и вправду было по щиколотку.

До чистой воды оставалось всего каких-нибудь пару метров, как под нашими ногами взметнулись фонтаны воды и, практически по всей кромке камышовых зарослей, в сторону озера с шумом закипела вода.

От неожиданности мы аж присели! Вода буквально кипела! Буруны воды, стрелами разлетались в разные стороны. То тут, то там мелькали спины и плавники огромных рыбин.

Мы стояли с открытыми ртами и не могли пошевелиться. Озерцо кишело сазанами!

Сзади и чуть слева от меня оглушительно резанула автоматная очередь, фонтанчики воды от пуль взметнулись буквально в пяти метрах от нас.

Мы опять присели, вжав шеи и, обернулись.

Серёга Дятлов, вскинув свой «коротыш» АКСу, прищурив один глаз, готовился пальнуть ещё одну очередь по беспорядочно носящимся спинам сазанов. Но, увидев как пару красивых, желтовато-серых рыбин всплыли вверх животами, кинулся к ним, поднимая ногами фонтан брызг!

- Уф! - выдохнули мы, - Идиётт!

Дятлов, подхватив оглушённых сазанов и, подняв их за жабры вверх, расплывшись в широченной улыбке, только прокричал:

- А-аа! Ну как вам! Какие там гранаты?

Мы ещё помедлили немного, и азарт взял своё.

И тут началась такая пальба!

Одиночные выстрелы, грохот очередей, всплески и шипение воды от влетающих в неё горячих пуль, шлёпанье ног по неглубокому водоёму, сдавленные выкрики и мат.

Со стороны могло показаться, что начался настоящий бой! Вода за секунды превратилась в серое, вспененное болото. То тут, то там плавала оглушённая и обездвиженная рыба, а кое-где и её разорванные куски.

- Э-ээ! Куда ты под ноги то стреляешь! Ты чё, ничего не видишь? - донеслось из-за плотных зарослей камыша.

Этот крик резко нас остановил.

Мы стояли мокрые и грязные, с пятнами ила и глины на лицах и одежде, тяжело дыша и вертя во все стороны головами. Огнестрельная рыбалка нас так увлекла, что мы забыли про все меры предосторожности.

Отдышавшись пару минут и осмотрев всех «рыбаков», мы хором расхохотались!

- Кони! Чё вы ржёте? И что мы теперь с этим будем делать? - мокрый и грязный Андрюха Васьковский, разведя руками и поворачиваясь вокруг, указывал на тела всплывшей рыбы.

- М-мда! С этим точно что-то надо делать! - почесал я мокрый затылок, - И как мы теперь все это потараним на вертолёт? Ведь у нас ни одного мешка или сумки!

Перетащив весь «улов» на сухое место, теперь уже все зачесали затылки.

Куча получилась впечатляющей, килограммов на сто!

Минут пять все молчали, тяжело дыша и смотря на большую горку сазанов.

- Мужики! А что если распустить мой парашют и взять от него чехол? Должно все влезть. Я потом его отстираю и мы, с ПДСником, переуложим парашют. Все равно болтается на створках без дела! - задумчиво предложил бортовой техник.

- А что? Это мысль! - робко произнёс Васьковский, оглядывая охотничков.

Все нерешительно пожимали плечами, явно не желая заморачиваться со спасательным парашютом, да ещё и принадлежащим другой части, за что можно было получить хороших люлей.

- Ладно! Деваться некуда. Все равно эту кучу надо как-то дотащить до борта. Да и с переукладкой «ПН»-а я потом помогу! Зря, что ли три года был врио начальника ПДС полка? - вздохнул я, - Давай, беги на борт, тащи чехол! - кивнул борттехнику.

Через двадцать минут чехол был успешно доставлен и мы, впихнув в него весь «улов», как по старинной охотничьей традиции, взвалив длинную оранжевую «колбасу» из чехла на плечи, благополучно доставили его к вертолёту.

Грузовая кабина была уже на половину заполнена выменянной тыловиком осетриной и мы, взвалив поверх неё свои трофеи, вытирая пот со лба, разом выдохнули, счастливо улыбаясь!

Конечно же, по возвращению в Ханкалу, мы эту деликатесную рыбу не увидим, но за то у нас теперь была своя, не менее вкусная, да и более привычная для нас дальневосточников, рыба. А уж как приготовить из сазанов разные вкусности мы знали как никто другой.

Вечерело и, как бы не хотелось прерывать этот душевный отдых, пора было возвращаться на базу.

Загрузившись в вертолёт мы, стали готовиться к вылету.

После стандартных процедур борттехник нажал кнопку запуска ВСУ. Послышался нарастающий звук раскручиваемого ротора двигателя АИ-9, но его запуска так и не произошло. Мы с удивлением посмотрели друг на друга.

- Не понял Игорь! Что с запуском? - со слабой надеждой посмотрел я на бортача.

- Да хрен его знает! - Игорь сделал несколько попыток запуска «аишки».

- И что будем делать? Ведь без неё мы движки не запустим. Надо что-то предпринимать!

- Да знаю я! - суетился борттехник, проверяя напряжение и подачу топлива, - Системы в порядке, что-то с самой «аишкой»!

Борттехник выключив энергоснабжение и открыв потолочный люк, в два прыжка поднялся наверх, открывая капоты и пробираясь к отсеку вспомогательной силовой установки. Два инженера из команды отдыхающих поднялись к нему в помощь.

Мы же, вышли из вертолёта и стали ждать, с надеждой смотря на работу нашей «кафедры железа».

Минут тридцать они «колдовали» над ВСУ, ни в какую не хотящей запускаться и, в конце концов, беспомощно развели руками: - Кажись хана катушке зажигания! Без неё не запустим!

- И где её взять? - ещё с некоторой надеждой посмотрел я на борттехника.

- Да нигде! Только в Ханкале! - выпалил он в сердцах, вытирая ветошью руки, - Если она там ещё есть!

Под ложечкой засосало, по спине пробежал неприятный холодок! Солнце клонилось к закату. Мы сидели на острове, посреди Каспийского моря, без единой возможности связаться со своими. Доложить о неисправности мы могли только по радиосвязи, а это означало, что нас услышат все, и свои и, пограничники. Ну а после этого начнётся такая возня, что достанется всем! А если к назначенному времени не вернёмся, на наши поиски поднимут всю авиагруппировку, с последующим докладом в СКВО и выше.

Попытавшись докричаться на рабочей аэродромной частоте УКВ-радиостанции до кого-нибудь, кто мог находится сейчас в воздухе в Чечне, мы поняли что нас не услышат, и что связаться мы можем только по дальней КВ-радиосвязи, а для этого надо было включать радиостанцию КВ-диапазона «Ядро», которая как раз и питалась от шины работающей ВСУ АИ-9. Да и заряда двух видавших вида аккумулятора, предназначенных для запуска «аишки», уже оставалось совсем немного. Ситуация с каждой минутой ухудшалась.

Все с тоской смотрели друг на друга, понимая, что помощь мы сможем запросить только на «1-ом УКВ-канале», а это означало полное «вскрытие» нашего нелегального рейса, и немедленное реагирование пограничников!

Леша Храменков обречённо посмотрел на меня и бортового техника, глубоко вдохнув и разведя руками, только прошептал:

- Ну что? Пошли докладываться!

Поднявшись на борт и подключив УКВ-радиостанцию к бортовому питанию, пощёлкав ручками настроек, мы ещё раз с тоской посмотрели друг на друга.

- Давай, докладывай! - опустил глаза Алексей.

После небольшой паузы, ещё надеясь на что-то, я стал взывать в эфир:

- «Кишлак»! «Кишлак»! Я 711-й! На связь!

КДП Ханкалы молчал.

- «Звучание»! «Поток»! Я 711-й, ответьте!

Командные пункты Ханкалы и 4-й Воздушной армии так же молчали. Только лёгкие потрескивания радиоэфира слышались в наушниках шлемофона.

Через несколько минут в наушниках громко и отчётливо проскрипело:

- Какой борт вызывает «Поток»?

Мы оживились!

- «Поток»! Я 711-й, произвели посадку на острове Тюлений, планировали вылететь на «Кишлак», вышла из строя АИ-9, нет возможности запуститься! Передайте на «Кишлак» или «Звучание», что у нас неисправность и требуется помощь!

Эфир ещё немного потрещал в ответ, а потом из наушников, так же громко, полилось:

- 711-й, информацию приняли, передадим! Это не «Поток», а «Абадан»!

- Упс! Вот и «приплыли»! - пронеслось в голове, - «Абадан» - это уже позывной аэродрома в Каспийске, где базировалась вертолетная эскадрилья погранцов!

- 711-ть? Какой у вас характер неисправности?

Я глубоко вдохнул. Щёки налились красным.

- Я 711-й, вышла из строя пусковая катушка зажигания АИ-9 или её конденсатор. Запасных нет! Передайте, пожалуйста, об этом в Ханкалу.

- Приняли 711! Ожидайте!

Мы опять переглянулись, в недоумении пожав плечами, всё ещё надеясь на «лучший исход».

- «Что, или кого ожидайте»? - только подумалось в ответ.

Но не прошло и часа, как с юга послышался звук летящего вертолёта. Это могли быть только пограничники.

- Так мужики! Быстро выгружаем с борта белугу и прячем подальше, во-оон за те кусты, - указал рукой вглубь берега Храменков, - сазанов, думаю можно оставить, за них «по шапке не настучат»!

Браконьеры, спешно погрузившись в лодки и, на полном газу, рванули подальше от острова, чтобы не иметь дело с пограничниками.

Мы же, бегло перетаскивая тяжёлую рыбу за ближайший прибрежный холмик и аккуратно прикрывая её ветками тальника, последнюю самую тяжёлую рыбину затаскивали уже практически на заходе вертолёта на посадку, наивно полагая, что опытнейшие пограничники не заметят наших перемещений.

Ведомственный борт произвёл посадку невдалеке от нашего и, охладив движки, выключился.

Мы притихли, с тоской наблюдая, как из борта выходят наряд пограничников и люди в синих комбезах, направляясь в нашу сторону.

- Ну, сейчас начнётся! - прошептал Васьковский.

Наряд не спеша, приближался к нам, внимательно осматривая прибрежную полосу и кусты. Позади, покачивались зелёные фуражки экипажа.

- Ммда, таких не проведёшь! - мелькнула мысль.

- Здравия желаю! Кто старший? - обратился к нам молоденький усатый старший сержант, закидывая автомат за спину.

- Заместитель командира полка подполковник Храменков! - выступил вперёд Алексей.

- Старший наряда старший сержант Усков, - приложил руку к фуражке молоденький контрактник, - Цель вашего нахождения на этом острове?

- Прибыли с лётным составом на небольшой отдых из Ханкалы, планировали... - Алексей не успел закончить фразу.

- Стас! Ты что ли? - выступил из-за спин бойцов пилот.

Я на секунду опешил. Ко мне приближался, с распростертыми руками мой однокашник Иван Колесников (хоть и прошло уже много лет с тех событий я, по понятным соображениям, изменил имя и фамилию моего друга, с которым четыре года учился в одном взводе в авиационном училище).

- Ванька! Братуууха! - я кинулся ему навстречу, и мы начали тискать друг друга в объятиях, на глазах изумлённых коллег.

- Стаааас! Дружище! Вот так встреча! Ты чё здесь «границу нарушаешь»? - расплылся в широченной улыбке Ванька, - брат ты мой сердешный! - не выпуская меня из своих объятий.

После короткой паузы он обернулся и махнул наряду в сторону вертолёта, показывая им, что все нормально, и они могут быть свободны.

- Ну как ты? Что у вас? - продолжал держать меня за руки Иван.

- Да вот привезли отдохнуть лётчиков и техников, покупаться да отвлечься от этой мясорубки, а техника оказалась настолько ушатанной, что не знаем как теперь выбираться!

- В чём проблема-то, в «аишке»? А то мне, мои техники, уже на ходу закинули какую-то коробочку! Я даже не знаю, что там.

- Инженера, - кивнул я в сторону переминающихся с ноги на ногу техников, — сказали, что «кончилась» катушка зажигания, а без неё никак! - развёл я руками.

- Ну, понятно братушка! Что-ж, бывает! Сейчас починим твою «ласточку»! - Ванька повернулся к своему борттехнику и дал отмашку рукой, чтобы тот принёс переданную запчасть.

- Сам то как? Где ты сейчас?

- Да где-где! Кажись в самой задни....! - в сердцах выругался я.

- Да это-то понятно! Сам вижу, что не с курорта. Вы в Ичкерию откуда?

- С Дальнего Востока. Как всегда, «сборная солянка»!

- Ох ёлы-палы! Ближний свет!

- Да уж, не близко! Уже чуть больше двух недель здесь, а ощущения такие, что два года здесь воюем, - выдохнул я, покачав головой, - Месилово полнейшее! В Афгане и то было проще.

- О! Ты и там уже отметился!

- Да уж! Мотает по горячим точкам.

Иван взял меня под ручку, потянул в сторону: - Пошли хоть потрындим, пока твои инженера ставят катушку, - кивнул он в сторону оживившихся техников.

Улёгшись на тёплый ракушечник, мы опять с Иваном «вернулись» в нашу недалёкую юность, вспоминая счастливейшие годы учёбы в авиационном училище, с теплотой вспоминая своих командиров и инструкторов, и с грустью, уже многих ушедших от нас однокашников.

К сожалению войны, делали свою грязную работу, забирая совсем молодых и талантливых пилотов.

Через минут тридцать Лёша Храменков окликнул меня: - Стас! У нас всё готово, можем запускаться, - осторожно оглядываясь назад, в сторону припрятанной рыбы.

Иван, хитро прищурив глаза, всё понял. - Да ладно мужики! Хорош шкериться. Что мы не знаем, что вы хотите увезти! Не вы первые и не последние! Да мы все понимаем. Только смотрите аккуратно, нас не сдайте! - похлопал он меня по плечу.

Я притянул Ваньку за плечи: - Спасибо братушечка! Надеюсь ещё увидимся.

- Давай дорогой! Держитесь там! А с запчастью, ваши инженеры разберутся, как ее передать назад.

Через тридцать минут мы запустились с Иваном практически одновременно.

С теплотой посмотрев друг на друга и, помахав на прощание руками, мы разлетелись в разные стороны.

К Терскому хребту мы подходили уже в сумерках.

Погода в Надтеречной долине была хорошая. Яркие, золотистые лучи заходящего солнца мягко заливали хребет. Но вот только за ним, в сторону Ханкалы, возвышались тяжёлые свинцовые тучи, с мелькающими то тут то там, всполохами молний.

- О! А погодка-то не комильфо! - переглянулись мы с Алексем.

И, уже пролетая станицу Петропавловскую, низкая густая облачность прижала нас практически к земле. Видимость резко снизилась до одного, и местами даже до полукилометра, по остеклению кабины зашуршал сильный дождь.

Мы, напрягая зрение, всматривались в закабинное пространство, пытаясь найти аэродром.

Облачность местами провисала до сорока-тридцати метров, всё ниже и ниже, прижимая нас к земле. Высокие столбы линий электропередач, не позволяли нам снизится до высоты, на которой мы могли бы отыскать Ханкалу. Остаток топлива неумолимо подходил к минимальному.

Загасив до минимума скорость, мы крались над землёй, в направлении аэродрома. За бортом окончательно стемнело, видимость упала практически до нуля.

По времени, аэродром должен был появиться в любую секунду. Но его всё не было!

Васьковский первым вскинул руку, указывая вперёд: - Командир! Красный фонарь ближнего привода. Вот он в ста метрах слева!

- А, ну вот и хорошо! Теперь-то мы уже дома! - ещё загасив скорость, мы стали заходить на посадку, практически вслепую.

Бетонные плиты ВПП проскочили под нами под другим углом, с которым они должны были появиться и, судя по направлению, мы приближались к магистральной рулёжной дорожке.

- Стас! Давай, садимся сходу, на перрон! Нет времени уже крутится здесь. - Алексей мягко взялся за управление, помогая мне выполнить посадку.

В пятистах метрах, из серой пелены проступили очертания стоящих на своих стоянках вертолётов.

- Так! Перрон наблюдаю. Садимся! - установив контакт с землёй я, плавно загасив скорость, произвёл посадку.

- Уф! Приехали! Вот это полётик! Что Лёш, может я, сразу себе распишу проверку и допуск к посадкам «при минимуме»? - улыбаясь, устало посмотрел я на Храменкова.

- Ага! Распишешь! - потянулся Алексей, выгнув спину и стягивая с головы шлемофон, - Как бы нам ещё «дыню» не получить за такой полётик!

- Ну и ладно! Главное — долетели! - я тоже откинулся на спинку кресла, - Сейчас разгрузимся и «на-боковую». Что-т я вымотался за такой денёчек.

Народ в грузовой кабине одобрительно загудел, дождавшись благополучного возвращения с экстремального отдыха.

СТАРЫЙ

Эта встреча была очень долгожданной!

С Олегом Поздняковым, тогда ещё тридцати пяти лет отроду, моим командиром экипажа в гаровском вертолётном полку, летали в одном экипаже много и очень долго, года три точно. Пока я сам не стал командиром экипажа.

Олег, Олег Владимирович Поздняков, или как я его в шутку называл — «Старый», на что он совсем не обижался, научил меня очень многому.

Весельчак и балагур, с тонким чувством юмора, круглым красивым лицом, он был похож на мультяшного Винни Пуха, такого же доброго, душевного и смешного.

В начале девяностых, прослужив несколько лет на Дальнем Востоке, он перевёлся на Запад и наши контакты потерялись. Я лишь знал, что он уволился из ВВС и устроился в Авиацию МВД, где-то на югах.

Это уже в Ханкале я случайно узнал от «МВДшных» пилотов, базирующихся по соседству с нами на площадке, с красивым названием «Лужок», что у них летает О.В. Поздняков, который сейчас сидит в Моздоке и вскоре должен прилететь в Ханкалу, заменить другого командира экипажа.

Почему-то я сразу понял, что это мой «Старый»!

И эта встреча состоялась.

Сначала она произошла в воздухе, вернее в радиоэфире, а потом уже и на земле.

27 июля, мы летели на площадку Шалхи, под Владикавказом, перевозя тяжелораненых в его госпиталь.

В эфире послышались короткие фразы радиообмена. Голос Старого я узнал сразу!

Он вёл свою пару из Моздока, обмениваясь короткими командами со своим ведомым: — «Первый!», - и, через небольшую паузу, ему отвечал ведомый, — «Второй!».

Такая метода радиообмена была принята в авиации МВД, выполняющей боевые задачи в Чечне, и летающей, так называемым «афганским строем», когда дистанция между бортами была 300 - 500 метров. Это позволяло ведомому более эффективно прикрывать спину своего ведущего и, в случае обстрела, мгновенно реагировать и уничтожать огневые точки. Но, к сожалению, такая метода имела и свои минусы. Тактически, уже более заматеревшие боевики, пропускали ведущего, а весь огонь сосредотачивали на ведомом и, если сзади не висела пара прикрытия Ми-24-х, шансов у ведомого не

было! Поэтому экипажи, выполняющие полёт только парой, вели постоянный обмен такими короткими командами, чтобы контролировать друг друга.

- Старый! Привет! - вопросил я в эфир, в надежде, что он меня услышит и узнает.

После секундной паузы в наушниках я услышал дорогой моему сердцу, распевный голос Олега: - Привет мой дорогой! Слышал-слышал, что ты здесь! Будет возможность, увидимся!

- Рад тебя слышат командир! Обязательно надо встретиться.

Приятная весть лёгкой теплотой согрела душу. Наконец-то, после стольких лет мы свидимся.

- Смотри! Мы сейчас идём на «Лужок», а потом, скорее всего к вам на дозаправку в Ханкалу. Ты когда обратно?

- Да я быстро! Думаю, через часик уже вернёмся в Ханкалу.

- Принял! До встречи!

Весь оставшийся полёт я с добрыми чувствами вспоминал, как мы с Поздняковым летали на Дальнем Востоке.

Наш экипаж, наверное, побил все рекорды по нахождению в командировках. Дома мы с Олегом практически не были!

Если сослуживцы, в основном, летали только аэродромные полёты, да на полигон, то мы экипажем мотались по всему Дивному Востоку.

Мы и перегоняли вертолёты в ремонт и с ремонта на авиазавод под Арсеньевом, возили грузы и бросали парашютистов. Перевозили разномастные комиссии и генералов. В промежутках между командировками мы успевали еще, и полетать на базе, на полигон. Олег научил меня большой точности в навигации и боевом применении. И было очень приятно, когда наш экипаж признали лучшим в вертолётном полку!

Успевали мы с ним ещё и попрыгать с парашютом, что было нашим совместным увлечением.

Скоренько разгрузившись на госпитальной площадке и, передав в надёжные руки врачей, раненых пацанов, мы помчались обратно в Ханкалу. И уже подлетая к аэродрому я, ещё издалека увидел отдельно стоящий от наших вертолётов Ми-8, который производил заправку топливом.

- Ну эт точно мой Владимирыч! - расплылся я в улыбке, с надеждой всматриваясь за остекление кабины.

И уже на заходе, пролетая над камуфлированным вертолетом на высоте пятнадцати метров, я увидел родное лицо командира, расплывшегося в широченной улыбке и намахивающего руками.

Так же быстренько охладив и выключив двигатели, я выскочил из кабины и бегом помчался в сторону «МВДшного» борта.

Навстречу мне бежал мой командир!

Вся наша аэродромная братия с интересом наблюдала за этой трогательной картиной, больше напоминающей знаменитые телепрограммы семидесятых-

восьмидесятых годов, Валентины Михайловны Леонтьевой, «От всей души», когда люди встречались по прошествии многих и многих лет.

Мы кинулись друг другу в объятия, закрыв глаза и крепко прижавшись, минуту молчали. Влага проступала через ресницы.

- Ста-аарый! - выдохнул я.

Времени на разговоры и воспоминания было очень мало, его бортовой техник уже закончил заправку вертолёта, и Владимирыч должен был через несколько минут улетать на задание.

Мы ещё несколько минут пообщались и Поздняков, притянув меня за плечи, прошептал: - Давай Стас, ещё увидимся! Аккуратненько здесь!

Через пару дней у меня появилась возможность заскочить после полётов на «Лужок». Там, наконец-то, мы и наговорились и навспоминались. И уж тем более в эту встречу меня ждал ещё один сюрприз!

Зайдя на контрольно-пропускной пункт «МВД-шников», я поинтересовался, где можно найти Позднякова.

Молоденький сержант-контрактник указал в сторону стоянки вертолётов, где одиноко стоял боевой Ми-8-й, с белой полоской на хвостовой балке. Под его брюхом, развалившись на вертолётном чехле, отдыхал экипаж, прячась от полуденной жары. В метрах пяти от входа в грузовую кабину возвышалась большая куча баулов и мешков, на которой сидели с десяток бойцов в полной боевой экипировке.

Уже на подходе к вертолёту, Владимирыч, завидев меня и покряхтывая, вылез из-под низко нависающей части фюзеляжа, широко улыбаясь своей неподражаемой улыбкой.

- Эй вы, халявщики! Ничё вы здесь устроились! А мы там за вас, во всю «конституционный порядок наводим».

- Да нам и своей работы хватает! - обнял меня Поздняков, - Давай к нам, в тенёчек. Пока мы тут будем ждать, когда руководство разродится задачами, можно «сгореть» на солнышке до угольков, - жестом приглашая под вертолёт, где уже лежали, раздевшись по пояс, его правый лётчик и бортмеханик.

Я, опустившись на колени, стал пробираться к чехлу и почти упёрся лбом в «правака», с интересом наблюдающего за мной. Тень от борта скрывала его лицо, а мои глаза постепенно перестраивались с яркого полуденного освещения на затенённое пространство.

Когда очертания его лица вырисовались в контрастную картинку я, инстинктивно набрал воздуха в лёгкие, глубоко вздохнув: - Иэхх! Андрюха!

На меня смотрел, улыбаясь, не менее широченной улыбкой, чем у его командира, мой дорогой однокашник по училищу Андрюха Некоз.

- Ёкарный Бабай! Андрюха! - накинувшись, и повалив его на чехол, воскликнул я.

Старый, стоя на коленях, с улыбкой наблюдал всю эту картину.

- Владимирыч! Ну и что ты молчал, что ты летаешь с моим однокашником в одном экипаже? Ну и хитрец! - оглянулся я на Позднякова, попытавшись состроить укорительную физиономию.

- А вот такой сюрпризик! - язвительно пропел Старый, удовлетворённо потирая руки и продолжая счастливо улыбаться.

- Ну ты дал! Удался, удался сюрприз.

Мы, завалившись на прохладный чехол, продолжили в запой вспоминать совместные периоды нашей жизни.

Сидящие на своих баулах бойцы, с интересом наблюдали за этой картиной.

- А что у вас? - посмотрел я на часы.

- Да вот, эту «банду» надо доставить в Моздок, - кивнул Старый в сторону томящихся в ожидании пассажиров, с надеждой смотрящих на вертушку и её экипаж, которые должны были увезти их с этой проклятой войны, - Пока ждём «прикрытие», а то в одиночку опасно! Может сегодня и, не полетим. Все борта нарасхват. А у тебя сегодня что?

- Да меня, на удивление, пораньше отпустили. Мой «правый» пошёл в модуль, решил состирнуться. А я вот подумал, когда ещё такая возможность представится.

Старый, с хитринкой посмотрел на своего бортового техника. Тот с полувзгляда всё понял, и быстро куда-то шмыгнул, через минуту появившись с пакетом-майкой и бутылкой минералки.

Андрюха, подперев рукой голову, тоже хитро улыбался.

И ещё через минуту, на чехле уже были разложены банка тушёнки, булка ароматного хлеба, небольшие галеты, и всю эту нехитрую композицию завершала, возвышающаяся над всем этим, бутылка вкусной бесланской водки «Исток-люкс».

- И в самом деле, когда ещё такой случай представится! - Владимирыч дал отмашку Андрею на розлив «вкусняшки», под изумлённые взгляды «пассажиров».

И мы более живо продолжили своё общение, вспоминая недалекое прошлое. Старый припомнил, как гонял меня по точным наукам, необходимым в навигационных расчётах, и как я долго «давал пену» в таких вычислениях.

Вспомнили мы и наши командировки в красивый приморский город Арсеньев, где Владимирыч учил меня, как и подобает правильному второму пилоту в авиации, грамотно обеспечивать и отвечать за три «Ж», жильё, жратву и, женщин. И как у меня, при нахождении в очередной такой командировке, родилась моя первенец, дочурка Юлька, и мы не могли очень долго вылететь из-за непогоды домой, но благодаря необъяснимому обаянию Старого, уж не знаю как, уговорившего метеослужбу, я успел прилететь и забрать доченьку из роддома.

Обсудили и обменялись опытом полётов на этой бессмысленной войне. Поздняков, в деталях, рассказал о недавней трагедии, которая произошла в их авиации, когда они потеряли свой экипаж у станицы Червлёной, после чего и стали вести такой непрерывный радиообмен в группе.

14 апреля 1996 экипаж ермолинского авиаполка ВВ, при выполнении парой сопровождения и прикрытия колонны федеральных сил в качестве ведомого, был сбит из стрелкового оружия. Ведущий пары, удачно проскочив Толстой-Юрт, не видя ведомого, продолжил полёт, а вот экипаж Саши Калабушкина, попав под интенсивный обстрел с земли, потеряв управление перевернулся, упал и сгорел. В живых остался только лишь один человек, боец-стрелок, сидевший с крупнокалиберным пулемётом на задних створках, которые отделились в момент падения вместе с ним.

Вспомнили мы с Андреем Некоз и наши курсантские годы, однокашников и инструкторов. Как разбросала нас всех судьбинушка по необъятным просторам матушки России. Помянули друзей-однокашников, так безвременно ушедших в свои последние полёты.

Время неумолимо клонилось к вечеру, команды на вылет так и не поступило, и Старый, повернувшись к Андрею, улыбаясь и указывая на меня пальцем, в конце подытожил: - Вот по сравнению с тобой, математик из твоего однокашничка, ну-ле-воой! Но пилотяга он отменный! Давай мой дорогой, думаю ещё будет возможность увидится. Постарайся здесь не нарываться и вернуться домой живым.

Мы на прощанье обнялись, пожелав друг другу безопасных полётов и разошлись, в надежде ещё увидится. Но такой возможности война нам так и не предоставила, буквально через неделю заставив пережить ещё одну трагедию. Но об этом в следующих главах.

АКСАЙЦЫ

29 июля погода над всей территорией Чечни стояла отвратительнейшая. С раннего утра мы выполнили облёт площадок в горной её части, собрав на них всех раненых, подстреленных за прошедшую неспокойную ночь.

Ещё на подлёте к аэродрому РП Цыбаев запросил у нас остаток топлива. Мы с Андрюхой переглянулись. Борттехник быстро пощёлкал галлетником топливомера:

- Командир! Две с половиной!

Я утвердительно кивнул головой.

- «Корсар», я 711-й! Остаток две!

- «Корсар» принял! 711-й! Будьте минутку на связи!

- На связи, 711-й!

Прошло минуты полторы. Мы уже огибали окраину Чечен-Аула, как эфир затрещал вновь:

- 711-ть! Вам посадка на «госпитальную», разгрузка и, без задержки в квадрат ...., там связь с «Искрой-21», требуется срочная эвакуация!

- О-опа! «Искра-21»! Так это-ж наши «аксайцы»! - промелькнуло в голове, - Значит зажали ребятушек! Надо поторопиться.

- Принял 711-й, посадку на «госпитальной», разгрузку и взлёт доложу!

На госпитальной площадке все уже было готово к нашему прилёту, и разгрузка вертолёта прошла относительно быстро. Легкораненые самостоятельно покинули вертолёт. Небольшая задержка произошла только лишь из-за госпитального ГАЗ-66-го, стоящего невдалеке от площадки, и ни в какую не хотевшего заводиться.

Через пару минут сизый дымок выстрелил из его выхлопной трубы и, грязный и закопчённый грузовичок, покачивая из стороны в сторону будкой с красным крестом на борту, подкатил к вертолёту.

Носилки с тяжелораненными с осторожностью перегрузили в кузов «фронтовой санитарки», заведомо прикрыв измождённые лица лежащих на них раненых, грязными одеялами, закрывая их от везде проникающих камушков и кусочков грязи, отбрасываемых молотящим воздух несущим винтом.

Я с нетерпением смотрел на часы. Лёту от площадки до указанного в координатах места эвакуации, в районе Курчалоя было всего-то семь-десять минут, но в условиях жесточайшей войны, и минуты могло не хватить!

После окончания разгрузки я, без промедления, поднял вертолёт в воздух, доложив руководителю полётов о выполненном взлёте, и помчался в сторону терпящих бедствие.

На максимальной скорости мы неслись в сторону наших боевых коллег. Низкая свинцовая облачность, местами провисающая до самой земли, накрыла практически всю Чечню. Временами проливающийся, слабый моросящий дождь, заливал остекление кабины. Это немножко успокаивало. В любую минуту, при обстреле с земли, можно было уйти от прицельного огня боевиков в низкую облачность.

При подлёте к селению Новая Жизнь, мы начали вызывать группу спецназа.

- «Искра-21», я 711-й! «Искра-21»!

Эфир молчал!

- «Искра-21»!

Мы, прижавшись как можно ближе к земле, с беспокойством осматривали серую, залитую дождём землю. Никаких признаков присутствия боевой группы в этом районе не было!

Тягучие мысли носились в голове: - Неужели не успели! Никаких передвижений, да и признаков боя вокруг не просматривалось.

- «Искра-21»! - уже с мольбой в голосе, взывал я эфир.

Наворачивая круги над полями между Курчалоем и Новой Жизнью, крутя головой «на все 360 градусов» мы искали наших мальчишек!

- Так вот же они! - прокричал Андрюха, указывая в глубокий овраг, пронёсшийся под нами, на дне которого была рассредоточена группа «аксайцев».

- Андрюха! Заходим! - завалил я глубокий крен, гася скорость и задрав нос вертолёта. И в это же мгновение змеистая трассирующая струйка промчалась впереди и чуть выше кабины со стороны кромки леса, от вблизи лежащего селения Автуры.

- Ух ёптить! - резко кинул я машину вниз! Овраг был перед нами уже на посадочной прямой, и мне не оставалось ничего лучшего, как направить вертолет вниз, в овраг.

- Борисыч! Аккуратненько! Лопасти уже у краёв оврага! - вновь прокричал Андрей, открыв свой блистер и по пояс высунувшись в проём своего окна.

Машина послушно зависла в метре от дна оврага. От концов лопастей до его стенок оставалось полтора-два метра и я, с осторожностью, начал опускать машину вниз. Колёса мягко коснулись размокшего грунта.

- Борисыч! Все-все! Достаточно, а то утонем, до стенок уже метр. У меня справа и сзади порядок!

- Понял-понял! - не шевелился я, слившись с вертолётом в одно единое целое, удерживая покачивающуюся машину в миллиметрах от дна.

Аэродинамика обтекания несущего винта в тесном овраге сильно изменилась и отбрасываемый лопастями воздух, создавал тугую воздушную подушку, разлетающуюся в немыслимых направлениях и с различными скоростями, от чего вертолёт судорожно трясся как в агонии, так и норовя сместится в сторону опасных стенок оврага или вырваться вверх, в свою родную стихию.

Понимая наше нелёгкое положение «аксайцы», в ускоренном темпе, закидывали в грузовую кабину своё барахло. Сзади что-то гулко бухало и гремело об дюралевый пол кабины. Слева и справа от кабины шныряли юркие бойцы, подтаскивая к входной двери баулы с поклажей, пулемёты, гранатомёты и выстрелы к ним!

Овраг, в нашем положении, оказался спасительным подспорьем и, скорее всего, спецназ его и выбрал, исходя из этих соображений, когда боевики их застали на открытом месте, прижав огнём к земле. Они и место выбрали наиболее широкое на дне оврага, аккурат под обметаемую площадь несущего винта, понимая, что лётчики поймут их задумку. Они знали, что риск потерять вертолёт, в этом случае был очень большой. А так, мы спокойно производили загрузку и эвакуацию группы, не втягивая шеи и не крутя ими по всей округе,

боясь реального обстрела. Сейчас нас можно было достать только из миномёта, который надо было ещё успеть подтянуть и пристрелять!

В считанные минуты «аксайцы», как всегда профессионально, загрузились и входная дверь, щёлкнув замком, закрылась.

- Ну-у теперь, так же лихо нужно отсюда слинять – промелькнула мысль в голове. Хотя я уже знал, что буду делать! Надо было по-максимуму использовать спасительный овраг.

Так же плавно я приподнял вертолёт и, легонько опустив нос, начал разгонять машину в овраге, уходя подальше от гибельной директрисы, высунув только на пару метров несущий винт. Смертоносная зелёнка всё дальше и дальше отдалялась от нас, и уже можно было набрать метров пятнадцать высоты.

Отойдя подальше от стреляющего селения, мы развернулись в сторону базы и, переведя дух, откинулись на спинки кресел.

- Фухх! Успели!

В кабину заглянул чумазый командир группы, расплывшись в широченной улыбке:

- Братушки! Спасибо! Вовремя. Мы уж думали — нам кирдык!

- А чё на запросы не отвечали? - с укором посмотрел я на спецназёра.

- Да они суки нам радиостанцию разбили! Снайпер видать специально выискивал, чтобы лишить связи. Слава Богу, хоть успели передать координаты!

Я одобрительно кивнул головой и поднял большой палец вверх.

- Да мы тоже чуть не очканули! Думали, что не успели!

Командир группы одобрительно похлопал меня по плечу.

Дальнейший полет, и посадка прошли спокойно.

Выключив на стоянке двигатели, я вышел из кабины. Вертолёт был полностью завален баулами, оружием и ещё какими-то мешками, вперемешку с большими липкими кусками грязи.

Группа начала загружать весь этот шмурдяк в подъехавший УРАЛ с высоченными бортами. И тут-то я увидел как из проёма входной двери на бетон рулёжной дорожки выбросили какой то грязнючий мешок, который, к моему удивлению, зашевелился!

Я с изумлением посмотрел на него, подойдя поближе.

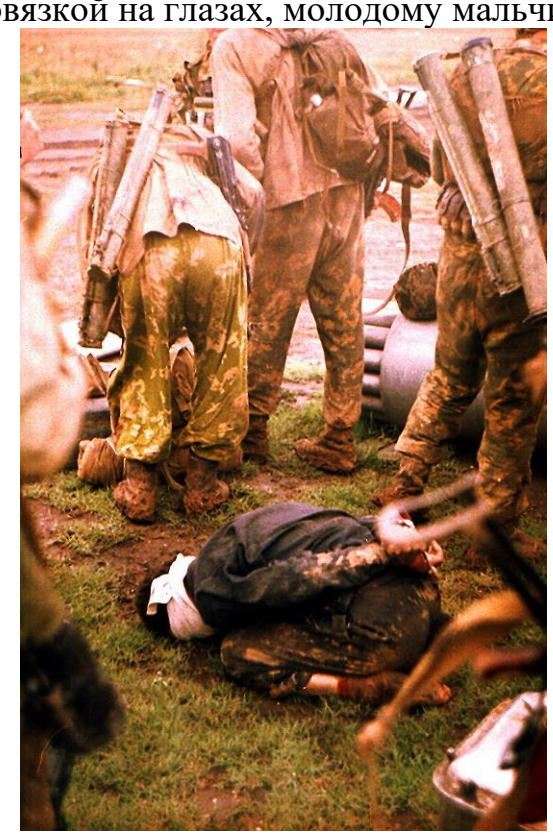
- А это чё? - округлил я глаза.

- Боевой трофей! - со злостью пнул шевелящийся мешок, проходящий мимо боец спецназа.

- В смысле!

- Снайперёнок! Взяли на «лёжке»! Он, сука нам полчаса не давал головы поднять, пока наша передовая группа его не обошла и не взяла тёпленьким! - ещё раз, со злостью боец пнул грязный мешок.

- Так ведь он ещё ребёнок! - я внимательно пригляделся к стоящему на коленях, с завязанными за спиной руками, и упирающемуся головой в грязь, с повязкой на глазах, молодому мальчишке.



- Шестнадцать лет гадёнышу! - процедил спецназовец, - И, наверняка, уже ручёнки по плечи в нашей кровушке!

- И куда вы его теперь?

- Да куда-куда! Сейчас сдадим в группировку «фэйсам», пускай сами там разбираются. Хотели, блин, на месте хлопнуть, да рука не поднялась!

- Да-а! Жаль пацана! - я с горечью покачал головной.

- А чё его сучёныша жалеть! Сам взял в руки оружие, да ещё какое! Ладно-б там какая берданка, а то ведь СВД! Да и плечо всё синее. Видать давненько этим «промышляет»! - сплюнул боец.

- Так это мы пришли в его дом с оружием в руках, хоть и не по своей воле! Что-ж ему оставалось делать?

Подошедшие трое спецназовцев подхватили за одежду мальчёнку, резко подкинув и перебросив его через высокий борт УРАЛА.

Глухой удар донёсся из кузова.

Я, инстинктивно поджал плечи и сморщился:

- М-мда! Незавидная судьба, скорее всего, ждёт этого, только начинающего жить мальчика!

Но, к сожалению это война, со своими жестокими законами! И никуда от этого не деться! Думаю, попади мы в руки чеченцев, они бы тоже с нами не церемонились, а скорее всего поотрезали головы на месте!

Тяжелые мысли крутились пчелиным роем в голове:

- Реалии войны делают любого человека беспощадным, неспособным к любви, состраданию или пощаде. В мирное время мы сторонимся людей неоправданно жестоких, потому что человек должен стремиться к любви. Но совсем другие мысли приходят, когда ты задумываешься, уместна ли вообще жестокость на войне. А потом тебя осеняет: - Война – это уже жестокость, страдания, несчастье и отчаяние. Она отнимает у людей мечты, надежды и чувство безопасности, заставляет жить в постоянном страхе. Забирает жизни многих беззащитных людей.

В памяти сразу всплывает наша многовековая история.

Войны, которые велись несколько сотен лет назад, были совершенно другие. Проходили в одном отведенном для этого месте. Не взрывались целые поселения, не уничтожались гражданские жители, сражались только рыцари. Много их гибло, каждый из них сразу признавался героем, а посмертная слава была очень важна.

Современные войны стали более жестокими.

За время Второй мировой войны погибли миллионы людей, солдаты и мирные жители, невинные дети, женщины и старики. Было уничтожено много городов и сел. Люди погибали в концентрационных лагерях, во время бомбардировок, тысячами тонули в морях и океанах на торпедированных судах. Эта война должна была послужить примером и наукой на будущее. Но, к сожалению, человечество так и не смогло извлечь из этого уроков и остановиться.

С грустью я смотрел на удаляющийся грузовик, уносящий в небытие чью-то судьбу, а может и судьбы.

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словеси мятежна. Плещма Своима осенит тя и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни. От вещи, во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе; к тебе же не приближится. Обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши.

Из тяжёлых мыслей меня вывел подошедший и обнявший за плечо Андрей:

- Пошли Борисыч! Пошли. Провались она в преисподнюю эта война! Ничего мы здесь уже не сделаем!

Но, к сожалению, уже через пару дней нам пришлось опять вылететь на помощь своим боевым коллегам, да ещё и спасать своих лётных однополчан, о чем речь пойдёт в следующей главе.

А пока в конце, во всех отношениях, горячего августовского месяца мы узнали, что наши боевые коллеги, «аксайцы» снимали тот бой под Ялхой-Мохком на видеокамеру, и решили сходить к ним сделать себе видеокопию.

Спецназовцы полностью засняли и сам момент сбития вертолёта Хомутова, и жёсткий обстрел нашего, и уничтожение группы стрелков ПТРКашников, двух арабов и наёмницы-хохлушки, которая и попала «ФАГОТом» в приземлившийся Ми-8.

Выбрав время ближе к вечеру, мы подошли к расположению «аксайцев». Их палаточный лагерь был огорожен забором из колючей проволоки, в середине которого был небольшой проход, в виде импровизированного КПП, с незамысловатым столбиком-грибком, под которым прятался от палящего зноя молодой боец-спецназовец.

Завидев нас издалека, бойчишка подсобрался, выйдя за пределы огороженной территории, но признав своих коллег, успокоился и зашёл в тень маленького деревянного навеса.

- Вы к кому? - устало опустив голову, спросил он на выдохе.

- Да мы хотели переписать видеокассету с боем под Ялтой-Мохк, 31 июля. Как нам увидеться с ребятами?

- С кем?

- Да хоть с кем! Там ведь тогда была практически вся группа!

- Их нет! - ещё ниже опустил боец голову.

- Как нет? А где они? На выходе? - переминались мы с ноги на ногу, с удивлением смотря на молодого бойца.

- Их вообще нет! - прошептал спецназовец, растягивая каждое слово, и опуская подбородок к груди. Плечи его задёргались, из-под кепки послышались всхлипывающие звуки.

- Не-е по-оняли! - развели мы руками, - Так где-ж тогда они?

- Там! - не поднимая головы и всхлипывая, указал рукой на запад боец.

- Да где там? Говори понятливей! - уже недоумевали мы.

- Там! - поднял он заплаканные глаза и указал рукой в сторону горящего и задымлённого Черноречья, где вчера весь день шли ожесточённые бои.

- Боец!!! Да говори-ж ты толком, где они, что с ними!

- Не-еет и-иих! Не-еетт! - уже перешёл на рёв мальчишка, подёргивая плечами в такт своим всхлипам.

Пелена начала туманить мои глаза, в ушах зашумело, ноги стали ватными. Я мотал головой боясь произнести вслух пришедшую в моё сознание страшную мысль.

Мы в полном молчании развернулись и побрели обратно, переваривая страшную новость.

Перед глазами медленно, как немые слайды, проплывали лица наших пацанов, ставших уже родными, и с которыми мы, за столь короткое время побывали в таких жесточайших передрягах, что в произошедшее не хотелось верить. Тяжёлые клещи сдавили грудь, костяшки пальцев хрустели в сжатых кулаках. Мы, не глядя друг на друга, опустив головы, каждый в своих мыслях, разошлись в разные стороны.

Сам Един еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека. Земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдем, якоже повелел еси, создавый мя и рекий ми, яко земля еси и в землю отидеши, аможе вси человецы пойдем, надгробное рыдание творяще песнь: Аллилуия.
Икос по 6-й песни канона, глас 8

СТУДЕНТ

31 июля 1996 года. Нашему экипажу дали немного отдохнуть.

Отдых заключался в нахождении на аэродроме и выполнении дежурства по поисково-спасательному обеспечению боевых вылетов. Можно было немного поспать.

Но через час после начала полётов прозвучала команда:

- Экипаж ПСС! Первая готовность!

Я подбежал к открытому окошку КП.

Там уже начиналась какая-то суета. Меня заметил дежуривший в этот день оперативный дежурный майор Загорулько, которого мы, просто, за глаза звали Петровичем и, подошёл к окну.

- Стас! Подбили борт Хомутова, сел на «вынужденную», сейчас загружаешь спецназ и летишь в район Ялхой-Мохк. Вытаскивать их. Там сейчас работает кочующая группа «спецназёров», позывной - «Искра 25», они везли им боеприпасы. Пока только такие сведения. «Прикрытия» пока нет! Взлетишь один, а через минут пять поднимем за тобой пару «двадцатьчетвёрок». Всё! Давай на борт! – махнул Петрович рукой.

Через минуту я уже сидел в кабине вертолёта, связываясь с руководителем полётов:

- 711! Экипаж ПСС, запуск! Группа на борту.

- 711-й! Вам ждать!

- Не понял? Как ждать?

- 711-ть! Вам ждать 901-го!

«901-й» был позывным командира авиагруппировки армейской авиации, генерала Самарина.

- Понял ждать! А сколько?

- Не знаю! Они уже выехали, загрузишь ещё инженеров.

- Понятно! Жду!

Прошло ещё пятнадцать минут. К вертолёту подъехал УАЗик Самарина. С ним из машины вышли инженера управления авиагруппировки.

Я услышал команду Самарина:

- «СПЕЦНАЗ» свободны! Летим без вас!

- Как без «СПЕЦНАЗа»? - удивлённо посмотрел я на генерала.

- Всё! Запускаемся! - только ответил он.

Теперь мы остались на борту без боевой поддержки.

В кабину протиснулся Лёша Храменков и, попросив поменяться местами, сел на командирскую чашку, а я, занял место лётчика-штурмана.

- Ладно! Запускаемся! А там посмотрим. И так уже много времени упустили! Надо срочно в район аварийной посадки.

После взлёта мы, установив максимальную скорость, помчались в предполагаемый район поиска. Я вышел на связь с авианаводчиком группы «Искра 25» и уточнил их координаты. Через семь минут мы были уже на месте.

Вертолёт Хомутова мы увидели сразу. Он, как-то нелепо накренившись, безжизненно свесив лопасти, стоял на склоне горы с большим креном, недалеко от селения Ялхой-Мохк.

Сходу стали строить заход на посадку.

И тут по фюзеляжу вертолёта что-то начало колотить. Звук был похож на удары молотка по консервной банке.

- Мать вашу! По нам работают! – выкрикнул борттехник.

Откуда стреляли, определить было невозможно, везде был лес.

Следом нас догоняла пара «двадцатьчетвёрок» прикрытия.

В шлемофоне послышалась команда ведущего:

- Зелёный! Ты что не садишься?

- Да какой «садишься»! По нам «работают», а откуда – не поймём!

После небольшой паузы, ведущий «прикрытия» продолжил:

- Ну, что же! Давай заходи! Будем смотреть!

Мы переглянулись. Это означало только одно! Так сказать - «на живца»!

Но делать было нечего, да и время играло против нас, сейчас мы и так болтались в воздухе шикарной мишенью!

Энергично довернув нос на посадочный курс, мы стали выполнять заход на посадку.

Через мгновение, по вертолёту опять «заколотили» пули.

- Всё «зелёный», видим! По тебе работают сзади! Отходи влево! Начинаем атаку!

Выполняя отворот, я заметил, как по дороге внизу, на большой скорости, в направлении села Бельты, мчался трактор «Беларусь», без прицепа, нелепо мотаясь и подпрыгивая на ухабах.

В голове пронеслась мысль:

- Да куда же он дурень, несётся?

Но мысль не успела закончиться, как я увидел, что там, где только что мчался трактор, будто кто-то вывалил ведро с золой и горящими головёшками. Всё накрылось огромным морем дыма и огня, и лишь только огромные колёса трактора, всё также подпрыгивая на ямах, продолжали катиться по дороге.

- Господи! Да зачем же ты так убегал? - только подумал я, - Да остановился бы ты, и всё бы закончилось по-другому!

Но дело было сделано, и только нелепые останки железной машины, догорали внизу.

В наушниках послышалась команда «прикрытия»:

- «Зелёный» заходи, глиссада чистая!

Теперь уже без проблем мы зашли на посадку. И, ещё более удручающая картина, предстала перед нашими глазами.

Вертолёт Хомутова, с большим креном на уклон, стоял на склоне горы, с огромной зияющей дырой в носовой части кабины фюзеляжа. Вокруг суетились бойцы СПЕЦНАЗа.

Чуть поодаль стоял танк, лупивший, куда-то вниз, в сторону деревни, из своего орудия.

Сразу же после посадки, как к нашему вертолёту побежали бойцы с носилками.

На них, в куче каких-то тряпок, окровавленных бинтов, прикрытый грязной плащ-накидкой, лежал без сознания борттехник из моего штатного экипажа Олежка Шаплов. Одна его рука безжизненно свисала с носилок.

- Господи! Да что же это такое! «Студент»! Во что тебя превратили!

Бойцы быстро заскочили в грузовую кабину и поставили носилки на пол.

Вся инженерная бригада уже суетилась вокруг подбитого вертолёта.

Тут в кабину заглянул, забежавший в вертолёт, лётчик-штурман Хомутова, Толя Иванов.

В его стеклянных глазах было видно одно только безумие и страшная боль!

Я с изумлением посмотрел сначала на абсолютно целого, без единой царапины, Толю, а потом на зияющую дыру в кабине изуродованного вертолёта, в то место, где было его рабочее кресло.

-Толя! Да как же ты то уцелел?

Толя ничего не ответил, лишь только как-то обмякнув, опустился на кресло в грузовой кабине, рядом с Олегом. Со стороны моего блистера подошёл Хомутов, и сквозь рёв движков, прокричал:

- Стас! Инженеры сказали, что основные агрегаты не пострадали, сейчас подлатают, и я попробую взлететь! Мне нужно прикрытие!

Я оглянулся в кабину. Там лежал Олежка, жизненные силы которого таяли на глазах. Я вновь посмотрел на Хомутова. В его глазах читалась такая мольба, боль и безысходность, что у меня мороз пробежал по коже!

Я посмотрел на Храменкова. Алексей всё понял! Затем на, стоящего у блистера, Хомутова и, медленно покачав головой, прокричал:

- Мы сейчас вернёмся! Вернёмся! - уже зная, что делать.

Произведя взлет, мы на максимальной скорости помчались в направлении Ханкалы, видя тяжелейшее состояние Олега и понимая, что счет уже шел на минуты.

Вертолет, глубоко опустив нос с, вогнутым внутрь, плексигласовым остекленеем кабины от мощного, реявшего на низких тонах, напора встречного воздуха, мчался на предельно-малой высоте, аккуратно, без резких маневров, огибая препятствия.

Свое «прикрытие» из пары «двадцатьчетверок» мы оставили на месте боя, для оказания помощи СПЕЦНАЗу и группе наших инженеров, восстанавливающих поврежденный вертолет.

На госпитальную площадку заходили буквально через десять минут. Там нас уже встречали. Весть о подбитом вертолете быстро долетела до ханкалинской группировки!

Выгрузив Шаплова, мы на той же скорости помчались обратно!

Информация о подбитом, а вернее сказать «недобитом» вертолете, так же быстро, разлетелась по противостоящей нам Чечне, и бандиты, как воронье, могли сейчас слететься на помощь своим «собратьям», для «оказания помощи» в его окончательном уничтожении!

Район бедствия уже окутал густой, черный дым от пожаров, стелющийся над вершинами деревьев и холмов. Коллеги, на своих «летающих танках», «поработали плодотворно»! На то же место мы приземлились уже без проблем.

И что приятно удивило, после посадки, что инженерная братия во главе с Самариным быстрым шагом, на согнутых в коленях ногах, уже семенила в сторону нашего вертолёта, смешно втягивая шеи и озираясь по сторонам!

Через мгновение в наушниках сначала послышался писк модуляции от включённой бортовой радиостанции рядом стоящего вертолёта, а затем чуть приглушённый голос Вячеслава Хомутова:

- Семьсот первый? Как меня принимаете?

- Нормально слышим! Как у тебя? - ответил Алексей Храменков.

- Мат.часть осмотрели, главные системы в порядке. Сейчас попробую запуститься, и если всё нормально, взлетаю без осмотра! Вы у меня «бортом-лидером»! Ну, всё! С Богом!

- Приняли! Будем рядом!

Через несколько минут лопасти винтов подбитого вертолёта, сначала медленно, а затем всё быстрее начали набирать обороты. Каких либо замечаний и явных неисправностей мы со стороны не наблюдали. Вертолёт штатно запустился, и ещё через пару минут, очень плавно и аккуратно оторвал колёса от земли. Хомутов проверил его управляемость на висении, лёгкими отклонениями органов управления, и так же плавно опустив нос, начал разгонять скорость, производя взлёт.

Облегчённо выдохнув, мы тоже, взлетели следом за ним и, пристроившись рядом, стали следить за поведением подбитой машины.

Всё шло нормально! Очень непривычно было наблюдать за летящим израненным вертолётом, с огромной, зияющей дырой в носовой части кабины, да ещё и пилотируемым только одним лётчиком.

Мы пристроились к нему с правой стороны, и в этом положении, Вячеслав находился на другой, чуть затенённой стороне кабины, и поэтому казалось, что в кабине вообще никого не было!

Вертолет летел устойчиво, поэтому мы, оттянувшись чуть назад, продолжили его сопровождение на небольшой дистанции.

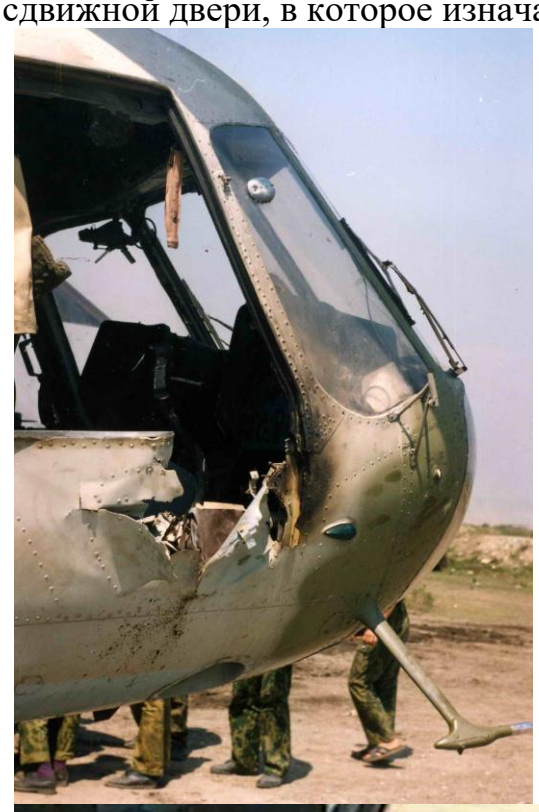
До Ханкалы долетели быстро, и Вячеслав, так же плавно и аккуратно посадил вертолёт на рулёжную дорожку, и выключил двигатели. Вокруг него уже собрался весь аэродромный люд.

Мы тоже, быстро произведя посадку и выключив двигатели, побежали к повреждённому вертолёту.

Картина, конечно, была удручающая! На правой стороне кабины, чуть ниже сдвижного блистера, зияло большое, рваное и закопчённое отверстие, а скорее - просто дыра. Остекление кабины и обе приборные доски были заляпаны тёмными и запёкшимися пятнами крови с остатками мышечных тканей Олежки!

От увиденной картины я, судорожно поёжился, представив каково сейчас было Олегу, раз такое осталось в кабине!

Весь пол был засыпан осколками от не разорвавшейся противотанковой ракеты «ФАГОТ» и остатками стеклопластикового остекления иллюминатора со сдвижной двери, в которое изначально попала ракета.



Скорее всего, её взрыватель из-за этого и не сработал, потому что встретил относительно мягкую поверхность.

- М-мда! В какой-то степени повезло мужикам! - пронеслось в голове. Ведь если бы она рванула внутри заполненного ящиками с боеприпасами вертолёта, там не то что от вертолёта ничего не осталось бы, но и досталось группе СПЕЦНАЗа, находящейся на площадке!

А уж как повезло лётчику-штурману!

Как потом оказалось, после посадки на площадку, Хомутов дал команду на начало выгрузки боеприпасов из вертолёта.

В это время по склону вниз, в сторону приземлившегося вертолёта, спускались, идя в полный рост, несколько бойцов.

Видя приближающихся бравых вояк, к молотящим воздух, острым как бритва, кромкам лопастей несущего винта, Вячеслав попросил выйти из кабины своего второго пилота Анатолия Иванова, так как бортовой техник, Олег Шаплов, был уже не на связи с командиром экипажа, руководя выгрузкой боеприпасов, и дать команду этим бестолочам присесть, или вообще обойти борт с другой стороны!

Толя проворно выскочил из кабины, протиснувшись между стоящими на входе плотно уставленными ящиками, и быстро оббежав вертолёт, стал руками показывая бойцам, что-бы они присели или обошли машину со стороны носа.

Как потом рассказывал Толя, через мгновение после того, как он покинул вертолёт, сзади раздался громкий хлопок. Оглянувшись назад и посмотрев на борт, глаза его полезли на лоб, а ноги стали ватными.

Пилотскую кабину заволокло белым дымом, а со стороны его рабочего места зияла огромная дыра! Его рабочее кресло вместе со сдвижным блистером вырвало напрочь!

На землю по трапу выскочил, с разорванным и окровавленным сзади комбинезоном, бортовой техник, с недоумением рассматривающий месиво из костей и мышц на своей руке, а затем, медленно поднявшийся обратно в грузовую кабину и нелепо осевший на дюралевый пол.

Из вертолёта выскакивали пассажиры, прилетевшие с промежуточной площадки и бойцы, выгружавшие боеприпасы.

После попадания ракеты в вертолёт и сильнейшего хлопка в кабине, Хомутов, не получивший ни единой царапины, только сильно оглушённый, рванул краны останова двигателей, и вертолёт, жалобно свистя умолкающими турбинами, осел на пологий склон.

Вокруг разгоралась трескотня боя. «Броня», яростно огрызаясь, лупила из всех стволов, куда-то вниз по склону, в сторону недалёкого сельского кладбища, откуда, как потом сказали, были произведены три пуска ракет, две из которых прошли чуть выше несущего винта, а третья всё же угодила прямо в борт вертолёта!

Мальчишки из СПЕЦНАЗа, потом рассказали, что захватили и уничтожили на этом кладбище расчёт из трёх пусковых установок противотанковых ракет «ФАГОТ» и трёх боевиков-наёмников, двух арабов и снайпершу-хохлушку, которая как раз и попала точно в цель!

Дорогие читатели! Я попросил своего бортового техника, своего друга Олега Шаплова, поделиться своими воспоминаниями о той войне, и решил, с его разрешения, включить их в свои «Записки..», без корректировки, всё как было, т.с. «от первого лица»! Считаю, что мы обязаны это сделать, а Вы должны это знать!

(Шаплов О.В.)

31 июля, в первой половине дня, мы вылетели на площадку в районе н. п. Ялхой-Мохк чтобы доставить боеприпасы и продовольствие. На промежуточной площадке, после загрузки буханок хлеба я, еще раз проверил, не навернется ли груз в небольшой проход в грузовой кабине, оставшийся после дозагрузки и на сидушку, дабы не завалить нескольких спецназовцев летевших с нами и вышел из вертолета.

В глаза бросилась сладкая парочка, майора с какой-то подругой, которые фотографировались на фоне моего трудяги.

Я в приметы не верю, но на этот раз стало как-то не по себе. Я попытался объяснить майору, что это плохая примета, тем более ему самому лететь, но дело было сделано и они радостные отошли в сторону. В душе остался неприятный осадок, и я, уже с испорченным настроением, стал ожидать командира с праваком, которые куда-то отошли на время погрузки.

Далее все пошло уже по другому сценарию, отличному от многих других вылетов и как знать, было это предчувствие или сработала дурная примета, и вообще как бы развивались события, если бы я вовремя заметил этих двоих.

Полет проходил обычно, но заход на площадку пришлось строить с невыгодного для нас направления, вмешался ветер. Заходили над зеленкой, со стороны, не контролируемой войсками, да еще и в контр склон. Пришлось раньше гасить скорость.

Мы тогда еще не знали, что во время захода на площадку по нам чехи произвели пуск ракеты. Не знали, потому что она прошла над конусом несущего винта, да и все были сосредоточены на посадке. Боевики стреляли с пусковой установки «ФАГОТ», с направления откуда-то из н. п. Ялхой-Мохк, который находился несколько выше посадочной площадки. Все пуски они фиксировали на камеру.

Мы сели на склон сопки и без выключения, начали разгрузку. Сверху кругами ходила пара «горбатых», наше прикрытие.

Сначала бойцы вынесли мешки с хлебом, затем начали разгружать ящики с фугасами.

Руководя выгрузкой, стараясь как можно быстрее ее закончить и, забрав «заменщиков», убраться с опасной площадки, я помогал подтаскивать ящики к

проему двери, кричал бойцам, чтобы они не складировали их непосредственно возле трапа и, вообще шевелили своими задницами пошустрее.

Неожиданно, в дверном проеме кабины экипажа я, увидел взволнованное лицо правака, Толи Иванова, который энергично жестикулируя, что-то кричал, его крик заглушал шум работающих двигателей. Подойдя к нему и глянув вперед, мне все стало ясно.

Сверху, по пологому склону, спускались радостные «заменщики», по всей видимости, мыслями они уже были в Ханкале и, потеряв всякую осторожность и осмотрительность, спускались прямо под молотившие лопасти несущего винта. Уклон здорово уменьшил расстояние между вращающимся конусом несущего винта и землей.

Десантники были уже очень близко, еще несколько секунд и лопасти начнут рубить их головы.

Я, а за мной и Толик, выскочили из вертолета, жестикулируя и крича, бросились им на встречу.

К счастью нас вовремя заметили. Толик остался стоять на границе ометаемой лопастями поверхности земли, обращая внимание приближающихся на опасную близость конуса к земле. Я вернулся к вертолету, попутно «пропистонив» авианавидчика этой площадки, который находился рядом и, непонятно что делал в этот момент.

Поднявшись на борт я, через мгновение, услышал громкий хлопок, звук которого был подобен быстро обрушавшемуся зданию, и сразу в голове пронеслось:- Это по нам!

После хлопка появился звон в ушах и, дальнейшие события развивались с ощущением, что время замедлилось, и восприятие окружающегося стало происходить по кадрам.

Никогда у меня голове, в одно мгновение, не проносилось столько информации, всевозможных сцен и команд. Трудно было представить и понять, что с момента попадания в вертолет и до того, как к нему подбежали десантники, прошло несколько секунд.

Первая мысль:

- Сработала граната из подствольника одного из спецов (с АК-74 их было двое)! Нет! Там все в порядке!

Взгляд скользнул по салону, в сторону хвостовой балки, на противоположный от входа борт, на нем кровь, на бойца, который находился за мной, и тут его фраза с нотками извинения:

- Все в тебя! Я стоял за тобой! - заставила меня взглянуть на свои руки, ноги и все остальное.

Вертолет в мгновение опустел.

Я смотрел на руки, затем ниже. На руке срезаны кончики двух палацев (безымянного и большого), сквозь порванный рукав виден перелом локтевой

кости. Вырван клок моего нового комбеза, в области правого бедра, а вместе с ним, и мягкие ткани, видна кость!

И на что обратил внимание - все это при полном отсутствии крови на местах ран.

- Почему я? – пронеслось в голове, - Такой п….ц, а борт не разгружен!

Затем в голове возник четкий алгоритм действий.

Взгляд в кабину. Там опять кровь, на переднем остеклении и, взволнованное лицо командира:

- Как ты?

Страха нет, понимаю, скоро пойдет кровь, появится боль, дальше скорее провал сознания. Интересное состояние - ощущение отсутствия тела.

Спускаюсь по трапу вниз - не убранные ящики с боеприпасами. Их так и бросили в момент попадания.

Понимаю - я их не перелезу. Поднял взгляд, к вертаку бегут десантники.

Поднялся назад в вертолет. Появляется ощущение тела и его слабости.

Присел на откидное сидение, дискомфорт. Поднялся и чувствую, если не лягу, то вырублюсь. Лег в проходе у входа в кабину, и целой рукой, стал ощупывать части тела, ощущение которых ко мне еще окончательно не вернулось.

Подбежали десантники. В глаза сразу бросились их тельники. Начали оказывать помощь.

Говорю:

- Всадите мне промедола!

Индивидуально, у каждого при себе, было две ампулы обезболивающего укола.

А в голове мысль:

- Ведь должна появиться боль, шок же не резиновый!

Запомнилась фраза, как из кино:

- Крепись браток! Мы еще на твоей свадьбе погуляем!

От услышанного стало спокойней, хотя пронеслась где-то далеко мысль:

- Неужели так все плохо?

По всей видимости, стало сказываться действие обезболивающих уколов.

Меня положили на носилки и отнесли под дерево, на горушку, откуда совсем недавно спускались сами.

Красивое место!

Оттуда, как в тумане я, видел, как останавливается несущий винт вертолета, пикирующую пару вертушек прикрытия, на зеленку, в стороне.

Через какое-то время послышался, хорошо знакомый, звук заходящего на посадку вертолета *(2014г.).*

.....

Вечером, отпросившись пораньше у Чебыкина, мы помчались в 131-й госпиталь ханкалинской группировки, чтобы узнать состояние Олега.

Госпиталь находился на самой окраине служебного городка, практически примыкая к территории аэродрома. Разделяла его с ним лишь небольшая группировка авиации МВД, с поэтическим названием - «Лужок»!

Сам госпиталь был небольшим, и состоял из нескольких корпусов модульного типа, аналогичных тем, в которых жили и мы.

Основной корпус, хирургический, практически ничем не отличался от остальных, но возле него была постоянная толчея. Несколько дежуривших возле него «санитарных» автомобилей, если так можно было назвать пару, видавших виды, ГАЗ-66-тых, да снующие туда-сюда, бойцы-помогайки, которых можно было встретить при любом госпитале! Даже на войне!

На крыльце хирургического корпуса нас остановил один из таких бойцов, в стареньком, потрёпанном больничном халате:

-Вы куда? Сюда нельзя! – раскинув руки, преградил он нам вход.

-Боец! Ты чё! Мы ж летчики! - пытались мы «буром» проскочить внутрь.

Но он стоял, преисполненный важности своего положения, не опуская рук.

- Нельзя!

- Ладно! Сегодня привезли к вам нашего летчика! Мы хотели узнать его состояние, – уже смирились мы, понимая, что боец выполняет свои обязанности.

- Сейчас я позову дежурного доктора! Вы только не заходите! Пожалуйста! А то меня накажут! - успокоился мальчишка, опустив руки.

- Давай–давай! Бегом!

Боец, чуть приоткрыв дверь, быстро шмыгнул, внутрь, как мышонок, и так же быстро её закрыл.

Мы остались стоять у крыльца, нервно куря сигареты.

Через несколько минут дверь, жалобно скрипнув, отворилась, и на крыльцо вышел доктор, в больничном халате с пятнами крови, с безумно уставшими глазами.

- А, ребят! Это вы! - медленно проплыв мимо нас, направился он в стоящую рядом курилку, доставая из кармана пачку сигарет.

Мы, гуськом, проследовали за ним.

Доктор, устало сев на скамейку, долго чиркая спичкой о коробок, пытался прикурить. Кто-то поднёс зажженную зажигалку. Он, медленно затянувшись, кивнул головой.

-Ну-у! Не молчи! - произнёс кто-то сзади.

Врач, никак на это не отреагировав, продолжал сидеть, обессиленно свесив руки и выпуская дым.

- Доктор! Что с ним?

-А-аа? С кем? – медленно он поднял на нас глаза.

- Что с Шапловым? Доктор!

- С Шапловым?..... А это кто? Ах, да! Летчик! – продолжил он говорить куда-то в пол, - А что с ним? А с ним ничего! Сначала операция, он умер! Мы его откачали! А потом ещё несколько….

Доктор явно был где-то в «другом месте»!

- Доктор! Он живой? – начали уже впадать мы в истерику.

- Лётчик? ……. А что ему будет?…. Железо из него достали…. – продолжал он бубнить что-то себе под нос, - Сейчас лежит в реанимации! Отходит!

Сигарета, в три его затяжки, закончилась! Он медленно встал. И, посмотрев на нас уже осмысленным взглядом, кивнув головой в сторону хирургического корпуса, произнёс:

- Вон окно реанимации! Сейчас я его подкачу к нему! Он в сознании!

И, медленно встав, пошёл в сторону входа в отделение. А мы кинулись к пыльному и закопченному окну.

Через пару минут окно приоткрылось, и откуда-то из глубины, к нему, подъехала каталка.

Олежка лежал на ней с, чуть приподнятой головой, накрытый простынёй. Цвет его лица был, как и наволочка на подушке!

- Олеж! Ну! Ты как? - с дрожью в голосе произнес Юра Рубан.

-Мужики-и-и! - почти шёпотом, ответил Олег, - Да нормально! Как борт?

-Да целый, твой борт! Перегнали на аэродром! Подлатают, и вскоре будет летать!

- Мужики! Там, на створках, мои сапоги! Заберите их в модуль!

- Да какие, на хрен, сапоги! - мы не могли уже сдержать слез, отворачиваясь от окна!

В это время, на крыльцо, вышел высокий, красивый мужчина, в белом халате:

- Здравствуйте ребят! Подполковник Фидаров! Я его оперировал!

Затем, немного помолчав, добавил:

- Нужна его срочная эвакуация, на «большую землю»! Срочная! Мы сделали всё, что могли! Но-оо! Он слишком….. слишком тяжёлый!

- Понятно! Понятно! – закивали мы, одновременно головой, - Мы всё сделаем!

Медленно отходя от окна, мы на ватных ногах поплелись в сторону своих модулей, глядя себе под ноги, и ни с кем не разговаривая!

Шаплов О.В. Ханкала. Июль 1996г.

В этот же вечер, в аэропорту Северный Грозный, приземлился Ту-134-й Командующего Армейской Авиации, генерал-полковника Павлова.

Легендарный лётчик-«афганец», Герой Советского Союза, Виталий Егорович Павлов, был нашим - БАТЯНЕЙ!

На следующее утро, он собрал весь личный состав авиагруппировки, в нашем «классе предполётных указаний», и без всяких формальностей, по-отечески произнёс:

- Сынки! Ситуация очень тяжёлая! Мы, с 25 июня выводим войска из Чечни, в соответствии с Указом Президента России № 985! Но кое-кому это «не выгодно»! Обстановка, с каждым днём, будет накаляться! Скорее всего, чеченская оппозиция предпримет шаги к серьёзным действиям против этого. Есть агентурные и разведданные, что они планируют крупную перегруппировку своих сил. А вот где и когда, сведения неточные. Поэтому, прошу! Максимум спокойствия и слаженности! Дальневосточники нас никогда не подводили! Будет очень тяжело! Но надо терпеть! Мои «замы» будут постоянно здесь! Поэтому, любой вопрос, любая проблема – сразу давайте знать!

Руку поднял Алексей Храменков:

- Товарищ Командующий! У нас проблема! 31 июля был подбит вертолёт Ми-8. Тяжело был ранен бортовой техник! Он в очень тяжёлом состоянии! Врачи рекомендуют немедленную эвакуацию!

- Да! Я знаю! Как только врачи разрешает его транспортировку, мы отправим его в «Бурденко», я уже договорился! Если потребуется, можете взять мой самолёт! Так что держитесь! Сынки! Я с вами!

Но всё сложилось совсем иначе!

Генерал-майор Самарин Александр Николаевич, наш командующий дальневосточной авиагруппировкой армейской авиации, такой же «афганец», как Виталий Егорович, принял «другое решение»! Своё! «Личное!»

- Как это? Какие-то лётчики, минуя меня, у командующего просят «о чём-то»! Я сам знаю, куда и как отправлять свой личный состав! И он принял

«РЕШЕНИЕ»! (Я, не присутствовал при «принятии этого решения», но мне, об этом рассказали, через десять лет, офицеры из штаба группировки, присутствующие при этом!)

Когда «борт» Виталия Егоровича, на следующий день улетел из аэропорта Северный Грозный, была «поставлена срочная задача» - эвакуировать нашего бортового техника в военный госпиталь Ростова-на-Дону!

Но «оказии» уже не было! Если не считать «ростовский» Ан-12, «Чёрный тюльпан», который должен был вылететь через пару дней, из того же аэропорта.

Узнав «это решение» мы, сжав зубы «до скрипа», и кулаки «до хруста», «приняли» это решение, и стали его выполнять……по-офицерски! Честно!

3 августа, когда Юрий Николаевич Чебыкин ставил задачу экипажу Юры Рубан, перевезти Олега в аэропорт Северный Грозный, мы, собравшись у КП, заявили:

- Командир! Мы тоже полетим его провожать!

Юрий Николаевич, умничка-мужик, всё понимая, только ответил:

- Давайте ребятки! Давайте!

Олежку привезли из госпиталя, на ханкалинский аэродром, на нормальной «санитарке»!

-Студент! Ну, ты даже здесь отличился! Доставка с комфортом, так сказать! - пытались шутить мы, бережно вытаскивать носилки с белым, как мел, Шапловым, и аккуратно занося их в вертолёт.

Госпитальный врач, отведя в сторонку доктора нашей авиагруппировки, молодого старшего лейтенанта, вручая ему пакет с документами, о чём-то ему кричал в ухо и показывал пакет.

Экипаж Рубана уже приступил к запуску двигателей, и свист турбин заглушал своим звуком всё вокруг.

Старлей, с непонимающими, испуганными глазами, только тряс головой, прижав пакет к груди.

Врач госпиталя, что-то попытался ещё прокричать ему, а потом остановился на полуслове, посмотрев молодому доктору в глаза, махнув рукой, сел в «санитарку», и она, рванув с места, запылила в сторону выезда с аэродрома.

Все были в сборе. Борттехник, обежав вокруг вертолёта, быстро закончил по стремянке внутрь, убирая её и, закрывая сдвижную дверь, показал большой палец командиру экипажа.

Мы сидели рядом с носилками, придерживая их руками, надеясь так предотвратить передающуюся на них вибрацию и тряску. Но Олег лежал спокойно, глядя на нас усталыми глазами. Скорее всего, в госпитале, его подготовили к такой транспортировке, обколов обезболивающими!

Мы прекрасно понимали, как ему было сейчас тяжело!

Врачи госпиталя рассказали нам, как они, два дня назад, буквально по кусочкам, собирали разорванные ракетой мышцы ягодицы, ног, правой руки, да

ещё и достав огромный кусок трубы, оторванный от бокового турельной установки, застрявший в костях таза.

Через десять минут мы, уже заруливали на стоянку прилетающих экипажей аэропорта Северный Грозный, примыкающую к полувыгоревшим останкам аэровокзала и, на которой уже стоял «Черный тюльпан», самолет Ан-12, тёмно-серого цвета, который в той ситуации, своим мрачным видом, полностью соответствовал своему второму названию!

Выключив двигатели, мы так же аккуратно, вынесли носилки с Олегом из вертолета, и понесли их к самолёту. Но, уже подойдя к нему на пятьдесят метров, все, как по команде, зажали носы и закрыли глаза. Трупный запах, исходящий от самолёта, стоял невыносимый!

Мы, чуть замешкавшись, остановились, поставив носилки на бетон. Скорее всего, по этой причине, у мрачного борта никого не было, и нас никто не встречал.

Покрутив головой, мы заметили, на большом удалении от хвостового оперения, машущего нам рукой человека, в тёмно-синем комбинезоне, поняв, что это член экипажа, указывающий нам на продолжение загрузки. Да и, до назначенного времени вылета оставалось чуть меньше получаса.

Подняв носилки, мы нехотя пошли к самолёту, продолжая одной рукой закрывать нос и рот.

Подойдя к узкой и шаткой стремянке, приставленной к её борту, я быстро заскочил по ней внутрь и сразу присел на карточки, закрывая лицо. Глаза резало, рвотный рефлекс подкатил к горлу! Но немного придя в себя я, огляделся, и пришёл в ужас от увиденного!

Самолёт, практически полностью, был заложен нелепыми, серебристыми целлофановыми мешками с останками наших мальчишек, тускло поблескивающими в тёмном нутре грузовой кабины. Прямо напротив входа

сидела молодая русская девушка, лет двадцати пяти, прижимающая к груди голову маленькой девочки, сидящей рядом.

Холод сковал моё тело! В голове всё смешалось!

-Вы-то что здесь делаете? - только и смог я произнести, - Идите, подышите воздухом!

Но, девушка испуганно глядя на меня, ещё сильнее прижала ребёнка к себе, замотала головой:

- Нет! Нет! Я отсюда не уйду! Я хочу улететь!

- Да улетите вы! Идите, подышите воздухом! - настаивал я.

Но девушка, глядя на меня молящими глазами, только покачала головой, сильнее вцепившись свободной рукой в откидное сиденье.

Я, с грустью в глазах, покрутил головой и повернулся к выходу, готовясь принять носилки. От увиденной, ужасающей картины, слезы наворачивались уже сами собой. Даже не от невыносимого трупного запаха, заполнившего всё пространство внутри и вокруг самолёта!

Мужики, подняв носилки в самолёт, и увидев тоже самое, втянув шеи, отвернулись.

Кто-то тихо, почти шёпотом, сказал: - Давай сразу в гермокабину!

Мы аккуратно внесли, через узкий вход, носилки с Олегом в средний отсек самолёта, примыкающий к кабине экипажа, называемый гермокабиной, и в которой уже стояли двое носилок с ранеными.

Олега постарались разместить подальше от прохода, поставив носилки у правого борта кабины. Рядом с ним разместили носилки с тяжелораненым мальчишкой, с ног до головы, как мумия, замотанного в бинты, через которые проступала желтоватого цвета мокрота. Скорее всего, он был полностью обгоревшим. Целым, без бинтов, было только лицо. Смугловатая кожа и раскосые глаза, говорили о принадлежности его к азиатской расе, скорее всего, к корейской. На его красивом лице сейчас была маска ужасной боли. Боец даже не мычал. Его силы, наверное, уже были на исходе. Глаза, с капельками слёз в уголках, мученически были уставлены в потолок.

Пробравшись поближе к Олегу, я пристраивал на его носилках, со стороны работоспособной руки, пластиковую бутылку с минералкой, чтобы он имел возможность, хоть и за короткий полёт, утолить жажду. В кабине стояла неимоверная жара, смешанная со зловониями человеческих останков, и на его лбу уже выступили крупные капли пота.

Я уже не помню, кто именно, но кто-то закричал за моей спиной: - Эй! Эй! Стой–стой! Боец не уходи!

Когда я оглянулся, мне самому стало плохо!

Смуглое лицо мальчишки стало тёмно-зелёным, глаза его закатились за веки, оголив желтоватые белки с красными капиллярами, губы посинели.

Тут уже закричал я, повернувшись к нему, так как был ближе всех к его носилкам:

- Э-эй! Стоять! – я приподнял руки, ища место на его теле, за которое мог его потрясти, но так и не находил, за что, на этом израненном теле, можно было взяться. Мальчика умирал на глазах!

Рядом, в проходе в кабину, стоял наш доктор-старлей. Лицо его было белое, как стена в его медпункте!

Тут уже я заорал на него:

- Что ты стоишь? Ты что не видишь, что он сейчас умрёт! Сделай хоть что-нибудь!

Но старлей, трясущимися руками, только достал, из своей сумки с красным крестом, маленький пластмассовый шприц с промедолом, и продолжал стоять в проходе, бестолково тряся головой и смотря на умирающего бойца.

Я завыл от бессилия! А тут, ещё Шаплов, стал делать попытки приподняться на своих носилках и посмотреть, что происходит!

- Студент! А ты-то куда смотришь? Ну-ка отвернись! – продолжал я орать.

Ситуация стала выходить из-под контроля. Мотаясь между двух тяжелораненых я, не знал, что делать! Врач так и продолжал, как бестолковое полено, стоять в пароходе.

- Ссу-ка! Беги за врачами, в аэропорт! – заорал я на него, выхватив из его рук шприц с обезболивающим.

Докторишку «как ветром сдуло»!

Повернувшись к солдатику, я на мгновение замер.

Из-за спины крикнул Юра Рубан: - Ко-ооли!

Ещё секунду посомневавшись, я вогнал шприц в единственное целое и открытое место на его теле, в щеку, ближе к уху!

Глаза мальчишки закатились ещё больше и он, перестал дышать!

Теперь уже не зная, что делать, я просто стал, остервенело лупить ладонями по его щекам! Голова его моталась в такт моим ударам.

Сколько это продолжалось, я так и не понял, но при очередном взмахе моей руки, из его губ послышался слабый вдох, а затем выдох, голова мотнувшись, остановилась и глаза, медленно вернулись в нормальное положение. Цвет его лица, так же медленно, стал возвращаться в его «нормальный» цвет! Через мгновение боец мутным взглядом уже смотрел на меня.

- Ну ты что? Дорогой! Ну не уходи больше! Пожалуйста! – я почти молился, зависнув над ним, а из глаз, рекой, лились слезы.

Через какое-то время, в кабину протиснулись два местных врача в зелёной медицинской униформе и приступили к реанимации раненого.

Ну а мой мозг, отказываясь понимать происходящее, отключил меня от страшной действительности!

Из «небытия» я вернулся только в Ханкале, в столовой.

Сидя на стуле и отрешенно опустив голову, я смотрел в стол. На коленях лежал автомат. В груди была такая жуткая тяжесть, что никого не хотелось слушать, а тем более уж ни с кем говорить.

Не знаю, сколько я так сидел, только почувствовав, что рядом со мной кто-то стоит, с безразличием, поднял глаза.

Рядом стояла официантка, с тарелкой супа и, глядя на меня, плакала навзрыд.

Комок подкатил к горлу. Я медленно встал и, таща по земле автомат, держа его за ремень, шаркая ногами, направился к выходу.

Позади ревела официантка, обессилено опустившись на мой стул и закрыв лицо передником.

На выходе стояли экипажи Ми-24х, нервно куря цигарки, отворачивая от меня взгляды и опуская вниз головы.

А я, не обращая ни на кого внимания и ничего уже не замечая, поплёлся в сторону служебного городка. Летать не хотелось. Да и командиры, понимая настроение, таких как я, в воздух уже не пускали!

Подходя к городку, и проходя мимо кунга, в котором жили наши связисты-дальневосточники, мой друг Серёга Скворцов и Валерий Иванович Кубрин, я остановился, а затем ноги сами повернули в их сторону.

Зайдя в маленькую, душную комнатку Серёгиного жилища я, тяжело опустился на стул и, уже не контролируя свои эмоции…..разревелся!

-Доктор! Ссу-у....! Ну теперь только попадись мне на глаза! - начал я впадать в истерику!

-Тихо! Тихо! Дорогой! Спокойно! Это война! – сев рядом и обняв меня за плечо, попытался меня успокоить Скворцов.

Обхватив голову двумя руками я, сидел и выл!

Открыв дверь, в кунг заглянул Валерий Иванович.

Серега, приставив указательный палец к губам, тихонько прикрыл дверь, затем молча достал бутылку водки и стакан, налив его полным, поставил передо мной.

Выпив его залпом, и ничего уже не понимая, я отключился.

ВОЙНА В ГОРАХ

В начале августа руководство группировки приняло решение провести упреждающие удары по местам базирования, подготовки и отдыха оппозиционеров в горах, с целью максимального уничтожения их баз и схронов с оружием, пресечения поставки вооружения, боеприпасов и людских ресурсов из граничащих с Чечнёй Грузии и Дагестана.

4 августа мы с Андреем с утра слетали несколько раз в Курчалой, забросив туда 88 бойцов с оружием и боеприпасами. И ближе к обеду нарисовалась задача по срочному вылету на сорок первую площадку 506-го мотострелкового полка, с красивым названием «ПАРУС» и позывным «Искра-16». Туда необходимо было доставить дизель для подбитого, под Ведено, танка.

Полчаса мы всем аэродромным людом, через открытые грузовые створки, пытались впихнуть здоровенный и тяжёлый танковый дизель, стараясь как

можно аккуратнее, не повредив тоненький дюралевый пол грузовой кабины, продвинуть его ближе к центральным рискам, нанесённым на бортах кабины, обозначающих центр масс вертолёта.

Огромный «кусок железа» был настолько негабаритным, с кучей всяких трубок, шлангов, выступов и кронштейнов, что через десять минут наших «потуг» мы были уже все мокрые, с разодранными руками и локтями.

Площадка «ПАРУС» находилась от аэродрома относительно недалеко, расположившись на вершинке горы, возвышающейся над мятежным Ведено, поэтому топлива мы постарались взять поменьше, чтобы вертолёт был полегче и мощности движков хватило бы доставить эту махину на высокую площадку, да ещё и в условиях высоких температур.

Жарища стояла под сорок градусов! И всё равно, при заходе на посадку, не долетая до неё метров сто, машина стала оседать вниз, неприятно подвывая движками.

Впереди перед кабиной, буквально в двадцати метрах, неожиданно выплыла линия электропередач, скорость уже была минимальной, и траектория движения вертолета проходила аккурат через пятиметровые столбы с проводами.

Перед ней был глубокий овраг, в котором лежали останки сгоревшего Ми-24, которые как напоминание, что кто-то здесь уже не перетянул через эту ЛЭП, предупреждали об опасной площадке.

Я не стал дёргать машину, пытаясь перетянуть через ЛЭП, а просто чуть отвернул от посадочной глиссады в сторону.

Машина, покачиваясь с бока на бок, приближалась к земле.

- Борисыч! Тут есть дорога! Вот тут, прям за бугорком! И как раз в сторону площадки! - вскинул руку Андрюха.

Я ещё слегка довернул вертолёт в сторону дороги.

Ветер теперь оказался чуточку попутным, и борт начал с большей вертикальной скоростью приближаться к земле! Миллиметровыми движениями ручек управления, чтобы не потерять обороты несущего винта и скорости, слившись с машиной в одно единое целое, всеми своими клеточками ощущая малейшие её движения, я направил вертолёт на спасительную дорогу.

Натужно молотя лопастями машина, плавно коснулась узенькой дороги с неглубокими колеями от колёс техники, мгновенно накрывшись плотным «одеялом» серо-коричневой пыли и, подпрыгивая на неровностях, покатилась вверх по склону в сторону посадочной площадки.

Скорее всего, со стороны находящихся на площадке людей, это выглядело настолько необычно, что весь свободный армейский люд повыскакивал из своих палаток и укрытий, чтобы посмотреть как тяжёлая боевая машина, рассекая винтами воздух, раскачиваясь на ухабах и неровностях, въезжает снизу на вершинку горы, что до этого делали только КАМАЗы, танки и БТРы.

Прокатившись метров сто пятьдесят мы, плавненько остановились в середине площадки и, откинувшись на спинки кресел, перевели дух.

- Фух! Вот это прокатились! - вытер я пот со лба, рукавом мокрого комбеза.

- Ммда! А движочки-то уже «никакие»! И превышение площадки-то небольшое, а они уже не тянут! Пыль и песок сделали своё дело! - пробурчал борт.техник.

- Во-во! Всего-то каких-то 580 метров! Опять чуть не «убили»! - пробурчал Андрюха, включая секундомер часов на приборной доске, - Ну всё! Давайте выключаться! А то народ вон уже собрался под разгрузку. Нам ещё надо как-то вытащить эту «кучу железа», будь она неладна!

Но разгрузка вертолёта, на удивление, прошла очень быстро. Видать местный люд уже привык к таким работам по переноске «непереносимых» грузов, и уже через двадцать минут мы мчались в сторону своего аэродрома, попутно захватив с собой раненого молодого бойчишку-якута, с перевязанной головой и верхней частью тела.

Лёжа на носилках, он правой рукой прижимал к груди пакет с документами, а левой придерживал стоящий на полу вещмешок, прикрыв глаза и тихонько улыбаясь. Несмотря на ранения, скорее всего он был рад, что война для него уже закончилась!

Вечером, Юрий Николаевич Чебыкин, довёл до нас информацию, что на завтра ожидается какая-то серьёзная работа в горах, детали которой пока не известны и будут доведены завтра утром на предполётных указаниях.

Утром же, 5 августа весь аэродром уже кипел как муравейник!

На стоянку один за одним заезжали КАМАЗы, выгружая из кузовов группы СПЕЦНАЗА и их груз, распределяя их по стоящим на стоянке бортам.

Со стороны это выглядело чётко и слаженно. Как будто они уже заранее знали, куда и кого загружать!

Мы же топтались в нашем импровизированном «классе предполётных указаний», куря одну сигарету за другой, крутя головой и, с недоумением, посматривая на всю эту суматоху!

Руководство авиагруппировки, совместно с командованием десантуры, «морщили лбы» на КП, зависнув над картами, водя по ним пальцами и живо что-то обсуждая.

На завтрак я так и не пошёл. С утра желудок сжался в комочек, под ложечкой что-то подсасывало. Мысли в мозгу летали в беспорядочных направлениях, а «пятая точка» настойчиво подсказывала, что назревает какая-то заварушка, от чего пропал аппетит и настроение.

Через полчаса тяжкого ожидания, наконец-то вышел с КП Чебыкин с напряжённым выражением лица, внимательно осматривая нас, и что-то решая в своих думках.

- Так лётчики! Рассаживаемся! Слушай боевой приказ! Сегодня, всем составом группировки, выполняем боевую задачу по высадке тактического воздушного десанта в горный район за населёнными пунктами Сельментаузен и Махкеты, в район высоты 2214 «Барзиарлам» и 2806 «Кашкерлам». Группа из шести Ми-8 с десантом и грузом прикрывается четырьмя парами Ми-24. Дистанция между «восьмёрками» 200—300 метров, между парами прикрытия 100—200. В районе высадки, «восьмёрки» работают по своим координатам, указанным старшими групп десанта, две пары «двадцатьчетвёрок», слева-справа и ниже площадок, ещё две пары перед перевалом и за ним, выше площадок, прикрывают высадку. Ведущий группы подполковник Храменков, у него в составе экипажа майор Штинов, остальные по боевому расчёту. Готовность к вылету через один час. Приступаем к подготовке!

Я переглянулся с Чебыкиным, глядя на него с недоумением!

Стоящий впереди Лёша Храменков оглянувшись, подмигнул, показав большой палец.

Лётчики, спешно собирая свою амуницию, направились к своим машинам.

- Стас! Давай вместе слетаем! У меня нет правка! А так, и твой экипаж поработает, и соблюдём, т.с. порядок. Ведь должен же всем этим кто-то руководить! — похлопал меня по плечу подошедший Алексей, — Да ты не обижайся! Это не из-за тех твоих прошлых кульбитов! Мне же тоже надо полетать, а то уже засиделся на этом КП!

- Ну полетели! Чё мне обижаться-то? — только пожал я плечами, закидывая свой АКСу за спину и направляясь к вертолёту.

Следом, опустив голову, плёлся Андрюха, тоже явно не радуясь такому ходу событий.

Ровно в указанное время армада винтокрылых машин, заполнив тяжёлым рокотом всё пространство вокруг Ханкалы, уносила ввысь воздушный десант, набирая высоту в сторону покрытых сизой дымкой высоченных гор, выступающих на горизонте.

Как и в прошлый, раз группа «восьмёрок» сходу набрала высоту в пару тысяч метров, пробив на полутора тысячах тоненький, но плотный слой облачности, оставив далеко позади своё прикрытие, с натугой набирающее высоту и догоняющее основную группу.

Через десяток минут внизу, в разрывах облаков, проплыли Махкеты.

Высоченные горы уже полностью заняли всё остекление кабины, из белёсых «выкрасившись» в сочные зеленые цвета, красиво возвышающиеся над облаками.

Высокая и ровная, как футбольное поле, гора Кашкерлам, высотой почти три тысячи метров, возвышалась над облаками. На её поверхности практически не было высокой растительности и деревьев. То тут, то там паслись отары овец и небольшие табунчики лошадей.

Все шесть Ми-8-х одновременно и спокойно выполнили заход на обозначенные спецназом места.

Мы с Алексеем выбрали удобное и ровное место ближе к крутому склону Кашкерлам, уходящему почти отвесно вниз, на окраине которого стояла небольшая и старенькая кошара.

Спокойно приземлившись в высокую траву, мы сразу дали команду на начало высадки. Спецура быстро и привычно стала покидать борт и выгружать груз.

Высадка длилась от силы минут пять. Бойцы со знанием дела вытаскивали и распределяли на земле, у входной двери, свой смертоносный груз и поклажу.

Через короткое мгновение старший группы, руководивший выгрузкой, приложил руку к виску, отдавая честь, и выбросил её вперёд по курсу взлёта.

Помахав в ответ в открытые блистера, мы оторвали значительно полегчавшую машину и, опустив нос, заскользили по круто уходящему вниз склону, энергично разгоняя скорость.

Все остальные вертолёты группы, также быстро разгрузившись и самостоятельно произведя взлёт, пристраивались к нам в хвост, занимая место в боевом порядке.

Двадцатьчетвёрки, как хищные мурены, носились чуть ниже, внимательно всматриваясь в близкие скалы, прикрывая наш отход.

В наушниках прострекотала короткая фраза крайнего ведомого: — Группа в сборе!

Алексей, повернувшись и выглянув в выпуклый блистер, осмотрел пристроившиеся вертолёты.

- Группа! Принял! Следуем на точку, курсом триста десять, пока на двух тысячах! Снижаться будем по моей команде!

- Принял...принял...принял.... - поочерёдно доложили командиры вертолётов.

- Прикрытие! Приняли! Пристраиваемся слева-справа! - дожил ведущий двадцатьчетвёрок.

Но тут в наушниках, пробиваясь через сильный треск помех, послышался взволнованный голос: — Воздух-воздух! Площадке!

- На приёме! - напрягся Алексей.

- Я «площадка»! Вы не могли бы зайти на эвакуацию сюда к нам, на первую площадку, ближе к кошаре? У нас «трёхсотый»!

Мы откинулись на спинки кресел и с недоумением посмотрели друг на друга! Ведь было-ж все спокойно! Откуда «трёхсотый»?

- Поо-нял «площадка»! Сейчас зайду к вам! - со вздохом ответил Храменков, разворачивая вертолёт, — Группе продолжать полёт на точку. Ведущий группы — 659-й! Мы догоним!

- 659-й принял! Мы чуть подгасим, догоняйте!

Отлетев от площадки всего-то километров на пять, мы сходу опять заходили на то же место.

Двадцатьчетвёрки прикрытия, почуяв неладное, развернувшись веером стали облизывать склоны в поисках боевиков, но на земле было тихо! Никаких признаков боя!

Мы сами, ничего не понимая, крутя головами на все триста шестьдесят градусов и, не наблюдая «войнушки», с осторожностью, на всякий случай, снижались на место высадки у кошары.

Из высокой травы, колышущейся в разные стороны, как волны в океане, торчали только несколько голов в повязках цвета «хаки», собравшихся в одном месте.

Обычно спецназ всегда встречал нас распределившись вокруг места посадки и прикрывая нас от обстрела, каждый в своих секторах, а тут один из бойцов, махая руками, призывал нас приземлиться поближе к их группе!

И тут мы, подлетев уже почти к площадке, увидели лежащего в густой траве человека, и почему-то в гражданском одеянии!

Опять мы с Лёхой, с недоумением переглянулись! Вокруг всё также было тихо, никакой стрельбы!

- Откуда же «трёхсотый», да ещё гражданский?

Всё стало ясно через пару минут, когда к нам на борт в плащ-накидке занесли немолодого мужичка, скорее даже молодого дедка, прикрывшего глаза и скорчившегося от боли. Одежда у его левого плеча наливалась кровью.

Загрузив на борт раненого, два бойца выскочили из вертолёта и отбежав на несколько метров махнули рукой, давая нам понять, что можно взлетать.

Мы одновременно оглянулись в грузовую кабину. На борту осталось два спецназовца и раненый.

Молоденький лейтенант, с красным и мокрым лицом, быстро замахал руками и поднял вверх большой палец, тоже давая нам понять, что можно взлетать.

Энергично произведя взлёт и развернувшись в сторону точки, мы стали нагонять улетевшую уже, на приличное расстояние, группу вертолётов. Прикрытие также быстро заняло свои места по обе стороны от нас.

Через пару минут в кабину заглянул лейтенант, прокричав нам:

- Мужики! Есть бинты?

Я кивнул головой и быстро полез к своему автомату, стоящему на полу у кресла, выдёргивая из складного приклада, герметичную упаковку с бинтом и резиновым жгутом для остановки кровотечения.

Лейтенант покрутил в руках переданную мной мед.укладку и, после некоторой паузы, протянул обратно резиновый жгут:

- Не-е! Надо только бинты!

- Так что там произошло? - прокричал Алексей, повернувшись к спецназовцу.

- Даа, бл...., этот молодой, - кивнул в грузовую кабину лейтенант, указывая на молодого бойчишку, - Увидел, как из кошары выскочил этот мужичок и бросился бежать! В руках у него был посох, он и подумал, что это ружьё, ну и давай ему кричать! А тот, или не слышал, или с перепугу, на ходу развернулся и, по инерции, держа обеими руками посох, направил в его сторону..... Ну-у он и влепил! Хорошо не очередь, а одиночный! Расстояние метров тридцать! Пуля прошла навылет, кости кажись, не задеты! - погрозил кулаком бойцу лейтенант, — Вот и повезём сейчас этого, - кивнул он на чеченца, - в больничку! А этого....., сделав небольшую паузу, с горечью посмотрев на опустившего низко голову солдатика, - в отряд! Пусть там оправдывается! Понятно, что случайность! Но надо это дело как-то побыстрее уладить! Тут обоих жалко!

Отворачиваясь, мы закивали головами, понимая всю трагичность и, в какой то степени, нелепость произошедшего.

Жаль было конечно, обоих! И этого чеченца, в тихую, размеренную и спокойную жизнь которого, в считанные секунды, влетела ВОЙНА!

И этого мальчишку! Который прилетел сюда.....«заточенный» на выполнение боевой задачи!

Умение убивать людей дано не каждому, но на войне у человека выбора просто нет! Либо убиваешь ты, либо убьют тебя.

С этими тяжелыми мыслями мы, доставили простого чеченского пастуха в ханкалинский госпиталь, которого там, в короткие сроки подлатали и отпустили домой. И бойчишку, в расположение своей части, которого, скорее всего, пожурили да помордовали, за неумение бороться со страхом войны, которому это стало оо-огромным опытом.

А уж как сложилась дальнейшая их судьба, осталось ведомо только Господу!

ВОЙНА в Чечне — только начиналась!

6 АВГУСТА 1996 ГОДА. ГРОЗНЫЙ. ВОЙНА

Яркое солнце, ни единого облачка на небе! Разведчик погоды вернулся с площадок пустым!

Странно! Обычно он кого-нибудь, но привозил. Заменщиков, отслуживших свой срок, больных, самострелов, «трёхсотых» и иногда, «двухсотых». Сегодня же — никого!

Сначала никто даже и не придал этому значения. Утро начиналось как обычно, в привычном уже режиме. Но буквально через пару часов, эта «мирная идиллия» перевернулась «с ног на голову»!

Экипажам раздали задачи. Все, не спеша, разошлись по бортам. Аэродром просыпался нарастающим гулом раскручиваемых турбин и несущих винтов.

Первая группа из одной «восьмёрочки» и пары прикрытия Ми-24 размеренно прорулила на «исполнительный».

Ми-8-й капитана Пошванюка, молодого командира экипажа из магдагачинского полка, плавно оторвав колёса и опустив нос, понёсся на предельно-малой высоте выполнять «нарезанную» боевую задачу. На борту у него была группа СПЕЦНАЗа, которую нужно было высадить в указанном ими районе. Следом, хищно опустив свои, ощетинившиеся «тридцатимиллиметровыми» пушками носы, раскинув изящно крылья-пилоны заскользила пара «двадцатьчетвёрок».

Нам с Андрюхой поставили аналогичную задачу по высадке такой же группы СПЕЦНАЗа, где-то в районе Гудермеса. Через три минуты мы тоже уже неслись на десятиметровой высоте на восток, в Гудермес.

Плавно обойдя стороной опасный и непредсказуемый Аргун мы, заурчали лопастями в сторону второго по значению города мятежной республики.

Десять минут полёта прошли спокойно и размеренно. Мы уже начали готовиться к поиску подходящей площадки для высадки группы, как в наушниках послышалась команда РП Ханкалы:

- 711-й! Ваше место?

- 711! Вышел в район работы, приступаю к поиску!

- 711-й! Вам переход на частоту 129,5! Связь с «Корсаром» *(Центром боевого управления группировки войск)*.

- Ну, на связь, так на связь! - подумал я, показывая бортовому технику цифры рабочей частоты КП, записанные на наколенном планшете.

Бортач, проворно пощёлкав переключателями наборного устройства радиостанции, показал большой палец.

В наушниках затрещали обрывки резких команд и восклицаний:

- Отходи, отходи....! Горишь! Сзади....сзади лупят!

Мы с Андрюхой переглянулись.

- Не поняли! Эт что за суета? И с кем? - пронеслось в голове, - На этой частоте обычно работали наши коллеги-вертолётчики авиации МВД.

В наушниках заскрипела мощная радиостанция командного пункта:

- 711-й! На приёме? Ваше место?

- 711! В районе Гудермеса на ПМВ, приступаю к работе!

- 711-й! Я «Корсар»! Вам возврат на точку, набор 2000 метров!

Мы с удивлением посмотрели друг на друга.

Но команда поступила однозначная и мы, заложив глубокий крен, стали разворачивать вертолёт на запад, переводя его в набор высоты.

В кабину заглянул командир группы СПЕЦНАЗа, и уставился на меня с немым вопросом. Я лишь скрестил руки и крикнул ему:

- Поступила команда - выход на «точку» с набором высоты! Что-то там произошло!

Он недоуменно посмотрел на меня, и после небольшой паузы скрылся в грузовой кабине.

У них были свои средства связи и, наверное, он сейчас пытался связаться со своим командованием.

Мы же задрав нос, забираясь всё выше и выше, полетели в сторону Ханкалы.

Через пару минут скрипучий голос офицера командного пункта опять запросил:

- 711-й! Ваше место? Сколько человек на борту?

- 711! Группа девять человек. Пять минут до точки. Занял две тысячи!

- 711-й! Вам выход в район Черноречья - Грозного! Сбили два борта МВД! Необходим поиск и поддержка!

- Ахренеть! - пронеслось в голове.

А в это время, в наушниках, разгоралась настоящая трагедия!

- Стой....стой! Куда? Назад! Да-аа бля....! Уходи! Горишь!

От представленной на миг картины, происходящей там, кожа покрылась мурашками, в ногах возникла лёгкая слабость!

- Да что ж там происходит?

В проёме появилось взволнованное лицо командира спецназёров:

- Нам тоже «отбой»! На точку! А что там произошло? - с удивлением смотрел он на меня.

Я пожал плечами:

- Да хрен его знает! Но что-то о-очень серьёзное! Сбили два «МВД-шных» борта! Мы идём в их район!

Командир группы кивнул и скрылся в кабине.

Андрюха, поколдовав над картой, дал курс следования в указанный район.

Под брюхом медленно проплыл аэродром Ханкалы, с кипящим там «муравейником». Впереди раскинулся дымящий Грозный или вернее, его останки, больше напоминающие горы выработки золотодобывающей драги, где-нибудь на сибирской речке.

Выйдя в район горушки в Черноречeнском районе Грозного, мы доложили:

- «Корсар»! Я 711-й над районом поиска, две тысячи!

- 711-го принял! Сохраняйте две тысячи! Снижение пока запрещаю!

- Понял! - с недоумением ответил я, - Снижение по вашей команде!

И тут же в шлемофоне послышался взволнованный голос Пошванюка:

- 711-й! Я под тобой, на «полторы тысячи»! Внизу горят три машины! Снижаюсь! Захожу на помощь!

Андрюха, висящий наполовину в открытом блистере, замахал руками и выкрикнул:

- Борисыч! Они под нами! На поле горят три борта! Огонь как от «сварки»! Там бой идёт!

Он быстро выхватил из сумочки от штурманского снаряжения фотоаппарат и, опять высунувшись по пояс, начал снимать происходящее на земле.

Резкий, раздирающий хлопок, как рвущийся металл, грохнул впереди остекления кабины, превратившись в сизо-жёлтый шар с разлетающимися в стороны красными искрами.

Андрюха нырнул в кабину, с круглыми глазами прижавшись к спинке кресла и прижав фотоаппарат к груди:

- Бля.....! Это что было?

Но, в эту же секунду впереди, слева и справа начали резкими хлопками надуваться огненные шары, а вертолёт подкидывать как на ухабах, ну точь-в-точь как в старых фильмах про войну!

Бортач, вжавшись во входную дверь, прикрылся руками, наивно думая закрыться от разлетающихся красных искр, несущихся из этих шаров. Грохот за кабиной стоял неописуемый!

- Борисыч! - закричал Андрюха, - Это ж зенитки!

Я непроизвольно потянул ручку управления на себя и борт, резко задрав нос, потянул вверх. Затем, заложив большой крен мы, начали отворачивать в сторону, выполняя противозенитный манёвр. Хотя делать это было уже поздно!

Шапки разрывов зенитных снарядов возникали то тут, то там. Мы находились в эпицентре огневого воздействия! Но борт послушно выполнял все манёвры и, пока ещё ни один снаряд, выпущенный с земли, не достиг своей цели!

В шлемофонах послышался сдавленный и взволнованный голос Пошванюка:

- В меня попали! Отказала основная гидросистема! Я ухожу на точку!

Мы посмотрели вниз.

На высоте метров семисот, под нами, энергично отворачивая в сторону аэродрома Ханкала, находящегося в двух-трёх километрах, оставляя за собой еле заметный белый шлейф, резко снижался раненый Ми-8-й.

- Я «Корсар»! Всем бортам! Снижение запрещаю! - послышалась команда КП.

Мы узнали голос генерала Самарина.

Пошванюк только добавил:

- «Корсар»! Меня подбили! Иду на точку!

- 711-й! Я «Корсар»! Наблюдаете подбитый борт?

- Наблюдаю! Пока тянет в сторону аэродрома. Я сохраняю две тысячи. По нам тоже работают!

- 711-й! Следите за снижающимся бортом! Отойдите в сторону! Снижение запрещаю! Поднимаем «двадцатьчетвёрки», наведёте их на район боя.

- Понял 711-ть! Сохраняю две тысячи, отхожу в сторону, - а в голове только пронеслось, - Да кто ж туда полезет, под зенитный огонь? Вон один уже «подвиг» совершил! Бля.....!

С Ханкалы, как шмели, в сторону Черноречья уже неслись группы Ми-24-х. Они и сами видели «месиловку», кипевшую на земле, где горели три Ми-8-х авиации МВД.

Да для нас и не было никакой разницы, кому принадлежали борта. Гибли наши коллеги, вертолётчики. И им требовалась срочная помощь!

И тут резко, как лезвие ножа, сознание пронзила мысль:

- Так у них на базе «Лужка» и было-то всего четыре борта! А теперь три из них догорают внизу. И что произошло с экипажами - не понятно! Так ведь там может быть «Старый»! - перед глазами возникло лицо моего учителя, моего Олега Позднякова, и с которым мы недавно так случайно встретились.

Внутри всё похолодело!

Борта, яркой «сваркой» горели внизу. Полосы трассеров скрещивались над местом падения вертолётов. Пришедшие в район бедствия пары «двадцатьчетвёрок», встав «в карусель», лупили вокруг места падения из всех средств, не давая даже головы поднять находящимся внизу, ни врагу, ни нашим.

Мы же, со щемящим чувством под лодыжкой, кружили над местом падения на большой высоте, наблюдая за всем происходящим на земле, не имея никакой возможности помочь нашим ребятам!

Минут через десять боя, поступила команда:

- 711-й! Я «Корсар»! Вам снижение на точку, заход на посадку. В район боя не снижаться!

- Понял 711-й! На точку! - с тоской глядя в сторону района бедствия, я отвернул вертолёт в направлении Ханкалы, и стал снижать вертолёт.

На борту находилась группа СПЕЦНАЗа, за которую я нёс ответственность, и такими «силами» мы вряд ли могли помочь на земле.

Выполняя заход на полосу, мы увидели стоявший с большим креном, съехавший одним колесом шасси с бетонных плит ВПП, борт Пошванюка, возле которого уже скопилась куча народа.

- Ну, слава Богу! Дотянул!

Произведя посадку, мы быстро зарулили и выключившись, бросились на КП.

На аэродром уже заходили на посадку, для выполнения зарядки первые пары «двадцатьчетвёрок», а на полосу, с повышенной скоростью торопилась очередная пара «горбатых», заряженных «по-максимуму».

Примчавшись на КП, я сразу спросил:

- Есть информация по «мвдэшным» экипажам? Фамилии?

Оперативный дежурный КП майор Завгорулько, прижав плечом телефонную трубку к уху, замотал головой и развёл руками.

У меня защемило в груди.

- Петрович! Я полчаса не нужен? - с мольбой уставился я на него, - Я сгоняю на «Лужок», узнаю фамилии? Там мой друг летает!

Завгорулько, что-то крича в трубку, отвернулся от меня и махнул рукой. Я не стал переспрашивать у него, было ли это разрешением, а только на ходу крикнув Андрюхе, что я «туда-обратно», рванул в сторону площадки базирования авиации МВД.

Идя быстрым шагом, почти бегом, я мчался в сторону расположения войск МВД, но при каждой мысли о Позднякове ноги становились ватными. Канонада боя и грохотание наносящих удары вертолётов - всё говорило о том, что ничего хорошего мне на «Лужке» не скажут.

Вход в расположение группировки преградил боец с автоматом. За его спиной кипел целый муравейник. БТРы, чадя выхлопами соляры, неслись к выезду из расположения площадки. На их броню, на ходу закидывали ящики с боеприпасами и бронежилеты. Бойцы и офицеры сновали туда-сюда. Во всём ощущалась произошедшая трагедия!

- Три вертолёта сразу! Три вертолёта! - тяжёлые мысли крутились в голове, - Три экипажа, да ещё неизвестно, сколько было пассажиров! Тем более

МВДшные экипажи всегда летали с бортовыми стрелками, а это уже как минимум 12 - 15 человек!

Сердце сжалось!

Боец, с болью в глазах, смотрел на меня, видя, что я тоже лётчик.

- Вам куда?

- На КП! Там мои мальчишки! - кивнул я головой в сторону Черноречья, - Я только что оттуда! Может, что полезное подскажу!

Хотя, что я мог им подсказать? Что с высоты двух тысяч метров видел три догорающих кучи пепла, что боевики выставили такой огневой заслон из зенитных орудий, что нам самим чуть не досталось, что один наш экипаж бросился им на помощь, не смотря на категорический запрет, и тут же был подбит зениткой. Но главной моей целью всё-же было узнать судьбу моего командира!

Боец отодвинулся в сторону, освобождая проход, и рукой указал на вагончик, стоящий в углу площадки, у которого происходила наибольшая толчея.

Я подошел к открытой двери командного пункта, через которую, то туда, то сюда бегали военные в камуфляже и «разгрузках». Видя их занятость и беглые, недоуменные взгляды на меня, я стоял у входа и не решался войти на КП, в котором сейчас всё бурлило похлеще, чем на нашем.

Скорее всего, на меня обратил внимание один из офицеров, несколько раз пробегавший мимо меня. В очередной раз он резко остановился и, глядя в глаза, спросил:

- Ты кого-то ищешь? Браток! Не до тебя сейчас!

В ответ я только лишь выдавил:

- Я только что оттуда, - кивком головы указав в сторону Черноречья, - Поздняков там? - с мольбой я уставился прямо в глаза офицера, ожидая услышать страшное известие.

Но он лишь махнул рукой и, разворачиваясь, на ходу выпалил:

- А-аа! Да где-то только что бегал здесь!

Мои ноги подкосились. Я медленно осел вдоль стенки командного пункта на приставленную к ней самодельную скамейку, сделанную из ящиков НУРСов. Вокруг продолжалась толчея, но я уже ничего не слышал, глаза мои стали мокрыми, тяжёлый комок подкатил к горлу. Я откинул голову назад, прислонив её к стене и закрыв глаза, глубоко вдохнул: - Жи-иивв!

Дальнейшие события этого дня проходили уже как в страшном сне!

Я не стал дальше искать Позднякова, понимая, что у них творилось в группировке, и через некоторое время вернулся на аэродром, на котором уже вовсю начиналась ВОЙНА!

Задачи нашей авиагруппировке нарезали уже не только по оказанию помощи сбитым экипажам, которых, в конце концов, удалось вытащить только ближе к вечеру, прикрывая их бронёй БТРов, выводя из боя. В тот день авиация

МВД потеряла двух членов экипажа, лётчика-штурмана и бортового техника одного из вертолётов, остальным повезло вернуться живыми.

Уже к обеду нам довели приказы, в которых говорилось, что город Грозный был захвачен большой группировкой чеченской оппозиции и начинались полномасштабные боевые действия!

УЛЬТИМАТУМ

К боям в Грозном мы были практически не готовы. В город стекалось около ста дорог, из которых под нашим контролем было чуть больше тридцати, на которых были установлены блокпосты. В самом же Грозном находилась небольшая группировка внутренних войск и МВД, разбросанных по всему городу. Основная часть федеральных сил, около десяти тысяч военнослужащих, были сконцентрированы на аэродроме Ханкала и в аэропорту Северный Грозный.

6 августа, в день начала штурма, подразделения министерства обороны почти никак не реагировали на ситуацию в городе. Да и как такового штурма-то и не было! Боевики не штурмовали город, а просто вошли в него.

Накапливание сил в пригородах города началось еще задолго до августа, часть боевиков проникли в город под видом мирных жителей, совершенно беспрепятственно.

Как и при штурме Грозного в марте 1996 года, о готовящемся нападении на него в августе, знали почти все.

Спустя много лет, когда на поверхность стала выходить вся правда о тех страшных событиях, мы узнали, что ещё 5 августа в населенном пункте Ханкала состоялось совещание руководства сепаратистов, на котором сообщалось, что федеральные силы не будут мешать боевикам проникать в город. Уже захватив Грозный, боевики называли цену такого «невмешательства войск» - 2 миллиарда рублей, хотя эта цифра ими явно была завышена, но ясно было одно, кто-то из нашего «рукамиводящего» состава продался «с потрошками» этим наёмным убийцам, и цена, даже в указанные миллиарды, никак не могла покрыть тысячи жизней их подчинённых, наших мальчишек, которых их мамки им доверили, сложивших головы на чужой сторонушке, ранее считавшейся нашей государственной территорией!

Да и к тому же, о готовящемся нападении боевиков на Грозный сообщали все разведслужбы - МО, ФСБ, МВД. Но вместо подготовки к отпору, командование практически эту информацию проигнорировало. Ну и то, что в этот день наиболее боеспособные части МВД, включая чеченский ОМОН, были выведены из Грозного, нам было вообще не понятно. Почти одновременно начался штурм города боевиками.

Ранним утром шестого, в 5.00, чеченские отряды начали входить в Грозный, чувствуя себя в нём «как сыр в масле», грамотно используя недостатки в расположении блокпостов, и перемещаться по неконтролируемым нашими

войсками маршрутам. При этом боевики не ставили своей целью захват всех объектов, занятых подразделениями федералов.

Наши генералы считали, что «коллеги» из МВД, справятся с ситуацией самостоятельно, и не спешили идти на помощь. Только более чем через сутки мы поняли, что произошла катастрофа и на помощь принявшим бой были отправлены наши бронеколонны. Однако время было упущено, и чеченские отряды смогли организовать засады на пути движения наших колонн.

Бои во всех районах города и его пригородах разгорелись жесточайшие. Наши войска несли огромные потери, как в людях, так и в технике.

К вечеру 9 августа, численность сепаратистов, по их собственным данным, составила около трех с половиной тысяч. Общее руководство операцией «Джихад» осуществлял начальник штаба сепаратистов Аслан Масхадов.

Одновременно с нападением на Грозный, отряды боевиков напали на Аргун и Гудермес. И если в Аргуне нашим подразделениям удалось удержать только здание комендатуры, то Гудермес оказался в руках сепаратистов вообще без боя.

Только 11 августа одна колонна из состава 205-й бригады — из Ханкалы, потеряв до половины техники, сумела прорваться к осажденным в центр Грозного и к комплексу правительственных зданий. Появилась возможность эвакуировать раненых, журналистов и тела погибших.

Утром, 6 августа, в воздух было поднято всё, что летало! Над аэродромом и городом был сплошной пирог из вертолётов всех ведомств. Наши Ми-24, практически беспрерывно «висели» над Грозным, нанося бомбоштурмовые удары по командам авианаводчиков с земли. Атаки начинались практически над ВПП Ханкалы, с постепенным переносом ударов вглубь города. Грохот, как на земле, так и в воздухе стоял неимоверный! Пары Ми-24 «стояли» над горящим городом только в им понятной, «карусели», нанося точечные авиаудары по наземным целям.

С большой эффективностью применялись управляемые ракеты вертолетного противотанкового комплекса 9М113 «Штурм-В».

Операторы «двадцатьчетвёрок» умудрялись вгонять мощные ракеты даже в небольшие проёмы окон на указанных с земли этажах пятиэтажных зданий!

Особенно это было важно, когда наши подразделения находились в каком-нибудь здании на разных этажах, второй и четвёртый были заняты нашими подразделениями, а третий был в руках боевиков, и не было никакой возможности их оттуда выкурить, не понеся потери. Точность таких ударов спасла многие жизни!

Был даже эпизод, когда один лётчик-оператор Ми-24, произвёл пуск управляемой ракеты по движущемуся, на большой скорости, «жигулёнку» с развевающимся из форточки флагом боевиков, лавирующему между колонны мирных беженцев, и дождавшись, когда автомобиль окажется на безопасном расстоянии от людей, филигранно всадил её прямо в форточку легковушки, не оставив боевикам никаких шансов на уход от возмездия!

Один раз была предпринята попытка нанести бомбовый удар с предельно-малых высот вертолетами Ми-8 но, первая же пара, под управлением Лёши Храменкова, наткнулась на жесточайший обстрел с земли и, получив серьёзные повреждения, еле дотянула до аэродрома.

В это же время командующий объединенной группировкой генерал Пуликовский приказал ввести в город штурмовые отряды.

Он был настроен крайне решительно, намереваясь уничтожить в котле все силы боевиков, в то же время, предъявив окруженным ультиматум: сдаться в течение 48 часов, в противном случае по городу будет нанесен мощный удар с использованием всей тяжелой артиллерии и авиации. Гражданскому населению был предоставлен коридор для выхода из города через Старую Сунжу, где был, развёрнут госпиталь «Красного креста».

Но боевики оказали активное сопротивление, да ещё и всячески препятствуя выходу мирного населения из Грозного, преследуя цель как можно больше уничтожить своих же, сограждан.

Положение окруженных в Грозном федеральных сил было очень тяжелым, наши потери росли. Лишь только к 13 августа положение начало выправляться, войска разблокировали большинство окруженных объектов. Авантюра Масхадова была близка к провалу. Сепаратисты понесли серьезные потери, оказавшись в окружении, у них кончались боеприпасы, и не было надежды на подкрепление. Вокруг Грозного развернулась группировка из подразделений 58 армии. Однако приказа на окончательную ликвидацию боевиков мы так и не получили.

Еще до истечения срока ультиматума в Чечню прибыл секретарь совета безопасности России А.И. Лебедь, наделенный полномочиями представителя президента РФ в Чеченской республике. Вместе с ним приехал не безызвестный ворюга и интриган Борис Березовский.

Лебедь сразу же отменил приказ Пуликовского, заявил, что российская армия деморализована и не способна воевать, и настоял на продолжении переговоров с боевиками.

Чечены, избегшие окончательного разгрома, считали это настоящим чудом и хлопали в ладоши! Мы же, в очередной раз, скрипя зубами, не понимая, что происходит, вынуждены были отступить, не имея возможности отомстить за гибель тысяч молоденьких мальчишек, ставших жертвами вот таких иуд-политиканов!

Тринадцатого августа, моему экипажу и экипажу Сергея Жеребцова была поставлена задача по доставке генерала Пуликовского и группы офицеров в Новые Атаги на переговоры с Асланом Масхадовым.

Во второй половине дня эта группа, в сопровождении с боевым охранением, прибыла на аэродром, которую встречал командир полка, Юрий Николаевич Чебыкин.

Мы уже были в полной готовности к встрече высокого начальства, выстроившись у своих бортов.

Подойдя к вертолету, Чебыкин представил меня командующему объединенной группировки федеральных сил:

- Командир звена майор Штинов, товарищ генерал!

Пуликовский окинул меня укоризным взглядом и повернулся к командиру полка.

- Мне нужен лётчик, а не звеньевой с фермы!

Я быстро оглядел себя. Мой видон и на самом деле был удручающий! Потрёпанный, запылённый комбинезон, самосшитая кепка на голове, платок цвета хаки, затянутый на шее колечком от чеки сигнальной ракеты, а на ногах китайские кеды-шанхайки с белой подошвой. Ну, точно – звеньевой со зверофермы!

Командующий покачал головой и, проходя мимо меня к вертолёту, только пробурчал:

- Ну, полетели, раз ты летчик!

Мы заскочили следом в кабину и приступили к запуску.

Невдалеке стоял Чебыкин, незаметно показывая мне кулак и качая головой.

Я отвернулся, делая вид, что не замечаю его «убедительного» жеста, и через пять минут мы вылетели в направлении Старых Атагов.

Недалёко от селения была небольшая площадка, на перекрёстке дорог Старые Атаги - Гойты, на которую мы произвели посадку и выключились. На дороге уже ожидали несколько крутых автомобилей, один даже, как мне показалось, был из класса лимузинов.

Вокруг же, даже невооружённым взглядом было видно, что в радиусе метров трёхсот от площадки было оборудовано большое количество позиций боевиков со снайперскими лежанками и пулемётными расчётами.

Под ложечкой опять засосало! Мы были у них как на ладони. И даже наше боевое охранение, из нескольких групп спецназа, не удержало такую ораву!

Перекрестия прицелов практически физически ощущались на груди и лбу!

Чувство сильного беспокойства, практически страха, поднималось откуда-то снизу, из-под желудка.

Лишь только наш боевой генерал, Константин Борисович Пуликовский, был спокоен, ну или как нам тогда казалось, был абсолютно ко всему безразличен.

В те минуты очень тяжело было смотреть на этого, настоящего БОЕВОГО генерала, безумно уставшего от многодневного недосыпа, облечённого огромнейшим грузом ответственности за принятие исторического решения, да и ещё идущего на переговоры с человеком, виновном в убийстве его сына! Но это, его видимое спокойствие, придавало такие внутренние резервы, что и нам становилось спокойнее.

Вечерело, солнце клонилось к закату. Мы находились у своих боевых машин в беспокойном ожидании, окруженные большим количеством, вооруженных до зубов, боевиков, под прицелом их смертоносного оружия.

По спине прокатывался неприятный холодок, и от этого становилось как-то зябко, хоть и на улице стояла тридцатиградусная жара. Время опять растянулось как резиновый эспандер.

Хуже всего было стоять вот так, на грани жизни и смерти, понимая, что ничего не успеешь сделать, ведь не было никакой гарантии, что чечены не откроют огонь и не уничтожат оба вертолета с экипажами и, небольшой группой охранения, а затем и командующего группировкой.

Это была, какая-то игра в «ва-банк».

Но всё прошло спокойно и, через некоторое время, к площадке подпылила колонна тех же автомобилей, из которой вышел генерал Пуликовский и мы, так же спокойно вернулись на авиабазу.

Через некоторое время мы узнали, что на состоявшихся переговорах они договорились «не открывать огонь без необходимости, беспрепятственно пропускать колонны с медикаментами и сохранять неприкосновенность коридоров для выхода мирных жителей из зоны боевых действий», а также передать друг другу тела погибших и раненых. Но как не старался

командующий Пуликовский, некоторые командиры отрядов в Грозном отказались выполнять это соглашение, и бои продолжились с новой силой!

И тогда ему ничего не оставалось сделать, как объявить незаконным вооруженным формированиям ультиматум, сказав:

- «Мы не намерены дальше мириться с наглыми и варварскими действиями бандформирований, продолжающими сбивать наши вертолеты, совершать дерзкие диверсии, блокировать российских военнослужащих. Из сложившейся сегодня ситуации я вижу выход только в силовом методе. Мне больше не о чем говорить с Масхадовым, который выдвигает неприемлемые для нас условия и считают Россию врагом Чечни», - впоследствии добавив уверенным в своей «защищенности», со стороны кремлёвских покровителей, командирам бандформирований, в наглую предлагавшим отвести наши войска и дать им возможность уйти из Грозного в горы, - «Не для того я вас окружал, чтобы выпускать. Или сдавайтесь, или будете уничтожены!» А в решимости Пуликовского бандиты не сомневались!

Но, вновь прибывший в Чечню секретарь Совета безопасности России А. Лебедь, со своим «компаньоном» Березовским, уже наделенный полномочиями представителя Президента РФ в ЧР, открестившись от ультиматума Пуликовского, якобы «он не имеет к этому никакого отношения», перечеркнул все результаты наших действий, принёсших нам неоправданные потери и, пошел с бандитами на переговоры, которые закончились подписанием 31 августа Хасавюртовских соглашений, которые мы расценили как……ПРЕДАТЕЛЬСТВО!

Мы отдали Чечню в руки бандитов и убийц, а затем и понаехавших в неё наёмников-ваххабитов со всей планеты. И чем это закончилось, дорогой читатель, ты уже знаешь!

Но это было потом, а пока, затянутые в тяжелейшие бои, мы теряли и теряли своих российских пацанов, повязанные по рукам и ногам этими «односторонними соглашениями»!

Спустя пять лет я вновь встретился с Константином Борисовичем, когда он был назначен полномочным представителем Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе.

Работая на хабаровском авиационном заводе летчиком-испытателем, я ещё успевал заниматься и общественной работой, возглавляя Хабаровскую краевую организацию ветеранов Афганистана, а затем Хабаровское краевое отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАСТВО».

На этом поприще мы и встретились с Константином Борисовичем, который оказывал огромную поддержку нашим ветеранским организациям.

По его инициативе мы стали ежегодно 11 декабря, проводить «День памяти погибших в вооруженном конфликте в Чеченской республике».

Несмотря на прошедшие годы, Константин Борисович меня узнал, когда мы организовали первый «День памяти» 11 декабря 2000 года. Наша встреча получилась несколько забавной.

Уже когда мы закончили официальные памятные мероприятия и сидели на поминальном ужине в ресторане, Пуликовский долго присматривался ко мне, а затем произнёс с улыбкой:

- А не тот ли ты «Карлсон со зверосовхоза», наведший бардак в авиационной группировке в Ханкале?

- Тот самый, командир! Тот самый!

Мы тепло тогда побеседовали с ним, вспомнив те тяжелейшие события.

Впоследствии, Константин Борисович сформировал при полномочном представительстве в ДФО комитет по координации деятельности с ветеранскими организациями на Дальнем Востоке, назначив меня заместителем его руководителя, но это уже другая история.

МАССОВИК-ЗАТЕЙНИК и МАЛИНОВЫЕ ПИДЖАКИ.

8 и 9 августа погода в Чечне вконец испортилась. Над аэродромом нависли тяжёлые свинцовые тучи.

С одной стороны мы вздохнули с облегчением, что работы будет поменьше, без того выматывающего темпа, который установился после начала боевых действий в Грозном. С другой, мы понимали, что без нашей помощи войскам будет очень тяжко!

В ней нуждались все. И подразделения, блокированные в местах своей дислокации в Грозном, находящиеся в полном окружении уже несколько суток, без еды, воды, а главное - боеприпасов, и имеющих в своём составе до 70 - 80% убитыми и тяжелоранеными.

В нашей помощи нуждались и те, кто шёл на помощь блокированным, порой продвигаясь по несколько сотен метров в сутки и неся потери ещё больше, чем те, к кому они торопились, отчётливо понимая безвыходность ситуации!

В помощи с воздуха нуждались и те, кого мы незадолго до захвата Грозного перебазировали в горы, для проведения непонятных блокирующих операций.

После всего произошедшего, в такой последовательности действий руководства Объединённой группировки, усматривался какой-то злой умысел.

Ну, невозможно было просмотреть просачивание в город боевиков, численностью более трёх тысяч человек.

И в Грозном, и в его округе круглосуточно работали профессиональные развед.подразделения МВД, как Чеченской республики, так и со всей России, ОМОН, СОБР. В их поддержку работали подразделения Спецназа и войсковой разведки. К этому можно было приплюсовать агентурную сеть. Трудно поверить, что невозможно было увидеть передвижения техники боевиков с боеприпасами и, пусть небольших, но групп боевиков. И уж тем более вывоз ими родственников полевых командиров со всем скарбом.

Захват Грозного боевиками для нашего руководства оказался полной неожиданностью! И если город они захватили с боями, то Аргун и Гудермес взяли практически без боя.

И как мы не надеялись хоть на кратковременный отдых, война нам такой возможности не дала!

С утра, 8 августа, практически весь аэродром опустел.

Мы с Андрюхой носились между Ханкалой и близь лежащими группировками войск, загружаясь в Шали и Старых Атагах личным составом в полной амуниции, и перебрасывая их в Ханкалу и аэропорт "Северный Грозный".

После очередной заправки на аэродроме, мы загрузили своих, уже ставших родными «Аксайцев». Задача стояла по их переброске в аэропорт «Северный Грозный», для зашиты его от подступивших практически вплотную к аэропорту бандформирований. Бои на подступах к нему разгорались нешуточные!

Уж не знаю, как среди Спецназа оказался тот майоришка, но мы почему-то посчитали, что он из их подразделения. Хотя выглядел он ну совсем не как спецназёр.

Он больше походил, на какого-нибудь начальника батальонного солдатского клуба, массовика-затейника. Маленького росточка с кривыми ногами, с ярко сверкающей лысиной на голове, и переброшенной через неё прядью жиденьких волос, круглым оплывшим лицом с глазками-бусинками и уж совсем по-детски надутыми губками.

Только вот сейчас эти бусинки-глазки были практически на выкате, всё лицо покрылось обильными каплями пота, а короткими толстенькими ручками он прижимал к себе огромный, в половину его роста, старый коричневый чемодан, образца шестидесятых годов, и по весу он был явно тяжелее его самого.

Знакомый командир группы Спецназа, заскочив в грузовую кабину, окинув его брезгливым взглядом, скорее всего, подумал, что он из «наших», и летит с нами попутно до аэропорта "Северный Грозный".

Вот так и получилось, что вероятнее всего, майоришка решил воспользоваться моментом и попутным бортом до аэропорта, где стояли транспортники Ан-12 на Ростов, а мы подумали друг на друга, что он из какого-

то нашего подразделения. Да и в той суматохе, которая сейчас творилась на аэродроме, трудно было разобраться кто-откуда и кому-куда.

«Горе-попутчик», скорее всего думал, что мы летим в аэропорт как обычно, с заруливанием и выключением. И то что там сейчас идёт бой, на подступах к его ограждению, с пытающимися прорваться на взлётку боевиками он, наверное даже не догадывался.

Группа «аксайцев», в полном БОЕВОМ «прикиде», загружалась на борт.

Глухой тяжёлый удар раздался из ГК (грузовой кабины - *прим.авт.*).

Мы с Андрюхой, как по команде, развернулись и посмотрели в ГК.

Практически на грузовых створках, шевелился огромный чемодан майора, а под ним семенили его кривые ножки, пытаясь найти опору, а посредине ГК стояли два здоровенных спецназовца, опуская руки после броска.

Мы сразу поняли в чем дело и, откинувшись на спинки кресел, заржали!

Поначалу майоришка, по-хозяйски, пристроился на удобную откидную лавку, сразу напротив входа, всё также не выпуская из рук огромный чемодан, думая – «кто первый занял, того и место!»

Но ситуация была не в его пользу! Он просто «линял» с войнушки, а мальчишки летели на «бойню»! И спецназовцы в доли секунды «распределили посадочные места».

Закончив погрузку и вырулив на полосу, мы опять взлетели в «неизвестность». На пяти метрах вышли на северную окраину Беркат-Юрта и полетели в сторону Петропавловской.

Конечно же, можно было полететь напрямую и, через пять минут уже быть в аэропорту, но лесной массив между Старой Сунжей и Петропавловской скорее всего кишел бандитами, и очередь из пулемёта или выстрел из РПГ можно было получить мгновенно. Поэтому мы решили не рисковать. Петляя по дороге на Петропавловскую, которая хорошо просматривалась, а затем по кромке леса вдоль реки Сунжа, перепрыгивая через остатки ЛЭП, и стараясь не приближаться к жилым постройкам, через восемь минут вышли в торец Северного-Грозного.

РП аэропорта на запросы не отвечал, да и понятно было почему. Он явно сейчас не сидел на своей «колокольне», простреливаемой со всех сторон.

То там, то тут вверх поднимались чёрные, жирные столбы дыма. Недавно отремонтированное здание аэропорта представляло жалкое зрелище.

Мы построили заход так, что бы произвести посадку в место примыкания рулежной дорожки к посадочной полосе, чтобы быстро высадить «аксайцев», и побыстрее убраться с полосы.

Практически сразу после касания колёс и остановки вертолёта спецназ, в привычном темпе, покинул вертолёт, перекатами и перебежками, занимая позиции вокруг борта. Командир группы, сидя на корточках в пяти метрах от кабины, жестами встречая подчинённых, распределял их по секторам.

Крайним, с неохотой, вывалился майор, сначала плюхнувшись лицом и грудью в пыльный грунт, но быстро подскочив, встал в полный рост и втянул шею.

Он беспорядочно крутил головой, ничего не понимая, где он оказался, продолжая крепко прижимать к груди свой чемодан.

Выгрузка закончилась, и нам необходимо было развернуться в обратную сторону и произвести взлёт в безопасный сектор.

Я жестом показал командиру спецназа, что разворачиваюсь и сходу «ухожу»!

В ответ он кивнул, сразу поняв мой замысел. Но майор, как пенёк, стоял в пяти метрах от вертолёта и никуда не убегал.

Командир спецназа понял, по моему гневному взгляду, что я этот «пенёк» сейчас снесу, при развороте, рулевым винтом, и в два прыжка оказался возле нашего «горе-пассажира». Дальнейшее его движение я даже не успел отследить.

Сначала я увидел летящие вперёд и вверх ноги, затем короткое округлое тело, вытянутые руки, в одной из которых была оторванная ручка, и уже следом огромный чемодан с открытой крышкой и вываливающимися из него бутылками коньяка и каких-то тряпок.

В голове мелькнула только одна мысль:

- Только бы не в несущий винт!

Но траектория его полёта прошла чуть положе, и он, кувыркнувшись через спину, юзом, на животе упылил за небольшой высохший куст.

Мы опять рассмеялись и, показав спецназёру большой палец, я развернул вертолёт и сходу, поставив его на носовое колесо, разогнал и произвёл взлёт.

Обратно, так же петляя и по тому же маршруту, мы вернулись в Ханкалу.

После короткой дозаправки и получения новой задачи, мы выполнили два рейса в аэропорт Беслана, для экстренной эвакуации тяжелораненых.

Рейсы оказались тоже не из лёгких. Скорее, тяжелее остальных в психологическом плане.

На аэродром, для погрузки, привезли наиболее тяжелораненых. И как мы не старались аккуратно заносить носилки в кабину, мальчишки, даже от небольшого толчка кричали так, что хотелось просто бросить все это и убежать куда подальше.

В аэропорту Беслана пришлось пережить ещё больший шок.

По командам руководителя полётами мы подрулили, к ожидающему нас на перроне Ан-12, готовившемуся к вылету на Ростов-на-Дону. Зарулив и встав у правого крыла «Тюльпана», чтобы удобней было перегружать раненых, мы выключили двигатели. Сквозь свист затихающих турбин, из грузовой кабины доносились душераздирающие стоны.

Я быстро выскочил из кабины, чтобы не слышать и не видеть всего этого, отошёл от вертолёта подальше.

С правовой стороны от нас, буквально в пятидесяти метрах, стоял белый и блестящий красавчик Ту-154, с приставленным к нему трапом. У трапа собралась небольшая группа пассажиров, готовящаяся к посадке в лайнер.

От трапа я находился в нескольких метрах. Позади меня продолжали раздаваться крики и стоны выгружаемых на бетон истерзанных мальчишек, а на меня и на них, прямо в упор, с нескрываемым интересом смотрели холёные и сытые лица мужиков в модных тогда, малиновых пиджаках, с толстенными золотыми цепями, свисающими до середины их раздутых животов. Они говорили что-то друг другу на осетинском языке и улыбались, сверкая золотыми коронками.

Стоя перед ними в грязном, выцветшем комбинезоне, в жилете-разгрузке, набитой боеприпасами и сигнальными ракетами, я каждой клеточкой своего организма ощущал сейчас такую моральную боль, что от всей этой картины впал в полное оцепенение.

Где-то, в двадцати-тридцати минутах полета отсюда, шла страшнейшая мясорубка, больше похожая на Ад, где каждая минута жизни приравнивалась к часу, где текли реки крови, как мирного населения, так и военных. А здесь стояла оглушающая тишина, красивый белый лайнер сверкал своими бортами, с надписью «Кавминводыавиа», и сытые, довольные мужички, посверкивая своими золотыми перстнями на опухших пальцах, с улыбками на лице рассматривающие нас, как пришельцев из другого мира.

Сжав до скрипа челюсти, и медленно развернувшись, я побрёл к металлическому забору-ограждению служебной зоны аэропорта.

Кровь с шумом пульсировала в висках, мысли, связавшись в один обжигающий клубок, парализовали разум.

Присев спиной к решётке забора и, запрокинув голову, я закрыл глаза. Мои моральные силы были практически на исходе.

Рядом присел Андрей, только тихо прошептав свою, ставшую любимой присказку:

- Да-а! «Кому война, а кому мать родна»!

После окончания перегрузки, запуска и взлёта, назад в Ханкалу мы возвращались молча, посадку производили уже ночью.

Работа на аэродроме продолжала кипеть. Над точкой, на высоте полторы-две тысячи метров, постоянно висел Ми-24, производя воздушную разведку и корректировку огня артиллерии. Его, после окончания топлива, сменял другой. И так до самого утра.

Мы же, полностью вымотанные, не раздеваясь, завалились на наши голые солдатские кровати и сразу же отключившись, впали в полный анабиоз.

За эти два дня мы с Андрюхой выполнили семь боевых вылетов, налетали 9 часов, перевезли 137 десантников в Северный-Грозный и 57 тяжелораненых в аэропорт Владикавказа Беслан, для последующей их эвакуации в Россию.

Погода же, к концу 9 августа испортилась вконец, и 10-11 августа мы всё же «отдохнули»!

«ВЕСЁЛЫЕ» КОНТРАКТНИЧКИ

Но, следующий день 12 августа, хотя погода нас, как всегда не баловала, выдался «жарким».

Рвань из низких облаков перетекала на запад, между сунженским и скалистыми хребтами Чечни. Вся наша авиация висела слоёным пирогом над Ханкалой и Грозным. Двадцатьчетвёрки наносили удары по кварталам Грозного, прикрывая проход колонны 205-й бригады, эвакуирующей разблокированных в комплексе правительственных зданий рук.состав федералов, журналистов, раненых, и тела погибших. «Восьмёрочки» обеспечивали транспортные и эвакуационные задачи.

Артиллерия, размещённая в разных уголках нашей авиабазы, работала по Грозному, практически через нашу глиссаду. И, при взлёте и посадке, надо было ещё как-то уворачиваться от выстрелов «ГРАДов» и «Мста».

Мы с Андреем, как всегда, «челночили» между госпитальной площадкой и Владикавказом, вывозя наиболее тяжёлых раненых, и уже к полдню, выполнив пять боевых вылетов, мы перевезли сорок три тяжелораненых солдата и офицера.

К семнадцати часам бои в Грозном и в небе над ним, чуть снизили свою интенсивность. Появились возможность немного передохнуть. Но не тут-то было, расслабиться нам так и не дали. Окрик из открытого окна командного пункта не оставил нам никаких шансов побатониться, в тёплой и уютной палатке, защищающей нас от промозглой, дождливой погоды, накрывшей всю Чечню.

- Экипаж Штинова! На вылет! Площадка «Курчалой», срочная эвакуация «трехсотого» и вывоз группы! Прикрытием экипаж Зотова. Зотов!.....Зо-оотов! Слышал?

- Да слышал, слышал! - из соседней палатки выползал, ладонью прикрывая от лучей света заходящего солнца сонные глаза, Олег Зотов.

Следом выходил его лётчик-оператор, закидывая за спину автомат и сумку с ЗШ, с укоризной посматривая на меня. Я в ответ только пожал плечами, раскинув руки. Самим хотелось отдохнуть.

Петрович Загорулько, высунувшись по пояс из открытого окна КП, замахал руками: - Давайте быренько, быренько! Стас! Пойдёте с одним бортом прикрытия, больше нет, все остальные там, - ткнул он указательным пальцем в небо.

Я, в ответ развёл руками: - Ну, с одним так с одним! Что, первый раз что ли?

Андрюха плёлся позади, состроив недовольную мину.

Практически вся магистральная рулёжная дорожка, используемая нами как места стоянок, была пустая. Одиноко скучал на своей стоянке только наш старичок-«колокольчик», трудяжка Ми-8Т, для которого с его «агитационным вооружением, в этой бойне не было работы, ну и наша «МТ-шка», которую срочно готовили к вылету. Из домика ИАС, тоже с недовольным лицом, выходил борттехник Серёжа Колесников, скорее всего уже строивший на вечер планы «с посиделками» со своей технической братвой, что-то бубня себе под нос и размахивая руками.

- Да ладно Серёг, туда-обратно! Тут лёту-то двадцать туда, двадцать обратно! – с улыбкой, подходя к вертолету, успокоил я, закрывающего капоты двигательных отсеков, бортового техника.

Колесников, что-то бурча под нос, спускался вниз, через потолочный люк в кабину: - Туда-обратно! Знаю я вас! Вам только полетать! - вытирая тряпкой грязные руки, - Ладно! Поехали! Топлива две с половиной тонны думаю, хватит.

- Да хватит, «за глаза»! – ответил Андрюха, поднимаясь по трапику в грузовую кабину.

- Ну, вот и чудненько! Прикрытие вон, уже запускается! – кивнул я головой, в сторону братской эскадрильи, усаживаясь в своё кресло и размещая амуницию по своим привычным местам, - Поехали! «Раньше сядем, раньше выйдем»! – хохотнул я.

- Семьсот одиннадцатый! Выруливайте на полосу! – в наушниках послышался голос руководителя полетами Цыбаева, - Взлётный курс 261. Двести пятидесятый! Вам ждать на рулёжной дорожке, занятие полосы после взлёта семьсот одиннадцатого!

- Понял, двести пятидесятый! После взлёта «зелёного»! – поднимая облако из соломы и бумаг от, использованных упаковок различных боеприпасов, следом за нами выруливал Зотов.

Над нами, на высоте пятьсот-восемьсот метров в «карусели», барражировала ударная группировка нашей армейской авиации, нанося точечные удары, по командам авианаводчиков, по засевшим в развалинах Грозного боевикам. Солнце, в разрывах низких облаков, клонилось в сторону западного горизонта,

покрытого чёрным смрадом от дыма, горящего топливохранилища грозненского нефтеперерабатывающего завода.

- 711-й, готовы к взлёту! – коротко доложил я.

- 711-ть! Взлетайте, штиль! Двести пятидесятый, занимайте полосу!

Мы, без задержки, оторвали машину от полосы и, после короткого контрольного висения, перевели вертолёт в энергичный разгон скорости, низко опустив нос.

Борт, натужно молотя лопастями, быстро набирал скорость.

Яркие вспышки искрящихся точек, с большой скоростью и, хорошо слышимым жужжанием, пронеслись под носом кабины, став для нас полной неожиданностью. Мы ещё только производили взлёт, а по нам уже откуда-то начали «работать» с земли, чем-то очень крупнокалиберным.

Чувство самосохранения мгновенно включило все рецепторы организма и, через доли секунды, руки и ноги начали делать своё дело, закладывая вертолёт в глубокий вираж, уводя его с траектории обстрела.

Я потом долго вспоминал и, не мог понять, как в такие мгновения все наши органы начинали работать пораздельно!

Дыхание останавливалось, шеи втягивались, руки и ноги становились продолжением рычагов управления летательным аппаратом, глаза начинали видеть в секторе 360 градусов, а уши слышали каждый выстрел на удалении полукилометра, сквозь рёв турбореактивных двигателей. Время растягивалось настолько, что сетчатка глаза отчетливо видела не только трассирующие пули, но и три-пять простых пуль, летящих между ними. Но самое интересное это то, что мозг начинал в такие мгновения работать отдельно от сознания, чётко отдавая команды всем органам на управление не только твоим телом, а ещё и тем, чем ты управляешь!

И самое неприятное, а скорее страшное, в этой ситуации, в отличие от нашей дорогой и любимой пехоты, ведущей такие же бои на земле, было то, что у нас в такие мгновения, не было абсолютно ни-иикакой возможности спрятаться за лист железа, бруствер, угол здания, ствол дерева, да и просто врасти в спасительную землю, чтобы увернуться от летящих тебе в лоб кусков металла и свинца!

Вертолет, завалившись в правый крен, превысив на высоте трёх-пяти метров, все мыслимые и немыслимые ограничения по углам крена, тангажа и перегрузки, в считанные секунды ушёл с траектории обстрела.

- Семьсот одиннадцатый, по нам работают на взлёте, со стороны гарнизонного КПП! Чем-то тяжёлым!

- Я «Кишлак», принял! Проверьте работу всех систем, выполняйте заход на посадку! – мгновенно ответил РП.

Мы быстро осмотрели приборы, затем каждый в блистеры, свои полусферы. Всё было нормально.

- 711-й, у нас норма, продолжаем взлёт! Выход на Комсомольское!

- Принял «Кишлак»! – уже более спокойно выдохнул Цыбаев, - Двести пятидесятый! Приняли информацию о «работе» со стороны КПП по семьсот одиннадцатому?

- Даже видел! – коротко доложил Зотов, убирая шасси и продолжая взлёт, - Сейчас глянем, кто, или что там!

- Двести пятидесятый, запрещаю! – громко прозвучали в наушниках, слова руководителя полетами Ханкалы, - Продолжайте взлёт и сопровождение семьсот одиннадцатого! Мы здесь сами разберёмся. Выполняйте задачу!

- Принял 711-й! – доложил я, оглядываясь назад и выискивая взлетающую «двадцатьчетвёрку».

- Принял 250-й! – недовольно пробурчал Зотов, - Следую за семьсот одиннадцатым!

Отдышавшись и придя в себя, чуть поднабрав высоты, мы продолжили полёт в направлении Октябрьского, за которым уже виднелся Курчалой. Здесь видимость во все стороны была намного лучше, чем в районе месиловки под Грозным.

Чтобы не рисковать, мы снизились и продолжили полет на предельно-малой высоте, держа мятежные Мескер-Юрт и Герменчук на достаточном удалении. Но, уже подходя к Курчалою, мы снова задрали нос, набирая высоту, чтобы зайти на площадку в расположении наших войск. Солнце, клонясь к закату, уже слабо освещало окружающую местность. Наступали сумерки.

Серовато-сизые шлейфы и яркие вспышки перед кабиной опять ввели нас в секундный ступор!

- Да-аа блин-нн! Что-ж такое? – рванул я ручку управления на себя и влево.

- Борисыч! По нам справа работают! – прижав руки к груди и вжавшись в своё кресло, прокричал Андрюха.

Сергей Колесников, привстав со своего рабочего места, посмотрел в проём сдвижного блистера лётчика-штурмана, а затем, открыв входную дверь в кабину, бегло осмотрел грузовой отсек. Подняв большой палец вверх, сел обратно на своё место.

- «Зелёный»! Наблюдаю работу по тебе справа, из-под лесочка, – в наушниках прозвучал спокойный донельзя, голос Олежки Зотова, - Давай, отваливай влево! Включаю вооружение, атакую!

Время опять растянулось резиновым жгутом. Мы выполнили его «рекомендации», начиная разворачиваться влево и ныряя на «предел»!

И в это же мгновение, в шлемофонах заскрипел взволнованный голос авианаводчика: - Стойте-стойте, мужики! Подождите! Не стреляйте!

Мы удивлённо переглянулись.

- Мужики! Не стреляйте! Это кажись наши контрактнички, «отмечают» своё убытие. По радио вышел на меня их лейтенант, сказал, что сейчас разберутся. В том месте их миномётная батарея. Видать лишка «намакнули»!

- Намакнули, блин! – нажал я кнопку выхода в эфир, - в Ханкале на взлёте, не понятно кто обстрелял. Здесь на посадке, теперь уже свои! Что за день-то такой? Ладно, давай свой ветерок! Заходим на площадку.

Пока мы выполняли посадку на площадку Курчалоя, Олег Зотов, на своей двадцатьчетверке, сделал пару заходов в то место, откуда по нам стреляли. Одним своим грозным видом и устрашающими манёврами, «приведя в чувство» находящихся там «веселящихся» контрактничков.

После посадки, авианаводчик попросил нас, выключится. Необходимо было подождать пока готовили в мед.части тяжелораненого к транспортировке нашим бортом и, как потом оказалось, отсортировать часть улетающих с нами контрактничков, которые на радостях перепились и открыли в пьяном угаре, как они объяснили – «в шутку», по нам стрельбу. Но «шутка» для них не удалась и, теперь им предлагалось «продлить» их командировку «на неопределённый срок» ребятами из «особого отдела».

Через полчаса мы вернулись в Ханкалу, записав в свой актив ещё один боевой, и очередной неординарный день, потрепавший нам нервишки.

САША ФЁДОРОВ

Этого, по своему красивого, рыженького мальчонку, я заприметил сразу.

Плановые полеты, отдельные вылеты, дежурства в поисково-спасательном экипаже, вся эта наша ежедневная рутинная работа проходила не без его участия. Простой солдатик, каких в нашем вертолётном полку было сотни.

Во всех частях, в тыловых и метеорологических, караульных, авто и радиотехнических подразделениях обеспечения, везде были наши дорогие «помогайки», как мы их тогда в шутку называли.

Были даже солдатики срочной службы, которые в составе экипажей тяжёлых вертолётов Ми-6, выполняли полеты в качестве бортовых радистов.

Наш Санька был самым простым водилой. А может даже и не простым!

Каждый раз, когда к нашему борту подъезжал огромный советский топливозаправщик МАЗ-5334, из его кабины, в несколько приёмов, спускался какой-то маленький человечек. Было такое, что когда Санька первый раз подрулил свою здоровенную, сипло урчащую громадину к моему вертолету я, за рулём никого не увидел. Щупленького, небольшого росточка, в замасленном техническом бушлате и в огромных, не по росту кирзачах, его и вправду сразу можно было и не заметить.

Когда мы, экипажем заступали в ПСС, я часто встречал его на нашем аэродромном КДП. Пищу нам привозили прямо на аэродром, в дежурные силы. Первыми кормили, как правило, экипаж, а уж затем все остальные обеспечивающие службы. Ну а водители оказывались, как всегда, в самом конце очереди. А там уж, «что осталось – то досталось»! И я Саньку, из-за его щупленького маленького росточка старался подкармливать лётной пайкой. Этот простой, неприметный пацан, чем-то меня притягивал и я, про себя, называл его

«Рыжиком». Хотя, встреть его на улице, его можно было бы просто и не заметить.

Но в нём всё-таки что-то было! Глядя на его лицо, у меня, с улыбкой, постоянно всплывали кадры любимого детского мультика из «Весёлых Каруселей», где маленький мальчёнка-солнышко пел песню: «Рыжий-рыжий! Конопатый!».

Таким был Санька!

Прошло уже много лет, а у меня каждый раз, когда из памяти выплывает его худенькое, светлое лицо, с острым носиком, с коротенькими, как иголки у ёжика, только рыженькими волосами, в глазах сразу появляются слёзы.

Я совсем не ожидал его увидеть на борту нашего двухпалубного Ил-76, который уносил нас в то жаркое лето девяносто шестого, в тягучую неизвестность, называемую – ВОЙНОЙ. Из общения с ним, я знал, что Санька был единственным ребёнком у своих родителей, и таких как он, в серьёзные командировки, связанные с ведением боевых действий, категорически не брали. Но он всё же, как-то оказался в нашей боевой группе.

В Ханкале, Саня всё так же, практически круглосуточно, сновал на своём ТЗ-500 между нашими вертолётами, участвуя в подготовке их к боевым вылетам.

В те тяжелейшие дни, особенно когда начались «жаркие» августовские бои в Грозном, я Саньку практически и не видел. Всё как-то слилось в одну тягучую, клокочущую массу из пыли, грязи, металла, людей, машин и вертолетов.

Пока он заправлял наши борта, мы получали боевые задачи на КП. И пока мы летали, у него была возможность, хоть чуть-чуть покемарить в своём ТЗ, с короткими моментами приёма пищи, если удавалось.

После начала вытеснения боевиков из Грозного, в начале августа, они предприняли активные действия по обстрелу нашей авиабазы со стороны Черноречья и автомобильной трассы Грозный-Аргун, которая пролегала в нескольких сотнях метров от нашего аэродрома и ханкалинской группировки войск. Особенно активизировались снайпера. И если днём они как-то побаивались приближаться к, хорошо охраняемому аэродрому, то в утреннее, вечернее время, и особенно ночью, они не упускали любой возможности отстрелить кого-нибудь из ненавистных авиаторов.

Выйти покурить из палатки, после наступления темноты, мы уже опасались. Даже те, немногочисленные обвалования, из ящиков от НУРСов, наполненных песком, безопасности не добавляли.

К двенадцатому августа они вконец, обнаглели. Ещё вчера, при вылете на площадку Курчалой, наш вертолёт обстреляли из крупнокалиберного пулемёта прямо на взлёте, практически из расположения нашей группировки!

Наступило 13 августа. В те тяжелейшие, слившиеся в одно число, даты, мы даже не придали значения этой цифре, на которую раньше обращали внимание только в простой, скучной и мирной обстановке.

Утренний, аэродромный «муравейник», начинал жить своей привычной боевой работой. Вылеты-прилёты бортов, туда-сюда снующие спецмашины, обеспечивающие подготовку вертолетов к очередным боевым вылетам. КАМАЗы, раскидывающие во все стороны липкую коричневую жижу, подвозящие к бортам боеприпасы, группы спецназовцев и различные грузы. Работа кипела так, что никто не обращал друг на друга внимания.

С утра мы уже сделали несколько боевых вылетов, перебрасывая подразделения ближе к Грозному. Напряжение, с каждым часом нарастало.

Из расположения соседней стоянки боевых Ми-24-х, пришло нерадостное известие, что кому-то из пилотов стало плохо от невыносимой нагрузки, и его, с серьёзным нервным срывом, срочно госпитализировали в 131-й ханкалинский госпиталь.

Ближе к обеду, пока нашу машину готовили к очередному вылету, у нас появилась возможность хоть что-нибудь перекусить. Времени на это у нас, было, минут пятьнадцать-двадцать. Быстрым шагом мы направились в сторону нашей аэродромной палатки-столовой, в надежде хоть что-нибудь проглотить.

Подходя к столовой, я сразу заметил какую-то нездоровую суету. Бойцы, поварихи и интенданты сновали туда-сюда с испуганными лицами.

- Что случилось? Чё за суета? – приостановился я, спросив пробегающего мимо прапора-нач.прода.

- Да-а это….Там..это, бойца убили! - заикаясь и не останавливаясь, промчался он в сторону высокого забора, ограждающего периметр тыловой зоны, и за которым находилась площадка нашего спецтранспорта, а дальше начиналось открытое пространство, через несколько сотен метров примыкающее к автодороге на Аргун.

- Как убили? Когда? Кого?

Я кинулся за забор, где уже собралась большая группа людей.

Кто-то кричал: - Да пригнитесь вы! Долбят не понятно откуда!

Но на это никто не обращал внимания. Несколько человек переносили в безопасную зону чьё-то бездыханное тело. Руки его болтались в такт широким шагам, кистями шаркая по мокрой земле, оставляя короткие чёрточки в липкой коричневой жиже. И как только все оказались за высоким металлическим забором, у меня появилась возможность протиснуться ближе к телу убитого бойца.

Увидев лежащего на земле Саньку с серым, замасленным лицом, я сначала даже и не поверил, что это может быть наш «Рыжик».

Я замотал головой, отступая назад, пятясь к забору: - Не! Не может быть! ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

За это короткое время, что мы находились в Чечне, я уже насмотрелся и наперевозился столько человеческого мяса, что меня сложно было вывести из себя. Но, сейчас передо мной лежал мой Санька!

В голове что-то щёлкнуло. Кровь, пульсируя в сосудах головы, заглушила все звуки. Я медленно развернулся и, ничего уже не соображая, побрёл в сторону стоянки своего вертолёта.

…….

Сашку незаметно, как и всех погибших на этой войне мальчишек, увезли в цинке домой, к его единственным мамке и папке, в небольшой железнодорожный посёлок Сковородино, Амурской области. А мы, не замечая всего этого ужаса, продолжили делать свою скорбную работу.

На его могилке я смог побывать только через девять лет.

Работая уже испытателем, на хабаровском авиационном заводе, в 2005 году я поехал в служебную командировку в Забайкалье, на такой же авиационный завод в Чите. Маршрут поездки проходил через Сковородино.

Заранее связавшись с Натальей Валентиновной и Анатолием Максимовичем Фёдоровыми, я испросил их разрешения на посещение места захоронения Саши. Проехать мимо «Рыжика» я тогда не мог! Сделав остановку на один день в Сковородино, я побывал на могилке нашего Саньки.

Ранним зимним утром, Анатолий Максимович встретил меня у вагона, с какой-то настороженностью. Пока мы шли к их дому, он внимательно всматривался в меня, изредка задавая поверхностные вопросы. Идя рядом с ним, всматриваясь в его суровое лицо и, изредка встречаясь с его взглядом я, всё пытался понять настроение и ход его мыслей. Он молчал, практически, до самого дома.

Дверь нам открыла невысокого роста, красивая женщина. Её усталые, полностью выплаканные глаза, смотрели на меня с мамкиной теплотой. Позади, стоял мужик, низко опустив плечи.

Стоя между двумя родителями, я опять на мгновение, вернулся в ту гнетущую обстановку, когда нужно было зайти ЖИВЫМ к родителям, не сохранённого, пускай и не по твоей вине, погибшего мальчонки. А ведь я знал, на что шёл! Много раз, проигрывая в своём сознании, как это будет происходить.

Глубоко вдохнув, я сделал шаг вперёд, переступив за порог. Наталья Валентиновна, опустив голову, жестом пригласила меня войти в квартиру, так же внимательно всматриваясь в меня.

Не спеша, раздевшись и, пройдя в уютно обставленный зал, я сел на указанное мне мамочкой кресло. Анатолий Максимович и Наталья Валентиновна, молча сев напротив, смотрели на меня.

Мои мысли, беспорядочно носились в голове, возвращаясь в девяностые годы, на красивый аэродром под Хабаровском, где базировался наш вертолётный полк, к тому времени уже побывавший жесточайших передрягах! И в те тяжелейшие два месяца девяносто шестого года, жестоких, во всех отношениях! Я смотрел себе под ноги, пытаясь увязать эти мысли с Санькой и, молчал. Затянувшаяся тишина тяготила.

Медленно подняв глаза, я посмотрел на безумно уставших и, не ко времени постаревших родителей, всё ещё собираясь сказать что-то пафосное и успокаивающее, но только выдохнул:

- Простите меня!

Я уже не помню, сколько мы так сидели и молчали, но первой, мягко опустив голову и, посмотрев на меня, с какой-то душевной теплотой, Наталья Валентиновна, тихо произнесла: - Пойдёмте пить чай!

Дальнейшие события отложились в моём сознании какими-то противоречивыми эпизодами. Зная, что я, приехал к Саньке на могилу, почему-то, очень не хотел переступать за кладбищенскую ограду. Стоя у могильного холмика, мне очень хотелось побыть одному, но позади меня, стояли ещё молодые, мамочка и отец, этого рыжеволосого мальчонки, который сейчас смотрел на меня с гранитного памятника.

А уж дорогу с кладбища домой, я совсем не помню. Сознание возвращалось урывками!

Затем поздняя ночь, кухонный стол и, смотрящие в упор глаза отца:

- Как погиб мой сын? – наливающий мне полную, стограммовую рюмку водки.

- Анатолий Максимович! Да кто-ж знает-то? Санька приехал на своём ТЗ к столовой…….

- Как погиб мой сын?

- Максимыч! Да откуда-ж я знаю? Грохот стоял неимоверный! Снайпера работали днём уже в открытую…….

- Как….погиб….мой….сын? – раз за разом, смотря мне прямо в глаза, повторял Анатолий Максимович.

Поезд отправлялся с ж/д.станции Сковородино рано утром. Прилечь поспать, из-за постоянных расспросов Анатолия Максимовича, я так и не смог.

Провожая меня на вокзал, Фёдоровы шли рядышком, молча.

Идя по засыпанной шлаком улице я, представлял, как по ней же, «Рыжик» шёл на вокзал, вот так же, провожаемый молчаливыми родителями, в неизвестность.

Втягивая морозный, чистый воздух, с витающими запахами печного отопления, исходящих от окружающих домов уютного городка, я не мог надышаться. Широко открыв рот, хотелось вдохнуть глубже, но воздуха, почему-то не хватало! Попытавшись сделать ещё один вдох я, остановился.

Сознание с трудом возвращалось в своё привычное русло. Я сидел на бетонном блоке, лежащем у обочины дороги, прижимая правой рукой левую сторону грудной клетки, жадно втягивая холодный, морозный воздух.

- Что-ж ты делаешь, Толя? Ну, зачем ты так? Он-то тут причём? – обняв меня, рядом сидела Наталья Валентиновна, - Станислав! Простите нас! Простите!

Немного отдохнув и, всё же дойдя до вокзала, мы с Анатолием Максимовичем так и не попрощались. Он беспокойно, не находя себе места, только подошел ко мне и, молча пожав руку, развернулся и вышел с вокзала.

Наталья Валентиновна, держа в руках мои ладони и, с теплотой глядя мне в глаза, только прошептала:

- Станислав! Не обижайтесь на него! Он до сих пор не может смириться со смертью сына!

- Да всё я понимаю! – опустил я глаза, - И вы нас простите, Наталья Валентиновна.

Через несколько лет, сердце отца всё же не выдержало, и он навсегда лёг рядом со своим сыном.

ТУМАН

14 августа. УТРО……..

Тягучий, липкий туман обволакивал, как казалось, всё тело.

Капельки тумана, превращаясь в тяжёлые капли воды, скатывались по щекам и шее под, и так уже мокрую одежду, от чего становилось ещё омерзительней!

Мы шли через расположение частей ханкалинской группировки на аэродром, чвакая, при каждом подъеме ноги, липкой, коричневато-серой жижей.

Уже в этой ситуации дойти до бетонных плит рулёжной дорожки аэродрома было спасением!

Но мы шли совсем с другими мыслями:

-Может сегодня-то вся эта мгла, влага, жижа продержится хотя бы до вечера, и даст нам возможность, даже в мокрой, грязной одежде, отдохнуть, расслабиться, выспаться…. и не думать об ужасах этой непонятной бойни!

ТИШИНА-а…..Такая же тягучая и липкая!

На войне она ещё страшнее и неприятней!

С одной стороны - «кайф»! Нет того грохота, пальбы, ухающих взрывов и надрывных, раздирающих воздух, стартов реактивных снарядов «ГРАДА».

А с другой - липкий страх, предчувствие чего-то непонятного, неопределённого, сидящего где-то «вот здесь, в овражке, или в той, совсем близкой «зелёнке»!

ТОСКА-а…..Прошло то всего пару недель нашего пребывания в Чечне! Но всё уже так достало!

Эта непонятная война. Эта чужая, неприветливая земля, с её гордым и жестоким народом. Эти бестолковые «руками водители»!

Вот с такими тяжелыми думами мы, сейчас почти что продирались через чвакающую «полосу препятствий» в сторону аэродрома, через мохнатый, серый туман.

Как в мультике про «Ежика и Лошадку», из тумана выплывали и, в нем же исчезали, огромные силуэты самоходных гаубиц «Мста» и, низкие, приземистые контуры танков, со снующими вокруг них экипажами.

Пустые гильзы от выстрелов «АСО-шек», просигнализировали о приближении спасительной, чистой бетонки! Лётно-подъёмный состав прибавил шагу.

Вскоре, еле угадывающаяся в этом липком месиве, тропа вывела нас на мокрый, серый бетон рулёжки.

- Ффу-у! - выдохнул армейский люд,- Добрались!

Пять минут все стояли, жадно втягивая ноздрями холодный туман. Затем, кто как, начали счищать с обуви, прилипшие к подошвам, серо-коричневые «лепёшки». Кто-то неистово тряс ногой, пытаясь скинуть прилипшую жижу. Кто-то, обессилено сев на «пятую точку», голыми руками счищал кашеобразную массу с ботинок. Кто-то, балансируя на одной ноге, пытался второй соскрести комки грязи с другой ноги!

Цирк! Да и только!

Увидел бы кто всю эту картину со стороны, рассмеялся бы!

Но-о ТУМАН! Он и раздражал, с одной стороны и, скрывал всю эту нелепость!

Российские ВОИНЫ шли на ВОЙНУ!

Проходя мимо командного пункта, в столовую, мы видели что, работа там уже кипела «вовсю»! Это не предвещало ничего хорошего, хотя надежда на «нелётный» день ещё теплилась под нашей промокшей одеждой!

В столовой нас тоже не ждало ничего хорошего! Туман был и там!

По мокрым, тяжёлым от воды, стенам палатки-столовой на землю стекала вода. И ладно бы за пределы палатки. Так нет! Она затекала в неё, образуя небольшие лужицы. С такой же мокрой и тяжёлой крыши палатки, на столы и стулья капала вода, а в некоторых местах она вообще текла ручьём!

Бедные девчонки-официантки, как могли, пытались нас развеселить, быстро передвигаясь между столами, успевая лавировать средь тонких ручейков воды, стекающих с покатых краев палатки!

Сидя в мокрой одежде, в сырой палатке, ничего уже не хотелось!

Выпив по кружке горячего напитка, смутно напоминающего чай, мы пошли на аэродром, занимать места на артиллерийских ящиках, в нашем «уютном» классе предполётных указаний, под открытым небом.

Половина лётного состава уже стояла между «кресел», не решаясь садиться на их мокрые крышки, судорожно поеживаясь от пробирающего, до костей, холода.

Вышедший из командного пункта Юрий Николаевич Чебыкин, с грустью посмотрел на наше воинство и, покачав головой, произнес:

-Ладно! Всем находиться в палатках! Задачи буду ставить индивидуально,- медленно подняв голову вверх, и пытаясь разглядеть через плотный туман небо, - Каждому экипажу!

Летный состав радостно загудел!

-Но-но! Не расслабляться! - добавил Чебыкин.

Но аэродромный люд, уже радостно галдя, рванул занимать «тёплые» места в палатках.

Мы с Андрюхой стояли ближе всех к палатке для экипажей Ми-8х, поэтому «внесли» нас туда первыми! Ну и мы, не преминули воспользоваться подвернувшимся случаем и, сразу заняли «места-люкс», в дальнем углу палатки, наивно полагая, что и вызовут нас на выполнение боевого задания, в крайнюю очередь!

Большим ассортиментом и наличием свободных, а тем более уж комфортных, мест наш быт не изобиловал!

Мы быстро устроились на голые панцирные сетки кроватей, застеленных лишь несколькими слоями, нашей дорогой и любимой «Российской газеты», которую нам в больших количествах привозил «почтовик» Ан-12 из Ростова, на обратном пути выполняя роль «Черного Тюльпана». Кстати, ещё и одной из самых «мягких» газет. Туалетная бумага, у нас к тому времени, уже закончилась.

Матрасов у нас практически не было. То ли снабженцы, предыдущей московской группировки, всё продали, то ли наши уже «постарались», желания идти разбираться ни у кого уже не было. Да и в палатках, на этих «люкс-лежанках» мы проводили совсем мало времени, только лишь в коротких перерывах между вылетами.

Нам с Андрюхой в этот раз хоть «повезло», у нас были подушки! Правда без наволочек, да ещё и чёрные, мокрые и засаленные! Но это больше, чем – ничего!

У входа вообще стояла кровать с одной спинкой, нелепо наклоненная в сторону выхода из палатки, нижней частью упирающаяся в лужу кашеобразной жижи, и на которой располагались самые опоздавшие.

В надежде продолжить утренний сон я, поудобней свернувшись на кровати «калачиком», чтобы было теплей, томно прикрыл глаза. С потолка то тут, то там тоже капало.

На щеку что-то упало.

-Наверное, и в этом месте тоже протекает! - подумал я, не отрывая головы от подушки, проведя по щеке ладошкой.

Посмотрев, с безразличием, на мокрые пальцы, я увидел прилипшую, неистово извивающуюся блоху, а боковым зрением, как ещё два таких же насекомых, с трудом подпрыгивая на мокрой подушке, уносили от меня свои тонкие лапки!

-Странно! - подумал я, - на мне-ж теплее!

Вставать не хотелось! Каждое движение в такой одежде доставляло ненужный дискомфорт. Через несколько минут веки налились свинцом, и я задремал.

Разбудил меня грохот лопастей и движков заруливающего вертолёта.

- Андрюх! Что? Полетел кто? - спросил я, не отрывая головы от подушки.

-Не-ее! Прилетел! Так же, не открывая глаз, ответил Васьковский,- это Василич с разведки погоды вернулся. Ща-а-а начнётся!

Полковник Василий Васильевич Горелик, летчик-инспектор отдела боевой подготовки, летал вместе с нами наравне, и был у нас «штатным разведчиком погоды». К этому спокойному, всегда улыбающемуся, командиру мы испытывали особое уважение! Он никогда, ни на кого не повышал голос. Спокойно, даже как-то по-отечески, мог всё объяснить. Он даже замечания делал..... с улыбкой на лице! Пилоты, «за глаза» называли его Василичем, или «Вась Васем».

Как-то его спросили:

- Василич! Как ты в такую погоду летаешь? Не видно же нифига!

А Василь Василич, не раздумывая, всё с той же улыбкой на лице, спокойно отвечал:

-А чё там смотреть? Я, всё равно, дальше приборной доски ничего не вижу! – отшучивался он, уходя под общий хохот молодых пилотов.

Вот и сейчас, облетев Чечню, он привёз нам ожидаемый, неутешительный прогноз на день!

Солнышко поднималось всё выше, прогревая равнинную часть Чечни, освобождая её от тумана. Оставались закрытыми только горные районы, да и они, вскоре должны были открыться.

Продолжая находиться в беспокойной полудрёме, мы ожидали начала очередного боевого дня.

Где-то далеко послышалось: - Штинов!

Открывать глаза, а уж тем более, вставать, не хотелось!

Повторная команда: - Экипажи Штинова и Галкина! На КП! - подняла нас с наших «уютных» гнездышек.

Нехотя, поеживаясь от холода, мы вышли с Андреем из палатки, и подошли к командному пункту. Из соседнего «бунгало» «Ми-24х» выходил Женя Галкин, на ходу застёгивая свою «разгрузку» и закидывая за плечо АКСу. Следом, зевая,

выползал его оператор, с недовольной «миной» на лице, явно не настроенный на полёты в такую погоду. Впрочем, как и мы все.

-Ну! И куда ты опять собрался? – тоже зевая, хлопнув меня по плечу, произнес своим волжским, распевным говорком, Женя.

-Ну, скорей всего, не я, а мы! Сейчас «обрадуют»!

Мы стояли у раскрытого окна командного пункта, больше напоминающего окно раздачи в столовой, и ждали своей участи. Чебыкин, прижав ухом к плечу трубку телефона, руками разворачивая карту, что-то кричал:

-Что значит временами туман? Он или есть! Или его нет!

Затем, бросив карту и отведя в сторону телефон, прикрыв микрофон рукой, продолжил, уже глядя на нас:

- Ну-у бестолковая пехота! Временами....!

-Юрий Николаевич! Что? Опять, в какую-то «тьмутаракань»? - спросил я.

- Да нет! Вы-то сейчас с Галкиным в Шатой, на 28-ю площадку 19 мсд, там тяжелый «трёхсотый», просят срочно! Женя! Ведомого не бери! Справишься одной «двадцатьчетвёркой». Там всё равно «временами», блин, туман! Так, Стас! Аккуратно там! В облака не лезьте! Если погоды не будет – домой! Задача ясна?

- Понятно! А что там за «трёхсотый»?

-Не уточнили! Но тяжелый! Так что действуй по обстановке. Всё, по машинам!

Через десять минут, мы парой, Ми-8....Ми-24, мчались с Галкиным по Аргунскому ущелью. Равнинная часть уже была полностью открыта от тумана. В горах и ущелье, местами ещё оставались небольшие очаги белых пятен. Это успокаивало!

Но как только мы подошли к Шатою, то увидели, ещё издалека, что площадка покрыта белым покрывалом. Хотя горушки вокруг неё были полностью открыты! Времени на раздумывание уже не было, площадка была по курсу захода, в трёх километрах. Я чётко помнил по характерным ориентирам, что она как раз между двух, наблюдаемых прямо перед собой, сопочек.

- Женя! Гашу скорость! Захожу на площадку! - предупредил я «прикрытие».

-Куда? Куда? Куда? - послышался в наушниках удивлённый голос Галкина, - Там же «молоко»!

-Жень! Площадку знаю! Посадку доложу!

- Андрюха! Я сходу зависаю по траверзу этой сопочки, а ты смотри вниз, ищи площадку! Снижаюсь по приборам. Бортач! Высоту - чётко по радиовысотомеру! Всё! Поехали!

«Двадцатьчетвёрка» Галкина промчалась мимо нас, с левой стороны. Женька, наверное, с нескрываемым изумлением смотрел, как наш борт, задрав нос, гася скорость, снижался в белое молоко тумана, завихряя лопастями его белую пелену!

Полностью загасив скорость, аккурат напротив сопочки, и половиной кабины уже находясь в «молоке», я медленно начал снижать вертолёт с минимальной вертикальной скоростью. За остеклением осталась только серая пелена. Я выдерживал горизонтальное положение вертолёта лишь на ощущениях!

Голос Андрея обрадовал: - Борисыч! Вижу гильзы! Снижаемся чётко на площадку!

-Высота «двадцать»! - уже добавил борттехник.

В это же мгновение и я, увидел еле различимые деревья, окружающие площадку.

Надо отдать должное пехоте из 19 мсд, что они сделали для нас хорошее место приземления, вмещающее два вертолёта Ми-8, выложенное по периметру пустыми латунными гильзами от крупнокалиберных артиллерийских снарядов, блестящих в любую погоду.

Колёса шасси мягко коснулись поверхности площадки.

- Жень! Посадка! Загружаюсь. О готовности к взлёту – доложу!

- Ну-у вы, блин, и-ии….., - только послышался в наушниках ответ Галкина, не ставшего продолжать фразу, хотя мы и поняли смысл её продолжения.

Площадка была пустая, никто нас не встречал.

- «Искра-11»! – запросил я уже у авианаводчика, - Ну вы где?

Через несколько секунд в шлемофоне послышался скрипящий голос «земли»:

- Ну, мужики! Вы и даёте! А мы вас уже и не ждали в такую погоду!

- Не ждали… не ждали! Давайте бегом….«пассажира»!

- Поняли-поняли! Их уже несут!

-Хх-м! «Их»? – промелькнула мысль!

На площадку аккуратно въехал МТЛБ. Сверху, на его броне стояли носилки, а рядом сидели два чумазых бойца и офицер. Спрыгнув на землю и, утонув по щиколотку в грязи, они аккуратно сняли носилки, на которых лежал бледный, грязный мальчишка, накрытый ещё более грязным, солдатским одеялом, и бережно понесли его к вертолёту.

Но площадка была с небольшим уклоном в нашу сторону, и они просто заскользили вниз, нелепо расставляя ноги для удержания равновесия, с трудом удерживая тяжёлые носилки. Расстояние в пятьдесят метров они преодолевали минут пять.

Мы на это смотрели с сочувствием, не имея возможности им помочь. Наконец, раненый оказался на борту, и мы стали готовиться к взлёту, но в это время, с моей стороны, подошел чуть отставший офицер и, прокричал мне в открытый блистер:

- Командир! Возьмешь двух моих «контрабасов»? Они домой!

Я только лишь махнул, в знак согласия, рукой и закрыл блистер, из которого тянуло холодным сырым воздухом, уставившись, с безразличием, в приборную доску. Первым я услышал смех Андрюхи, а затем и борттехника и, посмотрел в сторону, куда были направлены их взоры. И тут же сам расхохотался!

Два бойца, которые только что несли носилки с раненым, на своих спинах теперь тащили, утопая в грязи, безвольные тела двух контрактников, над которыми ещё и возвышались их баулы и оружие. Руки их плетьми свисали вниз, а ноги волочились по грязи, собирая впереди бурун кашеобразной жижи.

В голове возникла ассоциация с известным мультфильмом про крокодила Гену и Чебурашку: - Ген! Ген! А давай я понесу твой чемодан! А ты меня!

И мы уже расхохотались всем экипажем.

А затем уже другая, тревожная мысль, промелькнула в голове:

- Сейчас эти «горе-вояки» «уделают» весь вертолёт, не только грязью, но ещё и тем, чем, скорее всего их всю ночь «провожали»! Ладно, раненый! Но «эти»!

Я посмотрел на стоящего, рядом с вертолётом, офицера, но тот только с мольбой смотрел на меня, разведя руками.

Я грустно махнул рукой.

- Бортовой! Давай смотри за этими чудиками!

Вот так теперь уже Российские ВОИНЫ, кто как, возвращались с ВОЙНЫ!

Я дал отмашку офицеру, чтобы тот отошёл от борта, и стал поднимать машину.

- 711-й! Загружен, взлетаем!

- Понял! Отошёл! – дал короткую квитанцию Галкин.

Почти пустой вертолёт, легко оторвал шасси от жидкой площадки и, послушно потянув вверх, за пару секунд преодолев толстый слой тумана, как пробка из бутылки, выскочил из бело-серой пелены.

Женька, предусмотрительно барражировал в двух километрах от площадки.

- «Одиннадцатый»! Наблюдаю тебя, пристраиваюсь! Надеюсь…домой?

- Да! Загрузили троих «трёхсотых»! – с усмешкой ответил я, - Поехали домой!

И мы, так же парой, помчались по Аргунскому ущелью на север.

Уже практически на выходе из него, в наушниках послышался характерный треск радиостанции какого-то авианаводчика:

-Вертушки! Вертушки! Выходящие из «Аргунского»! Я «Искра-12»! Приём!

-Слушаю тебя, 711-й!

-Ребят! У меня один «трёхсотый» и один «желтый»! Заберёте? - с мольбой в голосе запросила «земля», А-то ваш разведчик, из-за тумана не садился!

- Один «желтушечник»! Едрён-батон! Этого нам ещё не хватало! – подумал я, вопросительно глядя на экипаж.

Андрей только пожал плечами.

- Ладно! – продолжил я свою мысль, - Всё равно надо забирать! Тем более, что 21-я площадка под Старыми Атагами была прямо по курсу уже в шести километрах!

- Прикрытие! Захожу на «21-ю»!

- Да мы уже поняли! – ответил Женя, отваливая в сторону, - Смотри! У меня топлива всего на полчаса!

- 711-й принял! «Искра-12»! А у вас всё готово?

- Да мы уже всё приготовили, когда вы только в Шатой прошли! – ответил авианаводчик.

- Понятно! Давай условия на площадке!

- У нас тихо! Штиль! Площадка сырая. Пассажиры готовы!

- Принял! Захожу! – дал я ему квитанцию, начав гасить скорость и снижаться.

Женя привычным движением поставил свой вертолёт в вираж, прикрывая мой заход.

«Пассажиры» и вправду уже были на площадке. Четыре бойца держали носилки с раненым, рядом стоял санитар, придерживая стоящего на полусогнутых ногах, измождённого солдатика.

Погрузку произвели быстро. И хорошо, что с нами в сопровождении полетел санитар! А то те двое «раненых», которых мы забрали с Шатоя, начали приходить в себя, и теперь за ними «глаз-да-глаз» нужен был!

Бойцы, поставив носилки с раненым в салон вертолёта, рядом с первым, тяжёлым «трёхсотым», с хохотом выскочили из вертолёта, оглядываясь на нелепых контрактников с красными глазами, вертящих головой и не понимающих, где они находятся!

- Ладно! Кони! Чешите отсюда! – подумал с улыбкой я, махнув им рукой, чтобы они быстрей уносили ноги от вертолёта, – Кому война, а кому……..!

- «Одиннадцатый»! Готов! Взлетаю!

- Понял! – кратко ответил Женя, отваливая в сторону, - По курсу чисто!

Произведя взлёт и разгон скорости, я не стал набирать высоту, так как равнина была уже чистой, и не было смысла на набор высоты и лишний расход топлива, да и на предельно-малой высоте было как-то спокойней, поэтому мы, с пристроившимся Женей Галкиным, домчались до Ханкалы за десять минут. А там я, «нырнул» на госпитальную площадку, а Женя сел на аэродром и, зарулил на стоянку.

Через тридцать минут, основательно проголодавшиеся мы, двумя экипажами, уже «гремели» ложками в нашей подсохшей палатке-столовой и делились впечатлениями от выполненного задания.

День, так хмуро и пасмурно начавшийся, и в самом деле выдался очень тяжёлым! Мы с Андреем в этот день налетали пять часов, и перевезли 167 человек, 45 тонн груза, двух раненых и десять……с половиной «двухсотых». Но самое тяжёлое, а скорее страшное, началось с наступлением темноты.

После выполнения полётов днём меня подозвал Чебыкин.

- Стас! Твоему экипажу нужно будет подзадержаться. Позвонили из штаба группировки, сейчас привезут «двухсотых», надо будет перевезти их на «Грозный-Северный», завтра прилетит «Чёрный Тюльпан», заберёт их в Ростов.

- Юрий Николаевич! Да я уже на ногах еле держусь, сегодня налетали шесть часов!

- Ничего! Потерпи! Больше некому выполнить задачу. Из оставшихся, на аэродроме, ночью допуск только у тебя, остальные все уже спят.

Я обречённо вздохнул и остался ждать.

Через двадцать минут на дороге появились два КАМАЗа и медленно проплыли мимо нас на стоянку вертолётов.

В нос сильно ударил резкий, тошнотворный трупный запах. Меня потихоньку начало «выворачивать»!

Видя это, Чебыкин открыл дверь в свой вагончик и молча указал рукой:

- Заходи!

Я зашел в тёмную комнату и встал у входа. Командир молча подошёл к стоящему в углу холодильнику и, открыв его, достал оттуда бутылку водки. Затем, сняв с маленькой полочки, стакан и раскрыв бутылку, налил его почти полный.

- Пей! - протянул он мне его.

Я с удивлением смотрел на командира, ничего уже не понимая.

- Пей, я сказал! И давай сюда, свой платок!

Я залпом выпил содержимое стакана и медленно снял с шеи камуфлированный платок, который мы, как шарфики-косынки повязывали на шею, чтобы не натирать её об воротник от постоянного кручения головой.

Он взял его и, сложив его в несколько раз, обильно полил, стоящей там же на полке, туалетной водой. Затем протянул мне.

- Одевай как маску! Может хоть немного поможет. Всё! Иди... - с какой-то болью посмотрел он на меня.

На ватных ногах, выйдя из вагончика, я с тоской посмотрел на загружающийся вертолёт, не желая двинуться с места.

Вонища распространилась уже по всему нашему лагерю. Всё пространство вмиг опустело!

В свете фар стоящего вплотную к борту «КАМАЗа» я увидел солдата в плаще от общевойскового защитного хим.комплекта, который помахал рукой в резиновой трёхпалой перчатке и запрыгнул в машину. "КАМАЗ" резко дёрнувшись и обдав стоящего борттехника, белым дымом, рванул подальше от вертолёта.

- Погрузка закончена! Теперь никуда не деться! - подумал я, и поплёлся к борту, завязывая на лице платок.

Следом, с неохотой, шел Андрей.

Я махнул борттехнику, подзывая к себе.

- Та-ак, мужики! Сейчас делаем таким образом. Борттехник запускает «АИ-шку» (АИ-9- вспомогательная силовая установка, для запуска основных двигателей), затем двигатели. Ты Андрюх, сразу, как только пойдёт винт, заскакиваешь в кабину, ноги на педали и вводишь коррекцию. Затем я, и сразу выруливаем!

Через три минуты вертолёт, молотя винтами и, смешивая зловоние с чистым воздухом, уже был готов к взлёту.

Я бегом заскочил в кабину и, чуть не споткнувшись, о лежащий прямо у входа, полуоткрытый целлофановый мешок, наполненный невообразимыми останками, стал протискиваться в кабину. Уже зайдя в нее, оглянулся и посмотрел в открытую грузовую кабину, дверь которой была подпёрта двумя огромными целлофановыми мешками, лежащими друг на друге. Ужас, липким холодком, разлился по всему моему телу!

Мешки, тускло поблескивая, занимали весь вертолёт, в некоторых местах лежа один на одном. Вонь стояла такая, что резало глаза!

- Да какой там платок с одеколоном! Тут противогаз не спасёт!

Андрюху уже выворачивало через открытый блистер. Борттехник сидел на своем месте, опустив голову на колени и закрыв лицо и рот руками, тоже еле сдерживаясь. Я и сам был уже на пределе, рвотные импульсы уже подкатывали к горлу.

- Всё! Медлить нельзя! Взлетаем прямо отсюда! Уже не до выруливания.

Энергично оторвав машину и, развернув левым бортом на курс взлёта я, начал разгонять скорость, продолжая удерживать вертолёт на траектории, с небольшим скольжением, чтобы потоком воздуха, через открытые блистера, хоть как то его проветривать. Но сделал только хуже.

Завихряясь в грузовой кабине, он начал раздувать мешки, которые с шелестом разрывались и разлетались по кабине, прилипая к бортам, оголяя при этом своё содержимое. Холодный пот лился по спине! Непроглядная темень впереди, тусклые циферблаты приборов, подсвеченные кроваво-красным светом, бледные лица экипажа, с наполненными ужасом глазами, и полный вертолёт трупов, если такие останки можно было так назвать!

- ГОСПОДИ!! За что! За что нам всё это!

Через несколько минут показался красный огонёк аэропорта «Северный Грозный».

- «Эрмитаж»! 711-й вошёл к третьему на «триста», заход!

- 711-й выполняйте заход! Включу посадочную полосу на несколько секунд по вашей команде – ответил, уже ожидавший нас, РП аэропорта.

Ничего не видя впереди, только на каких-то внутренних ощущениях своего местоположения мы, начали строить заход на посадку, плавно гася скорость и снижая высоту.

- 711-й, на прямой, к посадке готовы, включайте!

- 711-й выполняйте посадку к первой РД, ветерок попутный, до одного метра.

И тут же, из-под нас, пробежала короткая вереница огоньков боковых ограничений взлётно-посадочной полосы и сразу погасла.

- 711-й, полосу наблюдаю, выполняем посадку к первой РД. Андрюха! Фару!

Андрей быстро выключил посадочную фару, и мы сходу, с небольшой поступательной скоростью приземлились.

- Гаси свет! А то снайпера только и ждут нас. Мы сейчас для них как новогодняя ёлка! Так! Теперь быстро зарулить! А-аа! Вон нас уже и встречают - заметил я силуэт, стоящего у полуразбитого здания аэропорта, «ГАЗ-66» с тентом.

- 711-й, полосу освободили, заруливаем, встречающих наблюдаем.

Мы подрулили поближе к машине, у которой стояли два бойца в замызганных больничных халатах, с носилками. И как только мы остановились, они бегом помчались к вертолёту для его разгрузки.

- Да-а! Это дело, наверное, затянется! Спят все, кажись. Или не хотят выгружать «ТАКОЕ»!

Но через минуту, откуда-то из темноты, выскочили ещё два солдатика и, разгрузка пошла энергичней.

- Стас! Смотри! - позвал меня Андрей.

Я посмотрел на него, а затем, проследив за его взглядом, опустил глаза себе под кресло. Резкий озноб, как острие ножа, прошил всё тело!

Прямо в проходе в пилотскую кабину лежал полуоткрытый блестящий мешок, а из него на нас смотрели стеклянные глаза молоденького, рыжего мальчишки, широко открытые, как будто в изумлении. Часть кожи с короткими волосами на его черепе просто обвисла из-за отсутствия костей. На руке толстой бечевкой была привязана бирка с фамилией и номером части.

Я отвернулся и, закрыв лицо руками, стиснув зубы, упёрся в ручку управления. Мысли перемешались!

- ГОСПОДИ! Ну, ты же всё видишь! Ведь он совсем ещё ребёнок! Для чего нам всё это! За что?

Через минуту мешок плавно скрылся в грузовой кабине, и в проёме появилась голова «бортача».

- Командир! Закончили! Можно выруливать.

Я с грустью посмотрел на загружаемые останки наших пацанов и, введя коррекцию, порулил вертолёт на старт.

Тут от машины в нашу сторону побежал боец, размахивая руками, показывая нам, чтобы мы остановились.

- Что там ещё? - зажал я тормоза.

- Наверное, что-то забыли - поднявшись со своего места, ответил борттехник и, пошел открывать дверь.

Подбежавший боец быстро заскочил в вертолёт, пробежал через грузовую кабину и, вытащив из-за дополнительной топливной бочки небольшой блестящий пакет с биркой, выскочил обратно.

Мы с изумлением смотрели на всю эту картину!

- Ну, вот и всё, что достанется чьей-то мамке! - подумал я.

Взлёт произвели в полной темноте и помчались домой. Через пять минут мы уже заруливали на стоянку. Там нас уже встречали техники и инженеры эскадрильи.

Выключив двигатели, мы обессиленные, вылезли из кабины. Техники с жалостью глядели на нас. Кто-то поднёс мне алюминиевую кружку, наполненную водкой.

- Стас! На! Выпей! Полегчает!

Но я только отстранил руку и, опустившись на колени начал рвать в траву.

- Командир! Может воды?

Я махнул рукой.

Через несколько минут поднялся и, уже полностью обессиленный, поплёлся в палатку для лётного состава.

Но и там меня не ждало ничего хорошего.

Только я зашёл в палатку и, в темноте попытался найти свободную кровать, как из темноты раздались сонные голоса:

- Кто здесь лазит? Что от тебя так прёт «дохлятиной»? Иди отсюда! Дай поспать народу!

- Вы что? Мужики! Куда я пойду? Три часа ночи!

- Да хоть куда! Воняешь как.....!

Я вышел из палатки. Комок подкатил к горлу. Подняв руку и понюхав рукав, я провёл по волосам на голове, ладонью. Трупный запах был очень сильным. Он буквально пропитал всю мою одежду, волосы, кожу.

Идти было некуда, помыться тоже негде. Присев на ящики от боеприпасов, подняв глаза в звёздное небо и обхватив голову руками, я…..тихонечко завыл.

Очнулся от сильнейшего озноба, пробиравшего всё тело. Посмотрел на часы - половина шестого утра. Восток, багровея, занимался утренней зорькой. Вдалеке, то тут, то там слышались автоматные очереди и ухающие звуки разрывов. Просыпалась Чечня, просыпался аэродром.

Пронизывающий холодный утренний воздух пробирал до костей! Я медленно встал и с отрешённым взглядом поплелся, куда глядели глаза.

У вертолётов кипела работа, «восьмёрки» загружались, «двадцатьчетвёрки» заряжались снарядами.

У моего ночного борта уже стоял пожарный автомобиль и зелёный, обшарпанный, видавший виды фургон, с надписью на борту – «Хлеб».

Подойдя ближе, я увидел, как через широко открытые грузовые створки фюзеляжа пожарный расчёт поливал внутренности вертолёта мощным напором воды.

На встречу вышел инженер эскадрильи.

- Чего не спится? Стас!

В ответ я только махнул рукой и заглянул в открытую дверь грузовой кабины. Глаза широко открылись от изумления.

Сильный напор воды вымывал, из-под неровностей дюралевого пола, толстых, белых червяков, жутко извивающихся, вперемешку с красновато-багровой жижей!

- Это именно то, о чём ты думаешь! - послышался сзади голос инженера.

- Да нет! Я думаю о другом. Сколько же этим мальчикам пришлось пролежать на улицах Грозного, под тридцатиградусной жарой, что от них осталось только это? А это что за «барбухайка»? - указал я на фургончик.

- Так нам задачу поставили ещё час назад! Отмыть машину, загрузить хлебом и продовольствием, и она с разведчиком погоды пойдёт по площадкам и блокпостам, там выгружаться и забирать оттуда раненых и убитых, что «накрошили» за ночь!

- А что? Получше борта не нашлось?

- Э-эх! Борисыч! У нас так каждое утро! Сил уже нет, на всё это смотреть!

- Ага! А ещё всё это нюхать - с болью в голосе ответил я и, развернувшись, пошёл подальше от этой картины.

ТОЛСТОЙ ЮРТ. 15 АВГУСТА 1996 ГОДА.

Бои в городе Грозном продолжались с большим ожесточением. Ультиматум, который выставил боевикам командующий объединённой группировкой войск генерал Пуликовский, на них не подействовал.

Из города колоннами по несколько сотен человек выходили беженцы, кто пешком с тележками с нехитрым скарбом, кто на машинах. Эти картины напоминали колонны беженцев времен Великой Отечественной войны. Смотреть на это было страшно. По некоторым разведданным в таких колоннах выводились раненые боевики, под видом мирных жителей. Им на смену, маленькими группами, в город просачивались на укрепление свих бандформирований боевики. Разобраться где мирные, а где боевики было невозможно.

Как то, при нанесении очередного штурмового удара по скоплениям бандформирований в Грозном, в эфире, на общем канале прозвучала команда, приведшая всех в шок!

- Внимание всем бортам, на боевых заходах! Я «Корсар»! – вещал знакомый всем голос. Наблюдаете на северо-восточной окраине Грозного выходящие колонны людей и техники?

Все экипажи «двадцатьчетвёрок» подтвердили наблюдение колонн.

- Я «Корсар»! Приказываю уничтожить колонны!

- «Корсар»! Это ведь колонны с беженцами!

- Я «Корсар»! Приказываю наеб……(дословно) колонны!

- «Корсар»! Это ведь…….

- Я п р и к а з ы в а ю……- перешел на визг голос в эфире.

- «Корсар»! …….Поняли вас!

А ещё через несколько минут:

- «Корсар»! Произвели нанесение ударов по «указанным» целям! Сильный ветер! Карандаши снесло в поле!

Мальчишки, видя всё это, не взяли грех на душу и «выгрузили» весь боезапас в чистое поле, подальше от ничего так и не понявших беженцев.

В эти же дни нашему экипажу была поставлена задача по перевозке представителей администрации Президента Чеченской республики, которые доставляли на нашем вертолёте для беженцев гуманитарную помощь в виде матрасов, тёплых одеял, одежды.

Производя посадки на дороги и перекрёстки, в местах наибольшего скопления беженцев, мы выгружали им эти вещи, ……а в ответ в нас летели камни и палки! Но мы не имели права улететь не выгрузившись и, терпели всё это до конца!

В один из таких дней на аэродром приехал Президент Чеченской республики Доку Гапурович Завгаев. Он был нечастым гостем у нас, но и помпезности в его визитах не было никакой. Можно сказать, что на его визиты никто не обращал внимание.

В этот раз ему необходимо было, со своей свитой, улететь в селение Толстой Юрт, расположившиеся у подножия Терского хребта. По не уточненным данным, в селении было замечено незаконное воинское формирование, которое пока не предпринимало никаких шагов к ведению боевых действий. И по информации Чеченского правительства была возможность провести с ними переговоры по поводу их неучастия в войне на стороне бандформирований захвативших Грозный.

Нас вызвали на КП, в котором уже находился Доку Завгаев, со своими замами и Юрий Николаевич Чебыкин. Я поздоровался с Доку Гапуровичем, с которым уже летал не раз, кивком головы и стал ждать постановки задачи командиром авиагруппировки.

Но Юрий Николаевич медлил, пристально глядя мне в глаза. Затем, после длинной паузы, он начал:

- Стас! Необходимо перевезти нашего уважаемого Президента, - с какой-то горечью он посмотрел на Завгаева, - в селение Толстой Юрт для проведения там ими переговоров с «договорной» бандой.

Я, кивнул головой, дав ему понять что знаю, где это.

Но он, приподняв ладонь продолжил:

- Но-о! Туда твоему экипажу придётся лететь самостоятельно, без прикрытия! У меня его просто нет! Сам видишь! Все у меня в «карусели» над Грозным! - он опустил глаза, - решение принимать тебе! Откажешься от выполнения задачи - не осужу! Сам понимаю, какой риск!

Но тут вмешался Завгаев:

- Командир! Всё будет нормально, я гарантирую! У меня есть охрана! - глядя на меня, рукой он указал на пятерых чеченцев в милицейской форме с автоматами-коротышами АКСУ за спиной, стоящих недалеко от КП, - они будут вас охранять.

Я глубоко вздохнул, скептически покачав головой и пожав плечами, глядя на это «воинство». По большому счёту это были обыкновенные чеченцы, только одетые в милицейскую форму, и по поводу их лояльности к нам русским у меня было бо-ольшое сомнение!

Опустив глаза, я размышлял о предстоящей рисковой задаче, прикидывая все варианты - полёта или отказа от него. В Надтеречном районе, где располагалось это селение, было относительно спокойно, каких то жёстких боестолкновений с федеральными войсками там не происходило. Но сам факт нахождения там банды, да ещё и с непонятными намерениями, настораживал!

Чебыкин и Завгаев стояли и ждали, глядя пристально на меня, не прерывая мои размышления. Заместители Президента тоже стояли в сторонке, сверля меня глазами.

Я снова глубоко вздохнул и, посмотрев командиру в глаза, сказал:

- Командир! Задачу выполняем! Всё будет хорошо!

Завгаев с облегчением выдохнул:

- Ну, вот и хорошо! Нам там нужно всего пол часика! К часам шестнадцати мы уже вернёмся!

У меня же в голове только пронеслось:

- Ага! К «шестнадцати»! Ты сам-то не уверен в безопасности этой затеи!

Но решение было принято и через десять минут, оторвав колёса от бетонки, мы на небольшой высоте помчались в сторону Терского хребта в полном одиночестве. На аэродроме остался стоять подполковник Чебыкин, с тоской глядя на удаляющуюся "восьмёрочку".

Через пять минут мы уже переваливали через хребет, плавно скользя вниз, в сторону появившегося у предгорья селения Горячеисточненское, которое так же плавно переходило в селение Толстой Юрт.

Стоящий за спиной борттехника Доку Гапурович прокричал мне в кабину и указал рукой вперёд:

- Командир! Вон там, на окраине селения трансформаторная будка, там есть удобная площадка, и там нас должны встречать.

И в самом деле, по грунтовой просёлочной дороге в сторону указанного поля пылила старенькая чёрная «Волга».

Я обернулся к Завгаеву и в ответ прокричал:

- Доку Гапурович! Ну, раз вы недолго, так может я покручусь здесь пол часика? Топлива хватит! А Вы как выедете обратно, мы подсядем! Так будет для нас безопасней!

Но Завгаев закрутил головой с мольбой в глазах, и будто боясь опоздать сразу продолжил:

- Нет, нет! Командир! Вы должны меня дождаться на площадке. У вас будет охрана! - обернулся он в грузовую кабину.

- Так это ж надо будет выключаться! - с удивлением посмотрел я на него.

- Да, да! Но это ненадолго!

- Так ведь нам потом запускаться минут пять! А если что случится? Мы ведь даже взлететь не успеем! - намекнул я ему на возможное усложнение обстановки.

Но он сильнее закрутил головой:

- Всё будет нормально! Я гарантирую!

- Гарантирует он.....блин! - отвернулся я от него, в мыслях прокручивая различные ситуации.

Сидеть в одиночку, с «охраной» в пять чеченских милиционеров, у селения с бандой в её расположении, было как то нелепо!

Обречённо вздохнув, и не глядя на экипаж, я стал строить заход на посадку на указанную площадку. Выбрав место поближе к просёлочной дороге, отделённой от поля неглубоким рвом, я произвёл посадку на ровное скошенное поле недалеко от трансформаторной будки. На поле уже медленно выезжала «Волга», плавно покачиваясь на неровностях.

Только после посадки я посмотрел на Андрея и Володю Мезенцева.

В их глазах был немой вопрос:

- Мы что, и вправду будем выключаться?

Я опустил глаза и сжал зубы. И после небольшой паузы тихо и медленно произнёс по СПУ:

- Володя! Вы-ыключаемся!

Борттехник, покачав головой, пощёлкал галетным переключателем электросистемы, замерив запас напряжения на аккумуляторной шине.

Андрюха, всё ещё глядя с недоумением на меня, в надежде, что я передумаю, потянулся выключать свои системы и оборудование. Я же, отвернувшись и сжав сильнее скулы, пощёлкав своими выключателями, дал понять, что решение принято окончательное, хотя в душе «скребли ТАКИЕ кошки», что я в эти мгновения не мог посмотреть своему экипажу в глаза! Я осознано шёл на неоправданный риск, да ещё и подставляя своих подчинённых. Но они тоже понимали, что задачу необходимо было выполнять, хотя вот так рисковать никому не хотелось.

Охладив двигатели, посмотрев на борттехника, я кивнул головой.

Володя понял мою команду и медленно потянулся к кранам останова двигателей, со слабым укором глядя на меня, всё ещё надеясь, что я отрицательно закручу головой и крутану рукоятку коррекции оборотов двигателей в обратную сторону.

Но я ещё раз кивнул утвердительно головой и опустил глаза.

После закрытия стоп-кранов, борт слабо дёрнулся и движки, устало свистя, стали затихать.

Теперь уже мы, всем экипажем, стали с тоской смотреть на замедляющие своё вращение лопасти несущего винта, на расположенное неподалёку чеченское селение, и на двух пожилых мужичков, в стареньких помятых шляпах, стоящих у такой же старенькой «Волги».

Чтобы запуститься и взлететь, нам теперь надо было иметь запас времени как минимум минут пять. На войне это целая вечность!

Лопасти, описав крайний круг остановились. Володя Мезенцев встал со своего кресла и пошёл открывать входную дверь.

Мужички у «Волги» так и продолжали стоять по стойке смирно. В мыслях я отметил, что даже простые чеченцы знали, что подходить к вертолёту пока вращаются лопасти винтов запрещено. Вот и высокая делегация, находящаяся сейчас на борту, смиренно ожидала окончания полёта и открытия дверей.

Володя открыл сдвижную дверь и, приставив стремянку, отодвинулся в сторону, пропуская милиционеров, которые как в крутом боевике повыскакивали из вертолёта, отбежав метров пятнадцать от него, встав на одно колено и вскинув свои «коротыши» АКСу, якобы заняв круговую оборону.

- «Цирк на цветном бульваре»! Мать их за ногу! - с улыбкой посмотрел я на это представление.

Андрюха сидел на своём кресле, не намереваясь выходить из вертолёта и, с тоской смотрел на эту картину. Володя обходил вертолёт, внимательно осматривая его, тоже изредка посматривая на этих «комедиантов».

Завгаев, с замами, подойдя к встречающим и традиционно обнявшись с каждым, сел в машину.

«Волга» пыхнув сизым дымом из выхлопной трубы запылила по полю в сторону небольшого мосточка, перекинутого через канаву, отделяющую поле от просёлочной дороги и, переехав его, уже быстрее помчалась в сторону близкого селения. Мы же остались одни, озираясь по сторонам и ёжась, как будто бы от холода. Милиционеры стояли вокруг вертолёта, с автоматами наперевес, внимательно осматривая каждый свой сектор.

Стоя у трапа, я посмотрел на часы и отметил время:

- Пол часика! Ну-ну! Посмотрим.

Минут через десять, сзади подошёл борттехник и, наклонившись тихонько произнёс:

- Стас! Глянь! Эт что? - кивком головы указав на КАМАЗ с высоким тентом, пылящий в нашу сторону по другой дороге, примыкающей к путепроводу, возле которого мы сели.

Милиционеры, тоже заметившие грузовик, напряглись.

КАМАЗ, медленно переехав по мосточку на поле, качая из стороны в сторону высоким рваным тентом, проехав ещё метров двадцать, остановился на небольшом удалении от нас. Из кабины и кузова на землю стали спрыгивать люди в камуфляже и с оружием в руках, собираясь возле машины и слушая команды высокого чеченца в новеньком спецназовском костюме с одетым поверх него, полностью забитым жилете-разгрузке. Затем от этой группы отделились три человека в бронежилетах с гранатомётами РПГ-7 за спиной и, на ходу одевая каски, направились в сторону дороги, вдоль которой мы стояли.

Милиционеры, вжав шеи и опустив автоматы, медленно стали собираться в одну кучку.

Троица, выйдя по дороге во фронт правого борта вертолёта, залегла в кювете на противоположной стороне дороги, раскладывая оружие и выстрелы к РПГ.

У меня внутри всё похолодело, ноги стали ватными! С изумлением я наблюдал, как эти люди готовили боевую позицию, и уж явно не для того, чтобы позагорать на обочине дороги!

Медленно я подошёл к сбившимся в кучку, как цыплята, чеченским милиционерам и шёпотом спросил:

- Ребятки! А это кто такие? Сходите ка узнайте, что за манёвры!

- Да всё нормально! Командир.... - милиционеры явно не хотели отходить от вертолёта, и медленно пятились в его сторону.

События развивались молниеносно!

Как только группа из трёх человек заняла боевую позицию, от КАМАЗа в нашу сторону медленно зашагали ещё три человека с автоматами за спиной. Их возглавлял всё тот же высокий, статный чеченец, интеллигентного вида, но с очень уставшим, серым лицом с красными бляшками глаз, смотрящими на нас из-под лобья.

Они не спеша подошли к вертолёту и принялись обниматься с милиционерами, обмениваясь короткими фразами на чеченском языке.

В Чечне было принято здороваться трёхкратным объятием, не так как у нас, рукопожатием.

Милиционеры, хоть и с опаской, отвечали на их приветствия!

В моей же голове набатом стучала только одна мысль:

- Ну, вот и приплыли! Орлики! Вашу-у ма-ать! - сжал я зубы, - этих то они точно оставят живыми, ведь они «свои», хоть и в милицейской форме, а нам, судя по всему - кирдык!

Под «ложечкой, что то засосало», в ушах зашумело, к горлу подкатил ком! Мысли путались.

Я с тоской посмотрел на Юг в надежде увидеть спасительное «прикрытие», но небо над Терским хребтом было чистым.

Переведя взгляд на вертолет, я увидел сидящего в том же положении, на своём рабочем месте Андрея, с ещё большей тоской в глазах, вворачивающего запал в гранату Ф-1.

Володя Мезенцев, так же не спеша, поднялся по трапу на борт, прошёл через грузовую кабину к створкам и вышел через минуту с ручным пулемётом ПКМ и лентой патронов к нему, и очень спокойно полез под брюхо вертолёта, ложась на траву и расставляя сошки пулемёта в стороны.

Чеченцы, как милиционеры, так и подошедшие вооружённые люди, с интересом смотрели на всю эту картину.

Я же стоял в двух шагах от входа в вертолёт и не мог пошевелиться. Ноги не слушались, в ушах звенело. В сознании отчётливо сидела только одна мысль, что это именно та банда, на переговоры с которой мы прилетели, и что жить нам осталось несколько минут.

Стало так обидно, что вот из-за такой нелепости сейчас и закончится наш жизненный путь и, сжав зубы, я услышал такой их скрежет, что показалось, и бандиты его услышали.

Высокий чеченец медленно подошёл ко мне и пристально посмотрел в глаза. На его поясе висел, с одной стороны «Стечкин» в кобуре, с другой - красивый, длинный кавказский кинжал, которым он, наверное, резал горло своим баранам ....и, может быть, нашим пленным.

Я же стоял перед ним, скованный непомерным страхом, пронзившим всё моё тело, и не мог пошевелить даже руками.

Чеченец начал первым:

- Салам командир! Аллаху Акбар! Ну как вертолет, цел ещё? - сверкнув ненавистью во взгляде, и кивнув в сторону борта.

Я с трудом повернул голову и посмотрел на машину. В голове мелькнула мысль:

- Как хорошо, что мы прилетели на «восьмёрочке» без боевых блоков подвески, этаким «голубем мира», но это вряд ли могло улучшить наше положение.

- Да простреленный уже весь! - лишь смог выдавить я, кивнув на борт вертолёта, сверкающий свежими приклёпанными заплатками.

Чеченец, стоя от меня в метре, не отводил взгляда от моих глаз, смотрел на меня из-подлобья. Два его подчинённых стояли чуть дальше, поглаживая стволы своих АКМ, направленных в нашу сторону. Милиционеры, за их спинами молча переминались с ноги на ногу и ничего не предпринимали. Ещё чуть дальше, в метрах пятидесяти, стояла банда боевиков, обвешанных «с ног до головы» оружием и боеприпасами.

В висках с шумом пульсировала кровь, а перед глазами стоял образ Христа, висящего на кресте:

- Господи! Как же страшно!

Чеченец, медленно выговаривая слова, продолжил:

- Зачем вы сюда прилетели?

Я, уже с трудом соображая, выдавил осипшим голосом:

- Мы привезли вашего Президента к вам на переговоры.

- Это ваш президент! - быстро ответил, с железными нотками в голосе, командир боевиков, - Я спросил не про это! Зачем вы вообще прилетели в мой дом? Неделю назад, я похоронил всю свою семью во дворе собственного дома, убитую вами, лётчиками!

Всё! Я понял, что наших жизней текут последние мгновения! Боевик явно провоцировал меня на конфликт, ища повод для красивой и оправданной казни, как и подобает гордому кавказцу!

Стоя на непослушных ногах и, ничего уже не соображая, я смотрел в глаза своей смерти!

В голове, что то щёлкнуло! Я сделал глубокий вдох, подняв плечи. И тут из моих уст, медленно и уже очень спокойно полились слова:

- Я офицер, и приехал сюда выполнять свой воинский долг и приказы! И «грош цена» мне бы была, если б я этого не делал!

Затем сделав паузу и снова глубоко вдохнув, продолжил:

- Но если бы в мой дом пришли с оружием в руках и начали убивать, я поступил бы точно так же как и ты! Взял бы оружие и пошёл защищать свой дом!

Чеченец, смотря на меня в упор, мгновение молчал. А потом произошло то, чего я совсем не ожидал!

Он медленно подошёл ко мне, притянул за плечи, и тихо-оонечко на ухо сказал:

- Уважаю тех, кто ГОВОРИТ ПРАВДУ!

А затем, развернувшись и махнув рукой своим подчинённым, медленно зашагал в сторону КАМАЗа.

Я стоял, не шевелясь и всё ещё не веря в произошедшее!

По прошествии многих лет, я, как глубоко верующий человек понял, что произошло тогда!

От Матфея 10:19

19 Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать,

20 ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Вдалеке послышался знакомый гул винтов и двигателей летящих «двадцатьчетвёрок».

Покрутив головой, я увидел, ещё еле различимую, летящую на высоте полутора тысяч метров, в нашу сторону пару вертолётов. Видно было что, скорее всего, они искали нас.

- Ай, командир! Ай да умничка! Наверное, нутром там понял, что нам конец! - подумал я, медленно, не делая резких движений, всё ещё на ватных ногах, подойдя к вертолёту и, поднявшись по трапу, зашел в плотскую кабину.

Андрюха сидел в своём кресле, не шевелясь, прижав к груди гранату, с пальцем, вдетым в кольцо чеки. Вовка всё ещё лежал под брюхом своей машины, одной рукой прижимая к себе пулемёт.

Медленно я дотянулся до выключателя бортовой электросистемы и включил его. Затем включив бортовую радиостанцию и одев на голову шлемофон, всё ещё осипшим голосом, вышел в эфир:

- Я 711-й! Кто идёт на моё прикрытие?

Эфир мгновение потрещал разрядами, а затем в шлемофонах раздался мощный бас моего друга, командира звена вертолётов Ми-24 Петра Павловича Дьякова:

- Я 212-й! Идём к тебе! Вы где находитесь?

- Палыч! Дорогой! Мы на западной окраине Толстой Юрт, на поле, практически у подножия Терского хребта!

- О-ох ёп..понский городовой! - послышался уже голос лётчика-оператора, Ивана Шумилина,- У вас там что, техосмотр?

Он, скорее всего нас сразу же обнаружил, наблюдая в прицельный комплекс управляемого ракетного вооружения «двадцатьчетвёрки», прицельная станция которого позволяла многократно увеличить изображение.

- Палыч! Дружище! Только не делай никаких резких движений, оставайся на своей высоте! Мы окружены бандой! Я пока уйду со связи. Надо экономить напряжение «батареек» для запуска!

- Да видим уже! Понял! Постараемся!

Я медленно выключил радиостанцию и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

- Как они вовремя!

Двое чеченцев, во главе со своим командиром, остановились и, крутя головой, смотрели то на нас, то на приближающуюся пару хищных боевых машин.

Я, уже спокойно и размеренно, вышел из кабины и, спустившись по трапу, встал рядом с вертолётом, положив ладонь на тёплый, и как мне тогда показалось, живой дюралевый борт.

Высокий чеченец развернулся и направился в мою сторону. В его взгляде уже не было того пренебрежения и ненависти, с которым он смотрел на меня несколько минут назад. Скорее в его усталых глазах мелькало сильное беспокойство!

Подойдя ближе, он громко спросил:

- Куда они летят командир? - и посмотрел вверх, в сторону вставшей в круг, над нашими головами, боевой пары.

- Они прилетели на моё прикрытие! - уже спокойно, с подобием некоей улыбки ответил я.

Чеченец беспокойно покрутил головой:

- А они стрелять не будут?

- Не знаю! Если они почувствуют или увидят что-то неладное, всё может быть! - уже с улыбкой слукавил я и, разведя руки в стороны, пожал плечами, - У них прицел с десятикратным увеличением! Они мои губы видят! И если я буду говорить спокойно, то всё будет хорошо! Если закричу - они даже нас не пожалеют!

Командир боевиков резко развернулся и быстрым шагом зашагал в сторону своего автомобиля, махнув рукой трём боевикам, лежащим в боевой позиции на обочине дороги, что бы они тоже выдвигались к грузовику.

Банда спешно грузилась в кузов!

И тут произошло неожиданное, о чём мы потом всегда вспоминали со смехом.

Пётр Павлович, скорее всего не выдержав такого напряжения, и не желая оставаться на высоте, с которой ничего невозможно увидеть, оставил своего ведомого Серёжу Шакшина на высоте полутора километров, опустив нос своей «двадцатьчетвёрки», начал имитировать атаку! Боевая машина, как коршун неслась в сторону КАМАЗа.

Двигатель грузовика взревел, и машина, выпустив огромное бело-сизое облако, рванула по полю в сторону близкого селения.

Первый раз в жизни я увидел, как многотонная махина, да ещё и гружённая до отказа, перелетела через овраг! Поле вмиг опустело!

Чеченские милиционеры, подскочив к вертолёту, со страхом в глазах смотрели то на меня, то на ревущую машину, выходящую из пикирования и заложившую глубокий вираж. Я же, с отрешённой улыбкой на лице, обессилено опустился в траву у носовой стойки шасси, возле которой продолжал лежать

борттехник, но уже на спине, запрокинув руки за голову и глядя в замасленное и пыльное брюхо вертолёта, и так же тупо улыбаясь.

Прошло ещё минут десять и, на поле быстро припылила «Волга». Из машины выскочил обеспокоенный Завгаев.

- Командир! Что то случилось?

- Да нет! Всё просто замечательно! – устало выдохнул я и, полез в кабину, готовится к запуску и взлёту.

Через пятнадцать минут мы, обессиленные, заруливали на свою стоянку. После выключения двигателей Завгаев быстро погрузился в машину своего эскорта и убыл восвояси.

Вертолёт окружили техники и инженеры, начиная его готовить к очередному боевому вылету. Ну а я, стянув мокрый шлемофон с головы, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, проигрывал в памяти моменты произошедшего в течение последних двух страшнейших дней.

Несколько минут я так сидел молча, а затем на потяжелевших ногах, вышел из вертолёта и побрёл на стоянку братской эскадрильи Ми-24, на которую тоже, только что зарулили и выключились наши спасители.

Я медленно подошёл к Петру Павловичу Дьякову, устало облокотившемуся на свою бронированную машину, обнял его и лишь только прошептал:

- Палыч! Спасибо!

А затем, уйдя за хвост вертолёта, устало опустился на деревянный ящик из под неуправляемых снарядов, отрешённо глядя себе под ноги.

Техники с жалостью смотрели на меня, не решаясь подойти.

Кто-то протянул сигарету.

- Борисыч! На, покури!

Я поднял глаза.

На меня с изумлением смотрел начальник ТЭЧ звена братской эскадрильи. Губы его дрожали, а глаза наливались мокротой:

- Борисыч! Да ты ж весь седой!

- А-а? - посмотрел я через него, куда то вдаль, медленно кивая головой, - Да-а....да. Да!

А затем встал и, шаркая ногами, побрёл в сторону палаток. Никого не хотелось ни видеть, ни слышать! Всё! Это был предел моих возможностей!

СТАРАЯ СУНЖА. ГОСПИТАЛЬ ЧЕЧЕНСКОГО «КРАСНОГО КРЕСТА».

18 августа. Задачу нашему экипажу поставили уже после обеда, когда на улице стояло самое пекло, и по большому счёту мы уже и не настраивались на полёты.

На аэродром приехала делегация Правительства Чеченской республики, во главе с заместителем председателя правительства Юнади Усамовым.

Чебыкин сразу вызвал нас с Андреем и, махнув в их сторону рукой, сказал:

- Ваши постоянные подопечные? Вот и возитесь с ними! Усамов хочет только ваш экипаж!

В ответ я только развёл руками, а Андрюха, отвернувшись в сторону, плюнул в землю.

Усамов был чем-то обеспокоен, но не встревал в наш разговор, стоя в сторонке со своей свитой, переминаясь с ноги на ногу.

Затем, подойдя ко мне и, крепко пожав руку, начал сходу:

- Станислав! - он всегда обращался ко мне вот так, почти дружески-официально, - У нас серьёзная проблема! В госпитале чеченского «КРАСНОГО КРЕСТА», на окраине Старой Сунжи, есть тяжелораненые гражданские, особенно дети, и врачи вышли на нас с просьбой срочно их эвакуировать в аэропорт «Северный»! Нельзя медлить, они очень тяжёлые! - с мольбой в глазах посмотрел он на меня.

Я, глубоко вздохнул и, посмотрел на Андрея, который так и стоял, отвернувшись от нас, явно расстроенный предстоящим полётом в самую жару, да и, в буквальном смысле слова - «в самое ПЕКЛО»!

Старая Сунжа находилась на самой окраине Грозного, в котором сейчас происходила страшнейшая «месиловка», и через этот посёлок был организован гуманитарный коридор для выхода гражданского населения, чтобы, минимизировать их потери в этой бойне!

Висящее в зените солнце яростно и безжалостно палило всё вокруг, нагревая воздух до температуры доменной печи!

Получив задачу на командном пункте мы, направились на стоянку.

Подходя к вертолёту, мы ещё издалека заметили, что Володя Мезенцев встречал подъезжающий задним ходом топливозаправщик, поднятыми руками указывая водителю траекторию заезда.

Я замахал ему руками, чтобы он задержался с заправкой. Володя был опытным мужиком и сразу понял мою команду, только лишь показав на висящие на запястье часы.

Прибавив шагу и подойдя ближе я, издалека начал:

- Володь! Какая сейчас заправка?

- Основная! Хотел плеснуть в дополнительную бочку! - вопросительно он посмотрел на меня.

- Всё-всё! Больше не надо! - замотал я головой, - Летим в Старую Сунжу, надо будет сделать пару рейсов по эвакуации раненых в аэропорт Северный Грозный! Это рядом!

- Понял! - кивнул борттехник, скрестив поднятые вверх руки, указывая водителю ТЗ, чтобы он ехал к следующему вертолёту, ожидающему заправки.

- Что? Сразу запускаемся? Или прикрытие будем ждать?

- Прикрытия не будет! Все «горбатые» на ударах! - махнул я в сторону Грозного, - Всё! Запускаемся! Там очень тяжёлые трёхсотые, в основном беженцы! КП-шники попросили поторопиться.

- А эти с нами? - кивнул он головой в сторону Усамова и пятерых чеченцев в милицейской форме.

Я молча развёл руками и пожал плечами.

Через десять минут, мы, молотя лопастями обжигающий воздух, подлетали на десятиметровой высоте к маленькому посёлку, затянутому серой дымкой от пожаров горящего Грозного.

В кабину протиснулся Усамов и, наклонившись ко мне, прокричал:

- Станислав! Госпиталь на южной окраине в поселковой школе, - указал он рукой на маленький, школьный стадиончик, - только повнимательней, там могут быть боевики!

Я удивлённо поднял брови!

- У них тоже, тяжёлые гражданские! Обещали, что не тронут! Надо выполнить задачу! Под нашу с тобой ответственность!

Я ещё больше удивился, про себя подумав:

- Вот зараза! «Под «нашу» с тобой.....»! Интересно девки пляшут! На аэродроме он промолчал, и скорее всего, сознательно, чтобы мы не отказались!

У них полная вакханалия, и как такового-то и Правительства нет, а всё ещё цепляются за несуществующую власть....да и не понятно над кем! - я опустил глаза и размял запотевшие ладони.

И уже вслух, с укором посмотрев на него, прокричал:

- Ладно! «Заходим»! На месте разберёмся!

Стадиончик был единственным местом, где можно было приземлиться. На его южной окраине, размещалась маленькая одноэтажная школа, над крышей которой развивался белый флаг с красным крестом. Школа и стадион были окружены плотной стеной тонких и высоченных южных тополей, метров так под двадцать-двадцать пять, и возможность зайти на посадку была только с одной, северной стороны. Благо, ветер был как раз по курсу захода и жаркий воздух в тот момент нам не был помехой. Но всю тяжесть ситуации мы поняли чуть позже, когда загрузились.

На стадионе нас уже встречало несколько человек, пара мужчин в гражданском одеянии и три-четыре в камуфляже, с автоматами за спиной.

Но, как только мы приземлились, и рассмотрели повнимательней этих, в камуфляже, у меня похолодело внутри!

Зелёные повязки на головах, с арабской вязью на них, нам чётко дали понять - кто перед нами. Ещё несколько таких же вояк в камуфляже и полной боевой загрузке, с ручными гранатомётами РПГ-7 направленными в нашу сторону стояли за ближайшим углом школы, внимательно следя за нами.

Юнади, проворно выскочив из вертолёта на согнутых в коленях ногах, быстро подбежал к ним и, традиционно обняв каждого, замахал в сторону вертолёта, продолжая жестикулировать и размахивать руками, как ветряная мельница.

Те, пригнувшись к нему, только закивали головами и, развернувшись в сторону госпиталя, замахали руками, показывая, что можно загружаться.

Не выключаясь, мы стали ждать, пока к вертолёту начали выносить носилки.

Первой принесли женщину, перебинтованную с ног до головы, ещё несколько человек передвигались самостоятельно, придерживаемые сопровождающими. Картина была удручающая!

Ладно, военные! Но эти-то при чём?

Но жестокость военной действительности, особенно в условиях гражданской войны, не оставляла никаких шансов для мирного населения. Особенно в условиях ведения боевых действий в городах и посёлках, где ровняли с землёй дома, больницы, школы, предприятия не разбираясь - есть ли кто там!

Мои тяжёлые мысли прервали тихие слова Андрея Васьковского, с шуршанием донёсшиеся из наушников шлемофона:

- Бори-исыч! А мы ..... под прицелом!

Андрюха сидел, не шевелясь, вжавшись в спинку кресла, медленно вворачивая запал в гранату Ф-1.

Я проследил за его взглядом. Он смотрел на небольшую пристройку к зданию школы, находящуюся от нас в метрах пятидесяти.

- Где? Что-т я не вижу!

Продолжая вжиматься в спинку, как будто пытаясь спрятаться, Андрюха, сжав зубы, процедил:

- На чердаке.....

Я перевёл взгляд на темнеющее окно чердака и, моё сердце зажалось в кулачок! В его проёме отчетливо был виден силуэт человека с вжатым в плечо прикладом снайперской винтовки, направленной на нашу кабину. Я спинным мозгом почувствовал перекрестие его оптического прицела на своём лбу. Захотелось медленно сползти, стечь жидкой ртутью куда-нибудь вниз под пол вертолёта, но мы сидели пристёгнутые ремнями к креслам и не могли даже пригнуться за приборные доски, наивно полагая, что они могли бы сдержать тяжёлую пулю СВД, да ещё и пущенную почти в упор!

Задержав дыхание, мы сидели, не шевелясь и, ждали своей незавидной участи. В любую секунду ствол мог изрыгнуть из себя почти десять граммов свинца со стальным сердечником, которые со скоростью 830 метров в секунду преодолели бы это расстояние за доли секунды и, как говорится - «Мы бы даже ойкнуть не успели»!

Боковым зрением я видел, как возле трапа суетится с загрузкой Володя, весь поглощенный выполнением своих обязанностей, аккуратно подавая носилки в проём входной двери. В голове мелькнуло:

- Ведь если стрелок начнёт палить, бортач даже не поймёт, что произойдёт! «Всё закончится мгновенно»!

В эти секунды так захотелось домой!

- Да на хрена нам всё это надо? Господи! Протяни свою руку! Закрой нас!

Силуэт стрелка медленно углубился внутрь чернеющего проёма, а затем вообще исчез. Юнади продолжал разговаривать с встречающими, которые с интересом рассматривали вертолёт, в их глазах отчётливо, просматривались искорки ненависти. А затем они и вовсе помчались к вертолёту и начали забираться по трапу внутрь. Но каких либо агрессивных действий они не предпринимали, поэтому мы, сидя молча, первый раз смогли вздохнуть полной грудью, каждый переваривая в голове произошедшие минуту назад события. По спине стекали капли холодного пота.

В проеме кабины появилась, мокрая голова бортового техника. На его красном лице белыми бляшками с пятирублёвую монету блестели удивлённые глаза, которые глядели на наши бледные лица.

- Командир! Загрузились, можно взлетать!

- Володя! Сколько раненых? - повернулся я к нему.

Он сначала оглянулся назад, а потом, с трудом сдерживая изумление, продолжил: - Да хрен его знает, но в вертолёте уже даже стоять негде!

- Вовка! Ты чё! Да мы ж не взлетим!

- А что я мог сделать? Они принесли са-амых тяжёлых! Что мне их, обратно было заворачивать? Да ещё эти налезли! А у них вообще «аргументы» за плечами непререкаемые!

Я повернулся и попытался посмотреть через его плечо в грузовую кабину, но ничего не смог разобрать - людей там было так много, что увиденное мне сразу напомнило трамвай в «час-пик».

Посмотрев с грустью в глаза своего экипажа и пожав плечами я, стал готовиться к взлёту, плавно выводя шаг-газом двигатели на взлётный режим.

В наушниках раздался взволнованный голос Андрея:

- Стой! Стой! Борисыч! Какой-то мужик бежит и машет. Вон, из госпиталя! - указал он пальцем на бегущего седого мужчину в белом халате с огромными пятнами крови.

Мезенцев встал и, с трудом протиснувшись через стоящих у выхода вооружённых людей, открыл сдвижную дверь и спрыгнул на землю.

Мужчина подбежал к нему и стал что-то кричать на ухо, размахивая руками и показывая в направлении госпиталя.

Володя кивнул и быстрым шагом подошёл к открытому проёму моего блистера. Я наклонился к нему и, через шум винтов, услышал:

- Командир! Просят пять минут подождать! Заканчивают операцию, надо взять ещё двоих, о-очень тяжёлых!

Я с изумлением посмотрел на бортового техника, затем в грузовую кабину, но тот, поняв мой немой вопрос, только склонил голову и развёл руками. Мужик в белом халате уже бежал обратно, ботинками поднимая серую пыль с вытоптанной поверхности стадиончика.

Мы с Андрюхой взглянули друг другу в глаза и только пожали плечами.

Откинувшись на спинки кресел, стали ждать. Может за это время и топливо подвыработаем. Всё будет легче взлетать.

Я с тоской уставился в приборы и погрузился в тяжёлые мысли, изредка бросая взгляд на пустое, чернеющее оконце чердака.

Через несколько минут мои размышления прервала громкая фраза Андрюхи:

- Ох, ты ж..... Борисыч! Смотри!

Я посмотрел в то направление, куда показал лётчик-штурман и, у меня в груди всё похолодело!

К вертолёту медленно вели, бережно придерживая за талию, молодую женщину, даже скорее девчонку. Руки её были перебинтованы и привязаны к раскинутым в стороны медицинским шинам, а рядом с ней, припадая на одну ножку, семенила, держась за окровавленный подол её юбки, маленькая девочка лет трёх, с перебинтованной головкой и грудью.

У меня помутнело в глазах, дыхание остановилось.

Маленькая девочка, с диким ужасом в глазах смотрела то на меня, то на ревущий вертолёт, и с неохотой, цепляясь за мамку, приближалась к машине. В её широко раскрытых глазках было столько ужаса и боли, что мне стало ещё страшнее, чем с тем снайпером! Я уже хотел унестись, убежать отсюда, чтобы не видеть всё это!

Подойдя к приставленному трапу, первой стали поднимать молодую женщину. Девочка, как в ступоре, стояла рядом с моим блистером, запрокинув назад головку и смотря на меня в упор своими карими глазками.

В эти секунды я, наверное, думал её детским разумом:

- Вот стоит огромная ревущая, железная птица, которая совсем недавно пролетая над её двориком, выбросила из себя огонь и, мне стало очень больно, и мамочка, нелепо вскинув руками, осела рядом на землю. А потом какие-то дяди на руках меня принесли в ту школу и сделали мне больно укольчиком!

Я ещё мгновение смотрел на это маленькое создание, а затем всё.....

Мои нервы не выдержали! Глядя через открытый блистер в её бусинки-глазёнки я, до скрежета сжав зубы, заплакал.

В пелене слёз отчётливо проступал образ Богородицы с младенцем!

Наверное, эти глазёнки, на всю жизнь стали мне ПРИГОВОРОМ! Они нет-нет да всплывают из памяти, обжигая моё сознание той болью и ужасом, которые в тот момент испытал маленький беззащитный ребёнок!

Хлопнула закрываемая сдвижная дверь, на своё кресло плюхнулся бортовой техник, руками показывая, что можно взлетать.

Я потряс головой. Надо было собраться!

Отвернувшись в сторону я, тихо рукавом, вытер слёзы. Сделав несколько глубоких вдохов и ещё раз, помотав головой, посмотрел на экипаж. Им тоже было не легче! Они молча сидели и смотрели на меня. В их глазах было не меньше печали.

Глядя на высоченные тополя, стоящие впереди, по курсу взлёта я понял, что с такой загрузкой мы их не перетянем. Сзади же было открытое место, но сразу за стадионом начинались крыши хоть и не высоких, но жилых домов. То есть рассчитывать на взлёт мы могли с курсом, обратным посадочному, а это означало, что и с попутным ветром, да ещё и в жарищу!

Делать было нечего! Надо пробовать взлететь.

Я прекрасно понимал, что у нас будет только один шанс использовать всю мощность движков и сразу, сходу взлетать, потому что потом топливная автоматика начала бы «срезать» мощность двигателей по температуре. В ответ на мой немой вопрос Володя Мезенцев только кивнул. Он знал что делал! Два «Афгана» - это огромнейший опыт! Да и свою машину он знал как себя. Даже лучше!

- Ладно! Поехали!

Плавненько, но с ускорением я потянул шаг-газ. Вертолёт, как неуклюжий слон, закачавшись, оторвал колёса. Движки своим воем показали, что они уже на грани своих возможностей. Левую педаль толкнул до упора и, тем самым разгрузив рулевой винт, разворачивая вертолёт на 180 градусов, аккуратно толкнув ручку управления вперёд я, начал разгонять вертолет в нескольких сантиметрах у земли, максимально используя воздушную подушку, создаваемую отбрасываемым несущим винтом воздухом.

Машина, с неохотой опустив нос, начала разгоняться. Лопасти с натугой «встали тюльпанчиком». Открытое поле стадиончика быстро закончилось и, под брюхом вертолёта сначала пронёсся невысокий забор, а затем начался коротенький огород, переходящей в стену и крышу небольшого домика.

Машину трясло как в агонии, но она всё же медленно набирала скорость, по сантиметрам набирая высоту. Приближалась крыша, покрытая серым, с чёрными пятнами гнилости, шифером.

В голове пронеслась одна мысль:

- Вот только её перетянуть, и всё! Дальше будет легче! Машина наберёт скорость. Главное - ей не мешать!

И тут я заметил, как по этой крыше, распластав в стороны руки и ноги, на спине сползает вниз старичок, наверное, сидевший и смотревший, как мы загружались.

Борт, опустив нос и натужно молотя лопастями, нёсся прямо на него.

Все шесть наших глаз уставились на деда, а он, видя, как многотонная ревущая машина несётся прямо в его дом, замер.

Через секунду, борт, медленно покачиваясь с бока на бок, пронёсся над ним буквально в метре.

Ну а дальше, как я и рассчитал, он набрал необходимую скорость и, мы уже более спокойно полетели в сторону находящегося в трёх километрах аэропорта Северный Грозный.

И уже через пару минут мы, облегчённо выдохнув, заходили на посадку на широкую бетонную полосу аэропорта.

У останков здания аэровокзала уже стояли, видавшие виды, кареты скорой помощи, старенькие и потрёпанные «РАФ-ики». Рядом с ними находилась группа людей в сером камуфляже и черных «рюкзаках-разгрузках», с автоматами на груди. Скорее всего, они и ждали раненых. К ним мы и подрулили.

После выключения двигателей ко мне подошел черный и смуглый боец из этой группы встречающих и молча пожал руку, а затем с чеченским акцентом продолжил:

- Спасибо командир! Спасибо за наших женщин и стариков, которых вы спасли!

И хотя в глазах у него я заметил совсем другие искорки, в ответ ему я тоже крепко пожал руку и, молча развернувшись, вернулся на вертолёт. Возле него уже суетились санитары с носилками и какие-то журналюги с фотоаппаратами.

Усамов, со своей свитой, быстро куда-то умчался.

Ну а я, не стал вдаваться в подробности и выяснять кто они такие, лишь только подошел к Володе Мезенцеву.

- Ну что Володь? Ты посчитал, сколько перевезли народу?

Мезенцев, вытирая ветошью руки и глядя в сторону отрешённо произнёс:

- Сорок семь!

- Ско-олько? - мои глаза округлились.

- Сорок семь! - повернулся он ко мне, глядя куда-то вдаль, через меня.

В лёгких возник небольшой спазм.

Я не стал выговаривать Володе ничего! Мы долетели! Не знаю как, но долетели!

Но самое главное! Эта маленькая девочка.... Она будет жить! И надеюсь - не будет вспоминать эту ревущую «страшную птицу», со свистом разрывающую лопастями воздух, сначала прилетевшую стрелять и убивать, а потом, вдруг севшую на её любимое место прогулок, футбольное поле, и забравшую её и маму, нежно и бережно перенеся к «дядям в белых халатах»!

К нам подошел тот же молодой чеченец:

- Ребят! Ещё раз большое спасибо за наших! Можете возвращаться на базу!

- А как же второй рейс?

Он покачал головой:

- Вы вывезли всех «тяжёлых»! Сейчас там начался бой! Остальных мы вывезем по земле, когда он закончится.

Я опустил глаза и кивнул головой.

Через неделю, когда наступило относительное затишье, мы выполняли очередную задачу по перевозке Президента Чеченской республики Доку Гапуровича Завгаева, резиденция которого как раз находилась в аэропорту

Северный Грозный. Ожидая вылета у своего вертолёта, мы с Андреем сидели под его брюхом, изнывая от жары.

У здания аэровокзала на корточках сидела группа всё тех же чеченцев в сером камуфляже с оружием в руках. Через какое то время от неё отделился и подошел к нам чеченец.

Я узнал его. Это был тот самый боец, который встречал нас тогда с ранеными.

Он протянул мне руку и, мы поздоровались.

- Здравствуй командир! Неожиданная встреча!

- Ну как, у вас тогда всё получилось? Остальных эвакуировали?

- Да! - кивнул он головой, - Мы вывезли всех! Да и вам ещё раз огромное спасибо!

Затем, после небольшой паузы:

- Да! Кстати, командир, у меня для тебя есть маленький подарок! - и он полез во внутренний карман формы, достав оттуда сложенную в несколько раз газету, - Держи на память!

Я взял из его рук газету и развернул. Это была местная газета «Маршонан Новкъахь» на чеченском языке. На первой странице, самая передовая статья была посвящена недавним событиям, когда «российские лётчики спасли тяжелораненых чеченских беженцев, эвакуировав их из района боевых действий». В самом центре была размещена фотография нашего вертолёта и бойцов в сером камуфляже, несущих носилки с тяжело раненой женщиной.

- Тебя как зовут, командир? - чеченец протянул руку и взял у меня газету.

- Стас! - с небольшим удивлением ответил я, не понимая, что он хочет сделать.

Но он достал из кармана шариковую ручку, присел на корточки, положив газету на колено, и начал что-то писать на фотографии. Закончив, он протянул мне газету, пожал руку, развернулся и не спеша пошел к зданию аэровокзала.

Я развернул газету и посмотрел на запись. Мелким почерком было написано две строчки – «Стас езжай домой! Аллаху-Акбар. На память Стасу от чеченских боевиков». Я сохранил эту фотку, газета, конечно же, потрепалась, а вот её я вырезал и храню.

САША АКСЁНОВ

С Сашей Аксёновым мы познакомились в уже далёкие девяностые годы, в самом их начале, на аэродроме Обор, где проходила подготовка дальневосточных вертолетчиков, как на повышение классной квалификации, так и к командировкам в различные «горячие точки», ну и ко многому другому, и куда на всевозможные сборы собирались все перспективные вертолетчики.

Сначала наше знакомство носило такой, так сказать, товарищеский характер. Саша служил в далеком дальневосточном гарнизоне «Средне-Белое», в Амурской области и летал на вертолетах Ми-24.

Мне очень импонировал этот простой и добрейшей души человек, да ещё и обладающий шикарным баритоном. Это уже потом наши отношения переросли в дружеские, когда мы повстречались на очередных сборах.

Ну а в Чечне, мы встретились уже как старые, добрые, закадычные друзья. И так уж получилось что, Саша был практически всю нашу боевую командировку моим «прикрытием». Чаще всех, боевая пара, в состав которой он входил, «висела у меня на хвосте», прикрывая мой «тыл», а в «случае чего» и готовая подсесть и забрать нас.

Наш экипаж, как ошалелый, носился по всей Чечне, а следом, как ниточка за иголочкой, носилась пара двадцатьчетвёрок, под командованием Николая Владимировича Крутикова со своим ведомым Саней Аксёновым, которого уже тогда все, «за глаза», называли Юричем. И в какие бы дебри мы не залазили, Саня всегда «висел» надо мной пока мы делали свою работу.

Конечно же тяжелым, да ещё и с «убитыми» движками, «двадцатьчетвёркам» тяжелее всего было прикрывать нас в горах. Разреженный воздух, узкие ущелья и высокие температуры наружного воздуха, делали их менее манёвренными. Но уж зато на равнине, они «отрывались» как молодые рысаки, показывая чудеса изворотливости и мощи!

Как-то раз мы доставили очередную группу вояк из «арбатского военного округа» с большими погонами, в новенькой, ещё хрустящей «мабуте», на площадку под Шали. По их важным лицам можно было однозначно предположить, что они прилетели с о-очень серьёзной проверкой готовности группировки войск, «расквартированной» в полях между Старыми Атагами и Шали, к ведению боевых действий.

Непонятно, почему они не хотели слетать в Курчалой, Шатой, ну или на худой конец в поля под Бамут. Видно здесь было «намазано» чем-то другим, да и обстреливали здесь меньше. Но мы-то все понимали, что цель их приезда в краткосрочную командировку была другой, как у нас говорили - «за справками».

Езды на машине от Грозного до этой площадки 30 километров, это максимум час, а лёту вообще не больше 5 — 7 минут, но воздухом «они считали» безопасней.

Уже через шесть минут после взлёта с Ханкалы, мы сходу зашли и сели на площадку «Шали». Пехота сделала её большой и удобной, обваловав и обложив ящиками из под снарядов в простреливаемых секторах, и вдобавок какие-то приколисты установили на её краю большой щит с надписью «ШАЛИМЕТЬЕВО-3».

Пара Крутиков — Аксёнов, как положено, пролетела над нами на высоте 15 метров, убедившись, что все в порядке, и привычным движением начала барражировать своей любимой «восьмёркой», то и дело ныряя в овраги и за лесополосы. Ведомый, на установленной в таких случаях дистанции, как хвостик носился следом повторяя все манёвры ведущего и прикрывая его сзади.

В радиусе 1,5 - 2 километров от площадки было раскидано множество палаток и закопано большое количество техники и вооружения.

Сразу за её восточным краем начиналась служебная зона со штабными палатками и палаткой-столовой, возле которой уже вовсю суетились бойчишки, в нелепо смотрящихся в этой обстановке белых курточках и колпаках.

В кабину протиснулся краснолицый полковник, наклонившись и дыхнув в меня свежим перегаром, прокричал:

Командир! Выключаемся! Мы должны здесь поработать пару часиков.

Я удивлённо посмотрел на него.

- У меня такой задачи не было! Только доставка вас сюда, и на «точку»!

Полковник, округлив глаза, и явно не желая задерживаться надолго, закрутил головой:

- Не, не, не! Надо выключаться!

В ответ уже я замотал головой, подняв указательный палец и давая ему понять, что должен уточнить задачу у руководства.

Тот быстро закивал.

- Звучание! Я 711-й! - запросил я командный пункт группировки.

- На приёме, «Звучание! - заскрипел знакомый голос майора Загорулько.

- «Звучание»! Я 711-й! Пассажиры просят стоянку два часа! Что мне делать с «прикрытием»?

- Минуточку! - ответили с КП.

- 711-й! Командир ставит задачу, стоянка не более 50 минут, «прикрытие» с вами!

- Понял «Звучание»! «Прикрытие» с нами! На связь через 50 минут! ..... «423-й»?..... «четыреста двадцать третий»?.... Владимирыч! Слышал?

- Да слышал, слышал! - ответил Крутиков.

И затем уже пророкотал Аксёнов, - Не переживай! Топлива хватит!

Я повернулся к красному отёкшему лицу полковника:

- Товарищ полковник! По команде КП у меня через 50 минут взлёт! Успеете, полетите со мной! Нет — БТРом обратно!

Полковник многозначительно взглотнул и покраснев ещё сильнее, только закивал и быстро выскочил за своей, ковылявшей в сторону столовой, «боевой группой».

Андрюха цыкнув в кулачок и отвернувшись, стал выключать своё оборудование, готовясь к выключению.

Я тоже, еле сдерживая смех, кивнул бортачу, чтобы тот готовился к выключению двигателей.

- Владимирыч! Юрич! Выключаюсь! Буду на связи. Запуск через сорок минут. Если не хотите мотыляться, можете где-нибудь рядом в поле подсесть!

- Ага! Спасибо! Добрый ты! - пророкотал Аксёнов, - тут вокруг одни минные поля!

- Ладно! Не зубоскаль! - рассмеялся я, - Я ж хотел «облегчить» вашу участь!

- Ты лучше у них в столовке хлеба ихнего возьми! Уж очень он у них вкусный!

- Ладно, возьму!

Выключив двигатели, мы вышли на свежий воздух. Как раз в это время на площадку подошёл наш авианаводчик, который здесь исполнял обязанности руководителя полётами. Мы пожали друг другу руки.

Блин! Как они уже достали, эти потенциальные «Герои России»! - покачал головой коллега, прикуривая сигарету, - Сейчас поквасят в столовке, поставят печати в командировочные, и опять на «Арбат», писать наградные!

- Да ладно! «Кому война, а кому мать родна!» - хихикнул привычно Андрюха.

- Да ну их! Один геммор! Их бы на «броню», да просто в соседнее Шали, хотя бы за сигаретами съездить. Так они тут войсковую операцию устроят! А что, ваша «прикрышка» так и будет здесь круги наматывать? Вы вообще надолго?

- Ну-у они вообще хотели на «пару часов»! - усмехнулся я.

Авианаводчик поднял брови, и поняв сарказм, рассмеялся.

- КП нам выделило пятьдесят минут!

- Мужики! Может вы их пораньше «эвакуируете»? - состроил умоляющую гримасу коллега.

- Ну-у, если вашим вкуснейшим хлебом наше «прикрытие» накормите, то может и пораньше слиняем! - рассмеялся я, посмотрев на промчавшуюся в пятидесяти метрах пару хищных бронированных тел.

- Щас сделаем! - с готовностью подскочил авианаводчик, и махнул рукой какому-то запылённому, в мешковатом бушлате, бойчишке.

Перекинувшись парой фраз с авианаводчиком, бойчишка шмыгнул за угол столовки.

- Сейчас всё будет в «ажуре»! - улыбаясь потёр он руки.

Я кивнул головой.

- Так может это...., - смачно затянувшись и хитро улыбаясь, запрокинул голову авианаводчик, - Вдруг там «бородатые», растяжки в лесополосе ставят, а у нас «прикрытие» без дела! - расплылся он в улыбке, - А тут вон сразу столько наградных из «пальца надо высасывать»! Может поможем «подвиги совершить»? - уже откровенно рассмеялся он.

Я сразу понял его замысел.

Не спеша, я поднялся в кабину и включил радио:

- «423-й», я «711-й»!

- На приеме земля!

- Тут пехота «жалуется» что, в неконтролируемой лесополосе....., - я покрутил головой, в поисках подходящей, подальше от селений, лесополосы, - «Духи» минируют подходы и снайперы балуются! Три километра северо-восточнее Новых Атагов.

Крутиков, скорее всего, тоже понял нашу «задумку», крутанул пару глубоких виражей в том месте:

- Да! Наблюдаю! Работаем! .....Ведомый!..... «Карусель»! - дал он команду ведомому.

Владимирыч, в развороте нырнул за противоположную лесополосу, Саша Аксёнов повторил маневр. Всё вокруг как то разом стихло.

Что такое тишина на войне, мы уже все прочувствовали!

Прошло, как показалось, долгих и тягучих три минуты. На восточном горизонте, сначала появилось тонкое хищное тело «двадцатьчетвёрки» ведущего, с большим углом тангажа задравшего нос, набирающего высоту перед атакой.

Тонкое ревущее тело с короткими крылышками, и впрямь напоминающее крокодила, опустив нос, помчалось к земле.

- «Рррры..ррры...ррыыыыыы» - разорвался воздух. Тонкие струйки металла изрыгнулись из носового пулемёта ведущего и, струясь, понеслись в направлении указанной лесополосы. На выходе из атаки, из хищного тела в разные стороны, веером посыпались ярко горящие шарики «АСОшек» с тонкими дымными следами.

- «Ды-ды-ды» - зарокотала в ответ спаренная тридцатимиллиметровая пушка. Ведомый в точности повторил манёвр и атаку ведущего.

Небо заволокло белёсой дымкой. Пара встала в «карусель»!

Незабываемое зрелище! Хищные тела «двадцатьчетвёрок», в этой ситуации больше смахивали на мурен. Взмывая и падая, изворачиваясь и стреляя, просто «ТАНЦЕВАЛИ» в небе! От такой картинки у кого хочешь дух могло захватить!

Мы и сами, уже привыкшие к таким сюжетам, с восхищением смотрели на работу коллег!

Ухающие разрывы «НАРов» в лесополосе резко «ставили на дыбы» разгорячённый воздух!

Вся ближайшая округа повысыпала из палаток, заскочила на обвалования, башни своих БМП, танков и САУшек. Молодой бойчишка, с голым торсом, забравшись на высокий ствол «МСТа», намахивал свободной рукой и подвывал - «Вау-вау-вау»!

Рокот натужно работающих, на форсированных виражах, лопастей и грохот разрывов заполнил всё пространство над расположением 166 мотострелковой бригады.

Через десять минут хорошей работы Саня Аксёнов пронёсся над нами на высоте метров десять, завалив приличный крен, да так, что мы смогли рассмотреть его здоровенное тело в зелёной армейской майке, с пятном пота на груди, притянутый ремнями к бронированному креслу, с неизменной сигаретой в зубах и с шикарной ухмылкой, которой мог улыбаться только Юрич!

Саня качнув пилонами, посмотрел на нас: — Ну чё! Так сойдёт?

Бригада вокруг неистовствовала!

Через мгновение возле нас вырос, прерывисто дыша, всё тот же полковник с красными на выкате глазами: — Командир! А что случилось?

- По докладу прикрытия, в лесополосе, — я направил руку на дымящуюся кромку леса, — Была замечена концентрация большого количества людей с тяжёлым вооружением! На условные сигналы не отвечали. Было принято решение нанести упреждающий удар.

- Так может это...ииикк, - громко икнул полковник, от провалившейся недожёванной закуси, но скорее от страха, - Может объявить тревогу?

За его спиной я увидел приближающуюся в режиме спортивной ходьбы горекомиссию и в замыкании уставшего, но улыбающегося комбрига.

Старый волчара сразу просёк задумку летунов, одобрив её широченной улыбкой.

- Да нет! Думаю тут и одного борта бы хватило!

Авианаводчик, всматриваясь в горизонт, пытаясь отыскать пару и еле сдерживая улыбку, нёс всякую чушь в прижатую к губам тангенту радиостанции, и явно не нажимая кнопку выхода в эфир, изображал «типа руководство» авиаударом.

- 423-й! Доворот на курс сорок пять, цель пятнадцать, упреждение десять, дальность девятьсот, режим шесть, работу разрешаю!

Андрюха, отвернувшись от подошедшей запыхавшейся группы, мелкими шагами отходил от вертолета, держась за живот.

- Командир! Что происходит? — обратился ко мне другой тучный полковник, пытаясь вытереть пот с шеи, нелепо закинув руку с платком и явно не способный дотянуться до неё из-за заплывшего предплечья.

- Тарщщ полковник! — вытянулся я, и повторил доклад, произнесённый минутой ранее, изобразив умно-преданное лицо и сжав губы, чтобы не рассмеяться.

- Комбриг, явно подыгрывая нам, тоже вытянулся по стойке «Смирно» и медленно, с лёгкими паузами произнёс — Товарищ полковник! Готов принять ваши указания по выполнению боевой задачи с целью блокирования и уничтожения обнаруженной бандгруппы!

- Не-не! Думаю, вы здесь сами справитесь! - закрутил он головой, - У членов комиссии есть вопросы, предложения к комбригу? - повернулся он к тесно скучковавшимся подчинённым.

Те только быстро закрутили головами, смотря на выскочившую из русла реки Басс и набирающую высоту для нанесения удара пару боевых вертолетов.

- Тогда все на борт! - махнул в сторону вертолета полковник, - Надо ещё в группировке с «Актом проверки» поработать, подправи.....

- «Рррыы..ррыы...ррыыыыыы» - заглушил его фразу носовой пулемёт ведущего, и следом - «Ды-ды-ды» - вставил ведомый.

Быстро заняв рабочие места в кабине, я доложил в эфир: - Задача выполнена, хлебушек на борту. Запускаемся!

- Хе-хе, быстро же вы! - рассмеялся в эфир Коля Бугай, лётчик-оператор Крутикова.

- Вашими стараниями! Юрич своим нижним бельём распугал всю округу! - вставил я любимую фразу из фильма «В бой идут одни старики»!

Производя взлёт я махнул рукой авианаводчику и стоящему рядом комбригу.

Бывалый полковник только зажав ладони, поднял их вверх и изобразил рукопожатие, расплывшись в улыбке от уха до уха.

После выключения в Ханкале к борту, не спеша, подошёл Юрий Николаевич Чебыкин, для встречи «высокого» начальства. Но те, как пробка из бутылки, повыскакивали из вертолёта, спотыкаясь на приставленной стремянке, запрыгнули в ожидающие их УАЗики и запылили в сторону выезда с авиабазы.

Чебыкин удивлённо поднял брови, - Эт чё было? - и посмотрел в сторону удаляющегося «боевого подразделения».

Юрий Николаевич! Да мы .... это... когда выключились, подошла местная пехота и пожаловалась на беспокоящий их сектор в районе Атагов, - еле сдерживал я смех, - ну мы и-иии ..... это.....нае..... - поднял я руку вверх и резко опустил.

Чебыкин расплылся в улыбке, скорее всего все поняв, глубоко вздохнул и покачав головой только произнёс - Штинов! Ээ-э...у-уу...Уйди! Уйди с глаз моих долой!

Я же, не сдерживая смех, закинув за спину автомат пошёл к своему, только что зарулившему прикрытию, прихватив пакет с ещё горячим свежеиспеченным хлебом.

И после того как я рассказал, что же происходило на площадке, мы до самого вечера обсуждали с Саней их работу и смеялись над этой банальной, и к сожалению частой, ситуацией.

Следующий день Чебыкин дал возможность отдохнуть нашим экипажам, и мы воспользовались шансом хоть немножечко выспаться, отмыться и постираться. Утро было расписано поминутно, от постирушек формы, до приготовления хорошего домашнего обеда! Но наши организмы, привыкшие к ранним подъёмам, подняли нас «ни свет ни заря»!

Бестолково пошарахавшись по пустому модулю, т.к. все уже были на аэродроме, мы решили с Юричем испить крепкого чайку.

После хорошего контрастного душа с ледянючей водой, кружечка крепкого чая была в самый раз.

Удобно расположившись на наших панцирных солдатских кроватях мы приступили к чаепитию.

- Слушай Юрич! Как бы мне полетать на твоём Ми-24?

- А ты вообще когда-нибудь на нём летал?

- Ну, было дело, один раз в Афганистане, в операторской кабине, прокатили меня на прикрытие заходящих на посадку самолётов. А хотелось бы так, по-нормальному, с командирской чашки!

- Ну не знаю, давай попробуем! Только ты, для начала поучи инструкцию экипажу, мне её расскажешь, потренируешься в запуске и выключении, а потом посмотрим!

Я с готовностью приступил к штудированию, выданной мне Сашей, инструкции экипажу вертолёта Ми-24 и к обеду я, уже довольно таки сносно, объяснил ему порядок запуска и выключения вертолёта.

Наступил полдень и мы вышли с Саней на крылечко перекурить.

Резкие звуки взрывов и автоматных очередей, прозвучавших совсем рядом, буквально в пятистах метрах от модулей, стали для нас большой неожиданностью. Над головами, из-за крыши в сторону аэродрома прострекотали «сверчки». Мы с Саней интуитивно втянули шеи и присели.

- Ух ёптить это что было? - закрутил головой Юрич.

- Кажись обстрел!

Шум недалёкого боя стал усиливаться.

- Ну, вот и отдохнули! Надо рвать отсюда подобру-поздорову на аэродром.

Мы быстро вскочили в свои, так и не постиранные, комбинезоны захватили всю свою амуницию и, вприпрыжку кинулись на аэродром. Грохот разрастающегося боя на станции Ханкала остался у нас за спиной.

Уже в который раз мы убедились, что на аэродроме, хоть и в необустроенных палатках, но было спокойней и безопасней.

- О-о, Юрич! Может как раз пойдём и потренируемся в кабине твоего зверя!

- А что, давай! Что время зря терять! Может завтра и слетаем.

Канонада боя на ж.д. станции Ханкала постепенно угасла и к полудню окончательно стихла. Ну а мы с Саней провели остаток дня в кабине его «двадцатьчетвёрочки».

Юрич терпеливо, стоя у меня за спиной в тесной грузовой кабине этого летающего танка, раз за разом заставлял меня отрабатывать действия по запуску-выключению вертолёта, порядку действий в особых и аварийных ситуациях, правильному распределению внимания и ведению осмотрительности, работе с вооружением.

Солнышко тихонечко катилась к закату и мы, уже вконец обессиленные вечером вывалились из вертолёта.

Юрич присел на полочку откидной створки грузового люка и прикурил сигарету. Ну что, в принципе получилось всё неплохо и я, так думаю, к завтрашнему полёту ты готов!

- Уф! - выдохнул я, - Башка аж гудит! Утречком ещё пробегусь по инструкции, ну и можно будет завтра уверенно слетать! Как думаешь, получится?

- Да, конечно, все получится! Всё ты делал правильно, грамотно. Я думаю, все будет хорошо!

Но следующее утро, как всегда, внесло свои коррективы.

У Николая Владимировича Крутикова прихватило спину, и ведущим пары у Сани Аксёнова назначили Александра Дмитриевича Попкова. Это тоже был опытнейший пилотяга, успевший повоевать в Афганистане.

«Митрич», как его ещё называли подчинённые, обладал отличительной особенностью от всех остальных. Его постоянно «колбасило»! Голова его через каждые пару секунд дёргалась вправо, с одновременным шмыганье носом и подкидывание левого плеча вверх. Со стороны это выглядело как будто какой то кукловод дёргал за его невидимые верёвочки. И это, с его слов, было последствием войны в Афганистане!

И теперь уже паре Попков—Аксёнов, с утра, была поставлена задача, вылететь на прикрытие большой армейской колонны, которая выдвигалась с Грозного в Шелковской район, на станцию Червлёная, и которая должна была беспрепятственно пересечь Терский хребет.

А это означало, что барражировать паре над колонной придётся до полной выработки топлива, часа полтора — два.

Ну а мне так это было в самый раз, представилась возможность вдоволь напилотироваться новым для меня вертолётом.

Я, по команде Юрича, быстро прошмыгнул в кабину его боевого коня, чтобы как можно меньше авиационной братии на стоянке видели меня, а он, так же быстро занял своё место в передней операторской кабине.

Рим Назмутдинов, лётчик-оператор Саши Аксёнова, тоже быстренько заскочил в грузовую кабину, закрыв за собой створки, и занял место в небольшом узком проходе позади моего кресла, подстраховывая меня в моих действиях.

Времени уже не было, вертолёт ведущего на соседней стоянке запускался, и действовать нужно было быстро.

Юрич, по СПУ (бортовое переговорное устройство) подсказывал мне мои действия, добавляя - Давай-давай! Быстрее!

Я засуетился, глаза разбежались, предательские капельки пота потекли по спине.

- Блин! Всё же с утра «прогнал» в памяти, - но в условиях спешки все мысли перепутались, руки беспорядочно искали необходимые выключатели, - Как бы «не дать пены»!

Юрич понял моё положение, и только рявкнул: - Тихо! Успокоился!

Я, на мгновение, откинулся на спинку кресла, выдохнул.

- Так! АЗСы и выключатели справа - налево, далее секундомер, кнопка запуска! - всё кажись пошло, я начал успокаиваться и действовать уже увереннее.

Лопасти несущего винта сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее начали набирать обороты, вертолёт непривычно стал раскачиваться с борта на борт.

- Ух ты, как интересно! Такой особенности я не знал!

Колея «двадцатьчетвёрки» была меньше чем у Ми-8, и она «охотнее» отзывалась на первоначальный разновес начинающего набирать обороты конуса несущего винта. Но как только обороты винта перешли в режим «малого газа», раскачка ушла и машина встала «как вкопанная». Непривычным было и урчание короткого несущего винта, обороты которого были чуть больше чем у «восьмёрки».

- Так, ладно! Отвлёкся! Саня! Что дальше?

Юрич продиктовал последовательность дальнейших действий и я, выполнив всё в точности, отпустив гашетку тормозов колёс и помахав стоявшим в отдалении техникам, стал догонять уже выруливающий на взлётно-посадочную полосу борт ведущего.

Попков, явно рассчитывающий на опытного Аксёнова, уже запрашивал у РП разрешение для пары на контрольное висение и взлёт, а я ещё только «аккуратничал» на магистральной рулёжке.

- Так, Стас! Давай-ка тут я поработаю, а уж в полёте отдам управление тебе, - Аксёнов не выдержал первым, - А то у Митрича есть ещё одна «особенность»! Не любит он летать ведущим, когда у него кто-то висит на хвосте. Сейчас «убежит», хрен догоним!

Я с облегчением отдал управление и, мягко держась за него, стал запоминать особенности пилотирования этого хищного и мощного аппарата.

Саня плавно, но быстро оторвал вертолёт от полосы, и практически без зависания, опустив глубоко нос, стал догонять быстро удаляющийся борт ведущего.

- Кран шасси на уборку! - пророкотало СПУ.

- Та-аак! Кран шасси..... Где он? - на земле, в тихой и спокойной обстановке всё было перед глазами, мой взгляд шарил по приборным доскам, - А-аа, вот он! Так, на уборку! - прокряхтел я, дотянувшись до рукоятки, опустив и зафиксировав её в нижнем положении.

Под брюхом что-то бухнуло и на пульте шасси загорелись три красные лампочки.

- Красные горят! - бодро доложил я.

- Понял! Щас пойдёт быстрее! - Юрич ещё больше наклонил нос вертолёта.

Теперь я видел в остекление только землю! Небо было где-то далеко вверху. Лёгкая перегрузка прижала меня к креслу.

- У-уухх как классно! Манёвренность не то что у «восьмёрки»!

- А то! - с нотками гордости ответил из передней кабины Саня.

Мы в считанные минуты догнали и пристроились к борту ведущего на установленную для выполнения такой задачи дистанцию в 200-300 метров.

- Ну, теперь держи управление, машина твоя!

Я снова принял на себя управление и, с осторожностью, попробовал выполнить управляющие движения ручкой управления и педалями. Одиннадцатитонная машина охотливо и послушно отозвалась, хотя я сразу заметил существенное отличие. Опять же, скорее всего, это было связано с несущим винтом меньшего диаметра и повышенным числом его оборотов. Это как гироскоп с большими оборотами, который как ни толкай и не тыкай, сложно вывести из установившегося равновесия. Вот и в этом случае «двадцатьчетвёрочка» была чуть грубее в управлении, чем мягкая и нежная «восьмёрка», управляемая практически пальчиками. Но в этом тоже была своя прелесть, в твоих руках был НАСТОЯЩИЙ БОЕВОЙ КОНЬ! Я ещё покрутил управлением вертолёт туда-сюда, пока в наушниках не пророкотало, - Борисыч! Не увлекайся! Глянь лучше, где уже ведущий!

- О-ох ёптить! - выдохнул я, перенеся взгляд с приборной доски за бронированное остекление.

Вертолёт ведущего быстро превращался в удаляющуюся точку.

Я с некоторой осторожностью толкнул ручку управления от себя, и почувствовал, как Саня ещё добавил её хода. Вертолёт опять, глубоко опустив нос, перешёл в энергичный разгон. В считанные секунды мы нагнали Митрича и заняли установленную дистанцию. Теперь я, уже более внимательно следил за эволюциями ведущего, чтобы вовремя упредить его движения.

Вообще, полеты строем были одним из самых любимых моих видов полётов. Они были очень сложны, как в технике пилотирования вертолетом, так и в проверке умения летчика выполнять полет, как говорилось у пилотов, на «чувстве задницы»! В них была максимальная концентрация твоих навыков и возможностей!

Вот и сейчас, держа в руках мощную и манёвренную машину, мне захотелось полетать привычным плотным строем с дистанцией 30 на 50 метров.

— Юрич! Как ты посмотришь на то, чтобы я полетал плотненьким строем?

— Да мне то «до-фени», летай у него хоть на голове! Только вот как Митрич к этому отнесётся? Ох, не любит он, когда у него на хвосте кто-то висит! Давай, практикуйся!

Я плавненько сократил дистанцию до ведущего и занял место в плотном строю, справа и чуть выше «двадцатьчетвёрки» Попкова, привыкая к необычному силуэту вертолёта на таком же непривычном и объёмном остеклении командирской кабины Ми-24.

Минут пять-десять я приноравливался к выдерживанию строя на более тяжелом в управлении вертолёте, и через пятнадцать-двадцать минут наша машина уже стояла у крыла ведущего как вкопанная!

В остеклении бронированной двери кабины ведущего, на долю секунды появилось лицо Попкова, а затем исчезло. Но сразу же появилось вновь, и я увидел недоуменные глаза Митрича, пару секунд пристально разглядывающего наш борт, а затем опять исчезнувшего в своей кабине.

— О-о! Щас начнётся! - пророкотал Саня, - Сейчас будет сбрасывать тебя с хвоста!

Я продолжал «облизывать» конус несущего винта ведущего, на дистанции метров двадцати от него, но скорость по прибору, сначала медленно, а затем более энергично стала расти, и дошла до непривычной для меня скорости в двести девяносто километров в час. Борт натужно урчал лопастями, низко опустив нос, и казалось, что я стою на краю обрыва глядя во впереди расстилающееся воздушное пространство. «Крылышки-лепестки» датчика угловой скорости и сноса, расположенные на выдвинутой вперёд полутораметровой штанге, в носу вертолёта, колебались в бешеном темпе от набегающего ревущего потока воздуха.

Борт ведущего энергично отвалил влево, увеличивая дистанцию. Конечно же, я не был готов к такому манёвру и, с небольшим опозданием толкнул ручку вперёд и влево, подтянув рычаг «шаг-газа» почти подмышку. Наша машина,

взревев четырьмя тысячами лошадей, ещё больше опустив нос, помчалась вдогонку за удаляющимся бортом. Но, как только мы вплыли в установленные параметры плотного строя, хищное тело впереди летящего вертолёта, резко накренилось в нашу сторону, и в остеклении обеих кабин мы увидели улыбающиеся моськи Попкова и его оператора Вовы Никольского.

Двенадцати тонная бронированная машина быстро наваливалась на нас своим хищным телом!

Я инстинктивно рванул ручку управления вправо, резко накренив вертолёт и опустил рычаг шаг-газа, чтобы отойти от «прыгнувшего» на нас вертолёта ведущего чуть ниже и вправо, но Митрич, так же резко выровняв вертолёт, рванул с заметным ускорением вперёд! Этот его манёвр возымел своё действие, и его машина вырвалась за считанные секунды на метров пятьсот.

- Тьфу ты! Да ну тебя нафиг! - беззлобно выругался я, а из передней кабины донёсся раскатистый хохот.

- А я тебя предупреждал! Не любит он этого дела!

- Да и пускай себе летает! Я попробовал немного, думаю, и этого будет достаточно!

- Ладно Борисыч, давай покурим! Дай-ка мне сигаретку!

- А как я тебе ее дам? - округлил я глаза, - Ты же в передней кабине!

- Посмотри под правую педаль, видишь мою руку?

Я согнулся под приборную доску и увидел пальцы Юрича, дотягивающиеся до моей ноги.

- О-о! А я и не знал о такой особенности двадцатьчетвёрки, - протянув и вложив в его руку пачку сигарет, - в нашей восьмёрочке все как-то поудобней!

- Ну, что есть, то есть! - пророкотал Юрич.

Оставшуюся часть, почти двухчасового полёта, мы уже выполнили на небольшом удалении от вертолёта ведущего, повторяя все его манёвры и прикрывая его хвост.

Внизу, по тоненькой ниточке серпантина, с небольшой скоростью двигалась длинная колонна автомобильной техники, бронетранспортёров и БМП, поднимая вверх серые клубы пыли. И пока она не пересекла узкий перевал и начала спускаться с Терского хребта на Горячеисточненское, мы елозили вдоль колоны, осматривая прилегающие к дороге склоны и небольшие проплешины зелёнки, которые могли в себе таить серьёзную опасность. «Чехи» могли устроить засаду в любом месте трассы, чтобы уничтожить, ну или хотя бы пощипать такой «лакомый кусочек», в виде этой большой и малоподвижной колонны. Хотя, при виде такого прикрытия, они вряд ли бы осмелились это сделать.

Колонна техники вышла из опасного района и вскоре в наушниках послышалась команда ведущего о развороте на точку. Мы сделали контрольный проход над нашими «подопечными», покачав им пилонами, и развернулись курсом на Ханкалу.

- Так! Ну что, умаялся наверное? Давай дальше я зайду на посадку, ты только мне шасси выпусти, - хохотнул Юрич, видать заскучав в своей тесной кабине, и при подлете к аэродрому взял на себя управление.

И через пять минут мы уже уставшие и удовлетворённые вылезли из своих кабин.

Я аккуратно, памятуя о небольшом «двадцатьчетвёрошном ритуале», вернее о правильности и последовательности выхода из командирской кабины, но всё равно путаясь в точности установки ног в технологические лючки-трапы, спрыгнул на землю и, выгнув затёкшую спину, потянулся.

Откуда-то из-за спины раздался голос Попкова:

- Юрич! Эт что это ты мне на хвоста присел?

Я обернулся и увидел резко остановившегося Митрича.

Его глаза, на подёргивающейся голове, приняли размер посадочных фар боевого вертолёта.

- Не-ее по-ня-ял! Так это ты сейчас был? - с удивлением смотрел он то на меня, то на выходящего с другой стороны Аксёнова, - Юрич! А как.... Как это? Так это ты был? - ткнул он в меня пальцем.

Я стянул мокрый шлемофон с головы и прикурил сигарету.

- Ты о чем Митрич? - обнял за плечи Попкова, развернув и легонько подталкивая его в сторону домиков тех.состава забасил Аксёнов, - Да он только подошёл со своей стоянки, начиная гулко смеяться.

Развернувшись ко мне полубоком, он незаметно махнул рукой и повёл дальше Попкова, стараясь не дать ему повернуться.

Я быстренько поднялся в кабину вертолёта, схватил свою сумку с боекомплектом и автоматом и шмыгнул за другую сторону борта, поняв его намёк, что лучше сейчас слинять отсюда подальше!

Вечером, когда все успокоилось, я зашёл в палатку своих боевых коллег. Саша с Попковым лежали на ящиках из-под снарядов, застеленных старыми солдатскими матрацами, и о чем то беседовали.

- Не помешаю?

- А-аа! Бандюга! - приподнялся на одном локте Попков, - Заходи-заходи!

- Александр Дмитрич! А я что? Я ни что! - с улыбкой округлил я глаза.

- Да ладно! Юрич мне все рассказал! Будем считать, что я ничего не видел! - тоже улыбаясь и пытаясь с укоризною посмотреть на меня, протянул Попков, - Если бы не твой безукоризненный полет, я бы ещё подумал. А так молодец! Не думал, что «восьмёрочник» вот так, сходу полетит на Ми-24! Так что с тебя причитается!

- А то-о! Вечером, в модуле, всё будет «хоккей»! Проведём «разбор полётов»! - подмигнул я, и выскочил из палатки.

Вечерний «разбор полётов» и в самом деле получился душевный! Правда, нам, конечно же, пришлось умолчать причину «посиделок» от остальных. Повод прировняли к чьему-то дню рождения, ну и то хорошо.

Спустя несколько недель, после тяжелейших боев, мы покидали Чечню.

Первыми улетали наши коллеги из среднебельского полка. Ил-76, ожидающий их в Моздоке, должен был доставить часть группировки на аэродром Возжаевка, что в Амурской области. Мы готовились следующим заходом, через пару дней, уже на приморский аэродром Хвалынка.

Мы стояли с Саней у раскрытой рампы Ми-26, в который грузились наши коллеги-амурчане, пристально глядя друг другу в глаза. Санька молчал. Было видно его сильное переживание, да и у меня комок подкатил к горлу. Мы обнялись.

- Сань! Спасибо брат! Большое спасибо! - похлопал я его по спине.

Он чуть отстранился, посмотрев на меня мокрыми глазами:

- Ничего, мы ведь ещё встретимся!

- Да куда-ж мы денемся, Сань!

И мы встретились!

Как то, уже летая на авиазаводе испытателем, мне пришлось съездить в Средне-Белую для подготовки лётного состава к испытательным полётам на нашем авиазаводе. Саша в то время уже был командиром боевой вертолётной эскадрильи. Встретились мы как близкие родственники.

- Так брат мой авиационный! Живёшь ты в этой командировке у меня! И никаких возражений! — не оставил мне он, при встрече, никаких шансов.

Да я и не возражал! Только рад был таким редким минутам побыть вместе с закадычным боевым другом.

В кругу душевной и дружной семьи, мы с Юричем, сидя на кухне, опять вернулись в то «жаркое» лето девяносто шестого!

Его душевная и заботливая супруга, Марина Николаевна, старалась нам не мешать, но всё время была рядышком, понимая как дороги нам такие мгновения. Младшенькая дочурка Саши Алёнка, постоянно пытаясь «прорваться» к нам на кухню с различными расспросами, своевременно останавливалась «на дальних подступах» её старшим братом Александром.

Пройдёт немного времени, и его сынуля станет, как и он, настоящим боевым вертолётчиком, полным повторением своего отца.

Эх, Санька, Санька! Тяжело писать эти строки, когда его уже нет!

26 августа 2003 года при возвращении с полигона на приморский аэродром Черниговка, в составе пары со своим молодым ведомым Валерой Сыщуком, Юрич по команде ведущего впереди летящей пары, занял место в плотном боевом порядке четвёрки вертолетов, для красивого прохождения плотной группой над аэродромом.

Валера Сыщук, хоть и был подготовлен к полетам в боевых порядках с сокращенными параметрами, но в этот раз не смог удержаться в строю и поздно среагировал на энергичный манёвр вертолёта Аксёнова. Валеркин вертолёт, своим несущим винтом влетел в хвостовую балку и винт вертолёта Аксёнова, резко развернувшись вправо и опустив нос, почти вертикально вошёл в землю. Машина Юрича, с отрубленной хвостовой балкой, на мгновение задрала нос, а затем с высоты 50 метров хлыстом упала вниз. От удара о землю кабина отделилась от фюзеляжа вертолёта и, в образовавшийся проём Саньку выбросило вперёд. Оставшиеся в баках пол тонны керосина рванули мгновенно. Когда к вертолёту подбежали первые очевидцы, Санька ещё был жив, горя у них на глазах. Но подойти к объятым пламенем машинам невозможно было даже на десять метров. Аксёнов так и сгорел рядом со своей любимой боевой машиной.

Через год мне удалось побывать на могилке своего боевого друга на Елшанском кладбище города Саратова, возле кладбищенской церкви. Со слезами на глазах я смотрел на два красивых мраморных памятника, с которых на меня по-доброму смотрели глаза двух летчиков, моего Саньки и его отца.

САША ГРЯЗНОВ

1 сентября 1996 года. Настроение было приподнятое. Детки на Дальнем Востоке пошли в школу. Начинался новый учебный год. С утра мы «намотали» полторы тысячи километров, и уже хотелось наполнить хоть чем-нибудь желудки!

Погода была дрянь!

После каждого взлёта с аэродрома, мы ныряли в густую, тяжёлую, со свинцовым отливом, низкую облачность, набирая безопасную от обстрелов из стрелкового оружия, высоту 1500 метров.

После нескольких таких обстрелов наших бортов, свободно летающих на предельно-малых высотах, руководство приняло решение «поднять нас на высоту»! Исключение составляли полёты на ближайшие площадки и блокпосты, да и то расположенные в равнинной местности, так как летать в облаках в горной местности было крайне опасно.

Сейчас же мы неслись на предельно-малой высоте из Моздока во Владикавказ, на госпитальную площадку Шалхи, где нам было обозначено забрать группу вновь прибывших контрактников и перевезти их в Ханкалу.

Оставив правее ВПП аэропорта Беслан мы, обогнув окраину Владикавказа, вышли на площадку Шалхи, и с разрешения РП площадки произвели посадку. Вокруг уже суетился народ, желающий улететь в Ханкалу, и его было явно больше, чем мы могли бы взять. Здесь опять была надежда на Андрюху Васьковского, который мог за минуту отсортировать пассажиров на «везунчиков» и «невезунчиков». Причём последние абсолютно на него не обижались, а уважительно и стоически принимали его решение. Группа улетающих, скорее всего уже заранее ими самостоятельно отсортированных, переминалась с ноги на ногу у края бетонной площадки, во главе с молоденьким лейтенантиком, не выпуская из рук свою нехитрую поклажу. Но и их, всё равно, было много. После остановки винтов, Андрюха со вздохом пошел досортировывать группу.

Построив кандидатов, он обошёл строй и осмотрел их поклажу, а затем рукой указал, кому можно было загружаться в вертолёт. Тем же, кто остался у края площадки, он спокойно что-то объяснил, и они безропотно развернувшись, поплелись в сторону ожидающих их машин.

Саша Грязнов поколдовав над раскапоченными движками и главным редуктором, спустился вниз и осмотрев вертолёт поднял большой палец, показывая, что борт готов к полёту. Мы уже начали готовиться к запуску, как заметили, что к площадке, на большой скорости несётся старенький, потрёпанный УАЗик.

Резко клюнув носом, визжа тормозными колодками, он становился у края площадки. Пассажирская дверца распахнулась и из машины выскочил прапорщик-нач.прод. из Будёновского вертолётного полка, с которым мы частенько возили продовольствие из Моздока, Беслана и Владикавказа в Ханкалу, а с Каспия подбрасывали деликатесную рыбку, которую он, скорее всего обменивал на всякие вкусности у местных поставщиков. Вот и сейчас он выскочил с каким-то большим и тяжёлым баулом и настоящим кожаным курдюком под мышкой, в котором перевозили настоящее кавказское вино.

В два прыжка он преодолел пространство до вертолёта и в мгновение заскочил по стремянке в переполненную грузовую кабину, несмотря на свою объёмную поклажу.

Пассажиры, как в вертолёте, так и оставшиеся на площадке, с интересом и небольшим возмущением смотрели на его действия. Но прапорщик, как ни в чём не бывало, спокойно пробрался в конец салона, бросил на створки свой баул и, не выпуская из рук курдюка с вином, безапелляционно раздвинув сидящих на откидных креслах пассажиров, активно двигая бёдрами по сторонам. Он был одет в выцветшую и застиранную камуфлированную «мабуту» без знаков различия, и только мы знали, что он простой прапорщик, остальные же не могли понять кто он, и крепче прижимая к себе свою поклажу, смирились с его действиями. Да и видя, что мы не предприняли никаких действий, чтобы его остановить, опустили глаза в пол, думая, что так и надо, а главное, что они уже в вертолёте, а там «хоть травяные расти»!

Андрюха, отвернувшись от грузовой кабины и усевшись поудобней в кресло, хитро улыбался, явно что то задумав.

Грязнов продолжил колдовать выключателями, готовя вертолёт к запуску.

Через десять минут мы плавненько взлетели, перегруза не ощущалось, так как топлива было немного, и машина, спокойно шелестя лопастями, тянула вверх.

Через минуту после взлёта, мы вошли в свинцового отлива облака и стали набирать высоту.

Андрюха беспокойно поёрзав на своём кресле, всё ещё продолжая хитро улыбаться, опять оглянулся в грузовую кабину и махнув прапорщику рукой, пригласил его в кабину, пальцем показывая на курдюк, и давая ему понять, что его тоже надо с собой захватить. Затем перекинул кресло переднего борт.стрелка из походного положения в боевое, закрывая пульт автопилота, хлопнул по нему, указывая прапорщику, чтобы он на него сел.

Я с улыбкой наблюдал за всем этим, продолжая в «молоке» спокойно набирать высоту, уже догадавшись что задумал правак.

Прапорщик стал протискиваться в кабину, но Саша Грязнов обладая значительными размерами своего тела, понял, что это не получится и предложил ему сделать ротацию прямо в тесной кабине экипажа.

Привстав со своего кресла он повернулся спиной к направлению полёта и согнувшись, потянулся «пятой точкой» к остеклению кабины, впуская интенданта и тоже хитро улыбаясь.

Обладая крупными чертами лица и пышными усами, его улыбка всегда превращалась в шикарную «моську мартовского кота».

Саша вообще был душа-человек! Дважды повоевав в Афгане, он не утратил человеческих качеств, не зачерствел, а только приобрёл их самые лучшие стороны. Отзывчивый и всегда улыбающийся, он был душой компании, а в профессиональных навыках ему вообще не было цены!

Продолжая пропускать прапорщика в кабину, Саша стал выпрямляться и разворачиваться в сторону своего кресла, но не учтя свой рост, он своей головой, с одетым на неё лётным шлемом, задел планку выключателей гидросистемы.

Как уж так получилось, но одна из пряжек шлемофона зацепилась за прикрытый предохранительными дужками рычажок выключателя основной гидросистемы, и в последующее движение головы борттехника, она потянула его вниз и, незаметно, отключила основную гидросистему.

В этот момент пространство впереди вертолёта посветлело и ещё через секунду мы вышли из облаков.

Ярчайшей синевы небо и ослепляющее солнце ворвались в кабину.

Лёгкий рывок ручки управления, зажатой в руке, и усиленной небольшим мышечным давлением на неё, передался на вертолёт хорошим рывком. Машина, резко дёрнувшись и опустив нос, опять нырнула в серую пелену. На потолочной панели оборудования кабины отчётливо защёлкало аварийное табло подключения дублирующей гидросистемы, рукоятка управлением шагом несущего винта «встала колом»!

По ощущениям машина, глубоко завалившись на бок и ещё больше опуская нос, с увеличивающейся вертикальной скоростью, стала просто падать!

Андрюха, резко поставив ноги на педали и схватившись за ручки управления, стал оказывать мне помощь в выходе из аварийной ситуации, лишь только выдавив из себя:

- Основная! Отказала!

В облаках, визуально определить положение машины, относительно горизонта было невозможно. О том, что вертолёт, опустив нос падает, я понял по завалившейся вперёд и вправо планке авиагоризонта, увеличивающейся вертикальной скорости, снижения на вариометре и лёгком ощущении невесомости.

Мгновенно оценив обстановку, я понял, что отказа-то и не произошло, а стало следствием неустановленного перемещения борттехника в тесной кабине.

Отточенными и натренированными, за годы лётной работы, последовательными движениями органами управления по выводу вертолёта из усложнённого положения, опираясь только на показания приборов, я привёл его сначала в горизонт, выводя его из пикирования и глубокого правого крена, а затем, потянув ручку «шаг-газ», перевёл его в набор высоты.

Увеличившаяся положительная перегрузка «сделала своё дело», и грузное тело Сани, с возросшим весом грохнулось на его рабочую чашку сидения. Глаза его были широко открыты от удивления. Скорее всего, он так и не понял, что произошло.

Андрюха кивком головы указал мне на отключённый выключатель основной гидросистемы и, зажав рукоятки управления, дал мне понять, что он взял управление на себя. В этой ситуации я понял, что был ближе всего к

выключателю и, быстро вскинув руку, перевёл его в рабочее положение. Загоревшееся сигнальное табло основной гидросистемы и погасшее жёлтое - дублирующей, указали, что у нас всё пришло в штатное состояние, и лишь только прижатый к своему рабочему месту перегрузкой бортовой техник, схватившийся за стенки входа в кабину, всё ещё был «выведен из строя» и никак не участвовал в работе экипажа.

Через пару секунд вертолёт опять вышел из облаков, и яркое солнце залило своим светом кабину экипажа.

Вся эта ситуация длилась не более тридцати секунд. Лёгкий стресс и всплеск адреналина в кровь сделали своё дело.

После небольшой паузы, одновременно выдохнув, мы с Андрюхой расхохотались.

Нач.прод. тоже скорее всего ничего не понял из наших кульбитов, продолжая сидеть на откидной крышке-стуле и держась обеими руками за приборные доски, зажав между ног кожаный курдюк с вином.

Лишь только Саня, крутя головой и смотря широко открытыми глазами, то на меня, то на Андрея, выдавил:

- Чё?

- Саня! Ты как медведь в посудной лавке! Тебе с твоим «фюзеляжем» только на Ил-76 летать, - покрутил я головой и, убрав руки и ноги с управления, отдал его пилотирование Андрею. Дальнейший полёт прошёл спокойно, и через тридцать минут мы произвели посадку в Ханкале.

Нач.прод., в виде благодарности, отлил нам пару литров густого тёмно-красного вина из своего курдюка, и я впервые попробовал настоящее домашнее абхазское «Киндзмараули»!

К сожалению, сердце Саши тоже не выдержало всех этих войн, и он, спустя несколько лет после возвращения со своей очередной боевой командировки, ушёл от нас «в свой последний полёт».

131-й ХАНКАЛИНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Архангел Рафаил и Пречистая Дева Мария!

Во Имя моего Могущественного Азъ Есмь Присутствия я обращаюсь к Вам, имея чистые намерения, осознанно создать образ Божественной Медицины и претворить его в нашу жизнь на планете.

Врачи наши земные – суть сострадающие Души, имеющие Великий Дар божий – исцелять тело наше и успокаивать Души наши.

Дайте же им Сил Ангельских и Терпения, Мудрости Божественной и Честности Врачебной, чтобы они смогли в полной мере выполнить своё Божественное Предназначение.

Во Имя моего Божественного Азъ Есмь Присутствия.

Аминь.

131-й ханкалинский госпиталь – это вообще отдельная тема для написания книги.

То, что в Чечне делали военно-полевые медики, начиная от простого, рядового медбрата, любого боевого подразделения, заканчивая военно-полевыми хирургами, анестезиологами и медсёстрами батальонных, полковых, дивизионных мед.подразделений и МОСНов (медицинских отрядов специального назначения), вообще не поддаётся пониманию и описанию! Вот уж точно они творили ежедневный подвиг, полностью сравнимый с их работой во времена Второй мировой войны.

У них уж точно не было ни минуты отдыха! И понять какими жизненными ресурсами должны были обладать эти люди, мы совершенно не могли.

Иногда казалось, что мы выполняем работу только на них, ну и ещё на скорбные холодильники-рефрижераторы, которые стояли на запасных путях бывшей ж.д. станции Ханкала, работая как, не останавливаемый ни на минуту, страшный конвейер по поставке человеческого мяса.

Слава Богу, мне не пришлось побывать и, посмотреть на их работу в самой простой «больничке», как её ещё называли рядовые солдаты, обыкновенной полевой палатке с красным крестом на брезентовой крыше, где-то в, забытом Богом месте временного базирования роты, батальона, полка, где порой самые первые тяжелейшие операции делали стоя по щиколотку в грязи. Мне хватило приёмного отделения ханкалинского госпиталя. Хватило на всю оставшуюся жизнь!

К концу горячего, в прямом смысле, августовского месяца, моральные, да и физические силы личного состава нашей авиагруппировки, были на исходе. Давали «перебои» даже самые сильные мужички.

Вот и мой второй пилот, Андрюха Васьковский, практически на грани нервного срыва, от недосыпа, недоедания и постоянного физического напряжения, да ещё в тяжелейших условиях быта, если вообще таковой можно было так назвать, где-то основательно промёрз и подхватил какую-то инфекцию. С каждым днём полёты давались ему труднее и труднее. И когда уже боли, достигли своего физического предела, он «сдался»!

- Всё Борисыч! Не могу!

Да я и сам всё это видел, как каждый полёт он, скрипя зубами, практически «долётывал».

Сначала решили обойтись «местным лечением», чтобы надолго не выбиваться «из колеи». Но, наш полковой «медицинский светило», в очередной раз, лишь разведя в стороны руками, «признался в своей профессиональной непригодности».

Ничего не оставалось делать, как идти на поклон к нашим, уже практически друзьям, ханкалинским госпитальным врачам.

Андрюху сначала никто не осматривал. Загруженность врачей, в этот день как всегда, была предельной. Раненых, пачками, подвозили не только мы на вертолётах, но и любым наземным транспортом. Бои, даже в непосредственной близости от аэродрома, не прекращались ни на минуту.

В конце концов, в общей суматохе, его увидел и узнал наш общий друг, хирург Эльбрус Фидаров. Бегло осмотрев его, он только махнул рукой, и сказал, что сейчас им займётся вновь прибывший из Москвы, новый хирург, с не меньшим опытом.

Еще, через какое-то время, к Андрею подошёл уставший врач, в синей медицинской униформе, испачканной пятнами крови, быстро его осмотрел, и кивком головы указал на кровать-каталку, в это же время, подбирая хирургический инструмент на стоящей рядом кушетке.

Андрюха, посмотрел на него с недоумением но, его немую команду всё же выполнил, с трудом взгромоздившись на каталку. Дальнейшее он вспоминал отрывками.

Подошедшая, на оклик хирурга, бальзаковского возраста, с броско накрашенными глазами, медицинская сестра помогла ему раздеться.

- Ой! Да кто тут у нас? – с поставленной улыбкой защебетала она, - К нам лётчиков попутным ветром задуло! Как зовут-то? Красавчик!

- Старши-и-ий лейтенант Васьковский, - прикрыв глаза и сжав зубы от подступившей боли, шёпотом процедил Андрюха.

- А меня Венера!

Андрей, с удивлением, приоткрыл глаза: - Милосская что ли….?

Закончить вопрос ему не дал, быстро подошедший хирург с инструментом, и так же быстро начавший что-то над ним «колдовать», шепча себе под нос:

- Давай-давай! Зубоскаль «небожитель»! Счас мы посмотрим…….

Медсестра, только прихватив голову пациента обеими руками и, навалившись большой, мягкой грудью, стала сдерживать его от непроизвольных движений.

Резкая боль, как острие кинжала, вогнанное между лопаток, вырубила Андрюху мгновенно. Обрывки фраз и воспоминаний, как и что-то жидкое и липкое, где-то на теле, потекли холодно и тягуче. Проблески света и длительные интервалы темноты менялись между собой тяжело и медленно. Единственная и чёткая мысль проскакивала постоянно и надрывно: - Да они же без обезболивания! Су-у…!

В себя Андрей пришел только через пару дней. Чёткость сознания медленно возвращалась, откуда-то из глубины, подстёгиваемое резкой, пульсирующей болью во всём теле. Над головой нависал низкий, обшитый оргалитом и окрашенный в бежевый цвет, потолок. Белая простынь закрывала его разгорячённое и, покрытое каплями пота тело, от подскочившей температуры, до подбородка. Палата была полностью заставлена простыми

солдатскими кроватями, со скрипучими панцирными сетками. Все они были заняты.

Андрюха, через сизую пелену возвращающегося сознания, с трудом пытался разглядеть своих соседей. Кто-то лежал перебинтованный, от кончиков пальцев на ногах до макушки, с проступающими через бинты жёлто-красными пятнами, кто-то лежал совершенно голый, с обугленной и, местами отошедшей и свёрнутой в комочки, кожей. Тихие, надрывные стоны доносились с каждой кровати. И лишь одна, аккуратно застеленная кровать, сиротливо стояла в дальнем углу палаты, скорбно дожидаясь очередного «постояльца».

Входная дверь, тихо скрипнув петлями, широко распахнулась и в палату, тяжёлой походкой, вошел всё тот же уставший хирург, который несколько дней назад устроил «экзекуцию» Андрею, и медсестра, ассистировавшая ему, с блестящим лотком, на котором возвышалась гора ваты, бинтов и баночек с какой-то жидкостью.

Они медленно подошли к кровати у окна, на которой неподвижно лежал обгоревший боец. Хирург, присев возле него на корточки, аккуратно положил пальцы на его запястье и прислушался к его пульсу. Кивком головы он указал медсестре, давая только им понятную команду. Затем поднявшись, подошёл к Андрею и, склонившись над ним, с лёгкой улыбкой, произнёс:

- Ну что? Орёл! Крылья ещё не отвалились?

Андрюха, только сжав зубы, в ответ выдавил:

- Что ж вы су-уу…делаете? Как можно без обезболивания то?

- Ну, ну, ну! Тихо-тихо! Ты у нас самый лёгкий. Да и времени тогда у нас не было, на рассусоливания. А если учесть, что в тот день привезли практически «не жильцов», то анестезия, в первую очередь была необходима им! Так что не обижайся! Тебя буду наблюдать я, подполковник Бирюля, звать меня Александр Александрович. Ну а с помощницей, - он, оглянувшись с улыбкой, к медсестре, - Ты уже познакомился.

Андрюха отвернулся к стенке, дав понять, что настроения и сил на общение у него нет. Да и доктор не стал настаивать на опросе о самочувствии, понимая его состояние.

У нас же боевая работа продолжалась.

На время вынужденного отсутствия моего члена экипажа, за мной закрепили лётчиком-штурманом Сергея Дятлова, практически по той же причине, оставшегося без командира экипажа. Серёга был, в нашей эскадрильи, штурманом звена, и считался хорошим лётчиком. Родом с Волги, он обладал настоящим, отчаянным волжским характером. Даже говорок его был настоящий, волжский! Поэтому, в необходимой слётанности экипажа, не было никакой нужды. Начав с ним летать, мы так же стали понимать друг друга с полуслова и полувзгляда.

Работа кипела всё с той же напряжённостью и интенсивностью, боевые вылеты выполнялись днём и ночью, на горные и равнинные площадки, на Каспий и на «Большую землю»!

После очередного боевого дня, нашему новому экипажу в последующий день, дали отдохнуть. Ранним вечером, после полётов, переживая за своего правака, я решил проведать Андрюху и заскочил в госпиталь.

На госпитальном крылечке, раскинув руки, меня встретил всё тот же бойчишка-дневальный, как оловянный солдатик, преградив путь, но узнав меня, вежливо посторонился, пропуская внутрь хирургического блока.

Навстречу вышел врач, в синей медицинской униформе, с глазами, наполненными огромной усталостью:

- Дежурный хирург подполковник Бирюля! Куда путь держите? – выдохнул он устало.

- Командир вертолётного звена майор Штинов, – изобразив строевую стойку, вытянулся я, придерживая одной рукой, за спиной автомат и сумку со шлемофоном и запасом боеприпасов.

- Чем обязаны, летунам? – в ответ, изображая суровый взгляд и продолжая преграждать путь, спросил доктор.

- Да я это…. Правак у меня тут лежит!

Бирюля поднял брови.

- Ой! Лётчик-штурман мой у вас! Андрей Васьковский!

- А-а! Правак…..левак! Я и не могу понять о каком контрофакте идёт речь, - улыбнулся он, махнув нелепо стоящему по стойке «Смирно» бойчишке. Тот, поняв, что всё нормально, шмыгнул за дверь.

- Ну, заходи! Нормально у него всё! Но полежать ещё придётся. Вас что там, не кормят совсем? Что ж вы все такие обессиленные и исхудавшие! Авитаминоз жесточайший! – наконец отодвинулся он в сторонку и, повернувшись, пошел по коридору, рукой пригласив меня следовать за ним.

- Есть такое дело! Баланда из гречки с тушенкой, да подкрашенная вода, «типа чай»! Интенданты на любой войне своей выгоды не упустят. Даже лётчики им не авторитет! Как всегда говорит мой Андрюха – «Кому война, а кому мать родна»!

Бирюля, в знак согласия, кивнул головой.

Мы медленно двигались по коридору, подходя к двери в палату.

- Ну, ничего! Выспится здесь, откормим, чем сможем! Хотя и у самих не изобилие, но хоть отдохнёт, - развёл он руками, входя в палату.

Крайнюю фразу расслышал, лежащий на кровати, у противоположной стенки, Андрей.

- Ага! Отдохнешь тут! – кивнул он в сторону раненых соседей.

- Ну, вам номера люкс подавай, «белая кость»! Что уж имеем! Так сказать – чем богаты! – прошел Бирюля вдоль всех кроватей, и остановился возле

Андрея, - Полежишь ещё денёк, а завтра вечером можно уже будет погулять. Но не долго!

Я присел на край кровати, глядя на бледное лицо Андрея.

- Ну как? Тяжко?

- Да вроде нормально! Только «отходняк», после этих врачебных «опытов» без наркоза, что-то не очень мягкий, как и сама операция! - гневно глянул Андрей на доктора.

- Ладно-ладно! Не злись! Мы не в санатории, сам понимаешь! - в ответ улыбнулся хирург Андрею, положив руку на моё плечо, - Пошли майор, пусть он отдыхает, набирается сил, да отъедается. Ну а я приглашаю тебя к нам, в ординаторскую. Не часто у нас такие гости!

Пожав Андрею руку и, пообещав заходить почаще, я двинулся вслед за выходящим из палаты хирургом.

Ординаторская находилась рядом с выходом из хирургического модуля. Да и привычную больничную ординаторскую она ни чем не напоминала. Несколько таких же солдатских кроватей, для отдыха медперсонала, пару шкафов и, длинный стол, на котором стояли тарелки с незамысловатой едой, а скорей закуской, пару банок тушенки, глубокая миска с горой нарезанного хлеба. За столом сидели, такие же уставшие медики. Но в глаза сразу бросилась, стоящая на нём, опираясь на крыльчатку, осветительная парашютная минометная мина 82 миллиметра с, вкрученным в неё взрывателем и колпачки взрывателей крупнокалиберных снарядов, вокруг неё.

Бирюля Александр Александрович

Без лишних предисловий, доктор указал на свободный стул и потянулся за стоящей миной.

Я, с изумлением смотрел на его действия, и когда он, медленно вывернул взрыватель и поднёс наклонённую мину к ближайшему колпачку, удивился ещё больше! Из настоящей, боевой мины, в емкости на столе потекла прозрачная жидкость. В нос ударил знакомый запах медицинского спирта.

- Как зовут майор? Давай знакомиться! - протянул он мне, поблёскивающий золотом, колпачок с, наполненной почти до краёв, жидкостью.

- Я, с нескрываемым удивлением, вертя в руке поднесённую «рюмку», инстинктивно кашлянул и, не отрывая от неё глаз, выдохнул: - Стас!

- Давай! – еле сдерживая смех, махнув рукой, скомандовал другой, сидящий напротив медик, - За авиацию! Непобедимую и легендарную!

И я, под общий хохот, поднеся её к губам, опрокинул содержимое.

Резкий, солоновато-сухой напиток обжог язык и горло. Закрыв глаза и зажав нос, я зашелся кашлем:

- Чи-иистый что-ли? – только и смог просипеть я.

Медик, продолжая хохотать, протянул большой кусок хлеба.

Прикрыв рот рукавом комбинезона, отдышавшись, я опять просипел:

- Мы после первой не закусываем! – опускаясь на стул.

- О-оо! Узнаём авиацию! – послышались одобрительные голоса.

Перед глазами появился тот же кусок хлеба, но уже со слоем белого жира и кусочков мяса, извлечённого из банки тушенки.

- Держи авиация! Отведай нашего деликатеса!

Я, нехотя взял протянутый хлеб, подержал его несколько секунд, крутя в руке:

- Эх, мужики! Эти «деликатесы» мне уже в горло не лезут! Второй месяц – это наша основная пища, и мы уже забыли, как выглядит настоящая!

- Э-ээ, брат! А мы-то думали, что это только у нас «не всё сладко» и, что вы там «измучены» шоколадом и «Нарзаном»! А у вас – как у нас!

Я медленно обвёл всех усталым взглядом, опустил голову, сцепив пальцы на руках:

- А у нас ещё хуже! – прошептав сквозь зубы.

В ординаторской повисла тягучая тишина. Медики, не отрываясь, смотрели на меня. А я, опустив голову, смотрел под стол. Желваки на скулах, сами собой, сжимались в такт моим мыслям.

Дверь ординаторской, резко и широко распахнулась. Женщина в синей униформе, задыхаясь, почти прокричала:

- КАМАЗ и «шестьдесят шестой». Полные! Почти все тяжёлые!

Медики, как по команде, все подскочили и, кинулись к выходу.

В коридоре уже слышалась громкая толчея, резкие выкрики команд и стоны раненых.

Я, ещё несколько секунд, сидел на стуле, не решаясь встать и выйти в коридор. Внутренний голос, не просто подсказывал, кричал: - Не ходи!

Но сидеть одному, в ординаторской, этого скорбного заведения, было ещё невыносимей! Я всё понимал! Происходит что-то страшное.

В коридор быстро заносили одни носилки за другими. Разобрать, что лежало на них, было практически невозможно. Куча грязных плащ-палаток, ржаво-красные бинты, обрывки одеял с крупными кусками грязи, нелепые тела с фрагментами рук и ног, свисающих на одних сухожилиях и остатках мышц…..

Коридор, в районе входа, быстро заполнялся носилками, и я, успев выйти из ординаторской, отскочил вглубь коридора, прижавшись к стене.

Не замечая меня, врачи и медсёстры, быстро перемещаясь между носилками, скидывали грязные «накидки» с раненых, одновременно прощупывая пульс, пальцами приоткрывая глаза и всматриваясь в зрачки, осматривая количество и тяжесть ранений. Грязные вещи летели в одну сторону возле входа, а раненые быстро укрывались белыми простынями. Команды отдавались слаженно и чётко, каждый двигался между носилок так, как будто он делал это с самого рождения.

Весь центральный проход хирургического отделения уже был, практически, заставлен. С каких-то носилок доносились протяжные стоны и крики, а на некоторых не было ни какого движения. Врачи, передвигаясь от носилок к носилкам, ещё раз осматривали раненых, отдавали быстрые команды. То с одной стороны коридора, то с другой, поднимались носилки, и перемещались вглубь другой его части, туда, где находились операционные. Но, всё больше и больше носилок закрывались белыми простынями.

Я продолжал стоять у стены, боясь пошевелиться. Время, как резиновый эспандер, растянулось и, буквально осязаемо, потянулось густой массой. В воздухе, превратившемся в тягучее желе, от запаха крови, смрада пороховых газов, соляры и грязи, витала смерть.

> *Боже духов, и всякия плоти, смерть поправшый и диавола упразднивый, и живот миру Твоему даровавый, Сам, Господи, упокой души усопших рабов Твоих в месте светлее, в месте злачнее, в месте покойнее, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание. Всякое согрешение, содеянное им, делом или словом или помышлением, яко Благий Человеколюбец Бог прости: яко нестьчеловек, иже жив будет и не согрешит, Ты бо Един кроме греха, правда Твоя правда во веки, и слово Твое истина. Яко Ты еси воскресение, и живот, и покой усопших рабов Твоих, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.*

Сколько я так стоял, десять минут, двадцать, а может полчаса, я так и не смог вспомнить. Тело колотилось в ознобе, которое я, не мог сдержать. Ватные ноги, сами понесли меня к освободившемуся выходу. Скрипнув входной дверью, я вышел и, с жадностью набрал полную грудь свежего воздуха. Было уже темно. Вокруг одинокого фонаря, на столбе, крутились мотыльки, из травы доносился треск цикад. Мозг отказывался отчётливо соображать.

Резкий скрип тормозов ударил по нервам. Я вздрогнул!

Захлопали двери автомобильных кабин, послышались резкие, непонятные команды. Из темноты быстро приближались силуэты людей. Кто-то из них по одному, другие по двое несли на руках обмякшие и свисающие тела.

Я снова заскочил внутрь помещения и постарался занять то же место, где я, никому не мешал.

Всё повторилось с той же последовательностью, за исключением отсутствия вносимых носилок. Врачи, так же быстро перемещались между уложенными, прямо на пол ранеными, отдавали команды, натянуто общаясь с, доставившими раненых, людьми.

В тёмной, вечерней суматохе, я не сразу обратил внимание на зелёные повязки на их головах, с отчётливой арабской вязью написанных на них слов.

В голове всё перемешалось. Прислонившись к стенке, слабо освещённого коридора, я медленно сполз вниз, и поджав колени, обняв их руками.

Обрывки мыслей и, только что увиденных сюжетов, перемешавшись в клубок, с большой скоростью мелькали в сознании. Разум отказывался выстроить всё это в логическую цепочку и осознать всё происходящее! В висках, с грохотом железнодорожного экспресса, неслась кровь, в ушах колоколом стучал набат. По коридору, абсолютно не обращая на меня внимания, туда-сюда бегали люди в белых халатах, бойчишки в замяслянных пижамах и бородатые мужики, с зелёными повязками на головах, с закинутыми за спину автоматами Калашникова.

Я уже не мог на всё это смотреть и, увидев напротив себя дверь ординаторской, ввалился туда. Света в комнате не было и я, на ощупь, добрался до ближайшей кровати, повалившись на неё, практически сразу же забылся.

- Стас! Стас! – тряс за плечо меня Бирюля.

Я медленно открыл глаза. Тусклый свет лампочки мягко освещал пространство ординаторской.

- Пошли в другую палату. У нас есть свободное местечко, тем более там твой Андрюха. Сегодня все выжившие, пока в реанимации, так что переночевать ты спокойно сможешь там. Сейчас наши мужички начнут возвращаться с операционных. Им тоже надо где-то отдохнуть.

Тихонько войдя в палату, где лежал Андрей, Бирюля указал на, ту самую, свободную кровать. В голове только промелькнуло:

- Ну, вот и «дождалась очередного постояльца»!

Сил уже не было и я, прямо в одежде, завалился на неё и уснул.

Истошный крик «подорвал» меня, как взрыв фугаса под ногами!

В тёмной палате, освещённой только, пробивающимся светом от уличного фонаря и занимающимся рассветом, ничего невозможно было разглядеть.

С кровати, стоящей в районе окна, надрывно стоная, изливая ненормативную лексику, кричал раненый. Его крик, от нестерпимой боли, выворачивал всё моё нутро наизнанку. Что в этом случае делать, куда идти или, чем помочь, я не знал. Ощущение какой-то безысходности щемило в груди. Захотелось, просто зажав ладошками уши, убежать отсюда «куда-подальше».

В палате проснулись все. Даже обгоревший, и голышом лежащий мальчишка, приподнял руку.

Проснувшийся и, приподнявшийся, облокотившись на локоть, Андрюха громко крикнул в темноту:

- Слыш? Танкист! Хорош орать! Сейчас сестра придет и обезболит. Вторую ночь не даёшь поспать! Я же тебе говорил, что водка не обезболивает, от неё ещё хуже!

И уже, повернувшись ко мне, продолжил:

- Борисыч! Уже не вмоготу! Вторую ночь такая фигня. Ладно, днём, там хоть все врачи и сестрички на месте. Так нет! Он откуда-то достанет водяры, макнет на ночь, а потом всю ночь орёт. Хоть гранату на его койку кидай! Хотя…..ему своего фугаса хватило. Вон, собрали по кусочкам!

На крик прибежала дежурная медсестра, и принялась быстро что-то колдовать над раненым.

Ну а я, уже не желая продолжения всех этих событий, быстро попрощавшись с Андреем, с нескрываемой горечью смотря на него, направился к выходу. Выйдя в коридор, моему взору, добавилась ещё более удручающая картина.

Два безумно уставших хирурга, с которыми я только познакомился вечером, еле волоча ноги и обеими руками держась за стену, гуськом продвигались со стороны операционных, в сторону ординаторской. В их глазах читалась не просто усталость, а какая-то тяжелейшая боль. Взгляды в пустоту, абсолютно ничего не выражали. Они были где-то в другом измерении. Где-то очень далеко! Было понятно, что отдыха у них не было много суток. Комок подкатил к горлу.

Быстрым шагом, не оборачиваясь и не прощаясь, я выскочил из хирургического отделения. Да и прощаться, в этом случае было «не с кем»!

С перемешанными в огромный, «дымящийся клубок», мыслями, я даже не заметил, как добрался до нашего фанерного модуля. И, так же, не раздеваясь, завалился спать, практически мгновенно погрузившись в беспокойный сон.

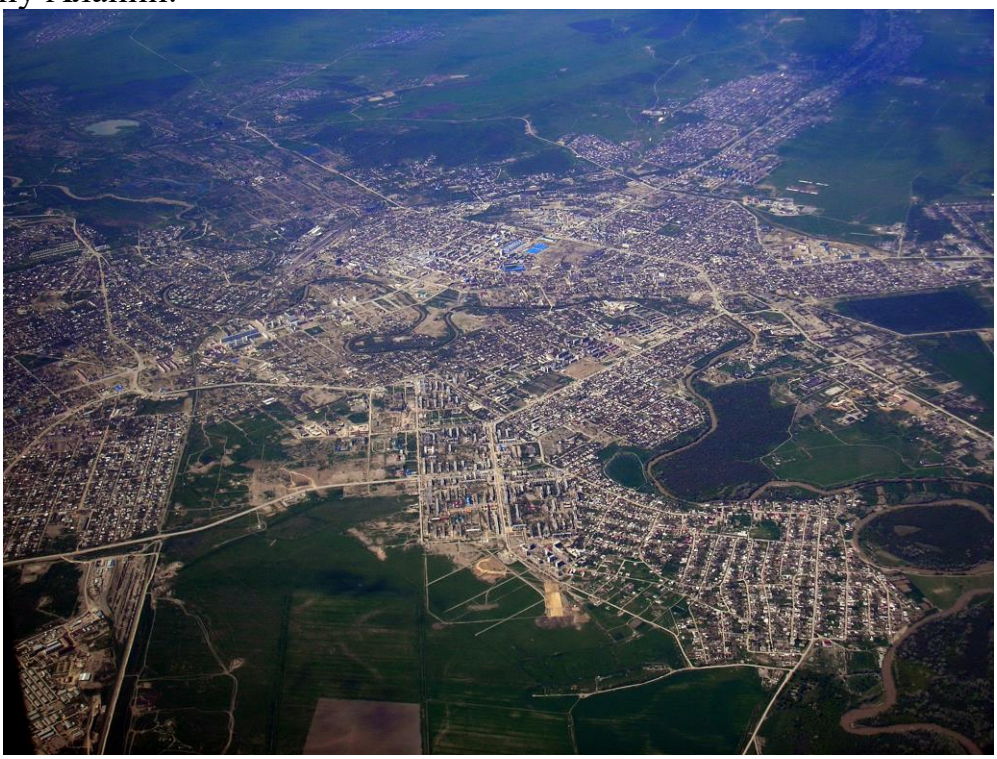
Спустя какое-то время на аэродром пришли мои друзья-врачи Эльбрус Фидаров и Сан Саныч Бирюля. Как уж и через кого они узнали, что я лечу во Владикавказ, но подошедший ко мне Эльбрус, сразу взмолился:

- Стас! Дружище! Возьми нас с Бирюлей. Вот здесь уже это мясо! - провёл он рукой по горлу, - Хоть на пару часов развеяться. Да и «Владик», мой родной дом. Я ведь родом оттуда!

Я даже не раздумывал:

- Эльбрус! Дорогой мой! Даже не продолжай! – обнял я его за плечо и рукой указал, на загружающийся ранеными вертолёт, приглашая его в кабину, - Будем считать, что вы сопровождающие!

Произведя загрузку и вырулив на полосу, мы аккуратненько, чтобы не растрясти «бесценный груз», взлетели и стали набирать высоту. Обойдя стороной развалины Грозного на безопасной высоте, мы встали на курс, в сторону Алании.



Стоящий за спиной у борттехника Эльбрус, протиснулся в кабину, и прокричал мне в ухо:

- Дружище! Слушай! Машиной управлял, «бэтэром» управлял, «бээмпухой» тоже. Не сочти за наглость! Дай «попробовать» твою «птичку»!

Переглянувшись с борттехником и Серёгой Дятловым, я улыбнулся. Серёга всё понял и, отстегнув привязные ремни, встал с кресла, пропуская стоящего в грузовой кабине, с готовностью рысака Эльбруса, на своё рабочее место. Фидаров, со знанием дела, аккуратненько перенеся ногу через ручку управления, плавно опустился на чашку второго пилота и поставил ноги на педали. Кивком головы я, указал ему на рукоятку. Доктор, с некоторой боязнью, легонечко, взялся за органы управления, перевёл взгляд за остекление кабины и, напрягшись, замер.

Убрав руки с управления и подняв их вверх я, показал ему, что вертолёт полностью в его руках. Эльбрус, кратковременно взглянув на меня, опять перенёс взгляд на закабинное пространство, задержал дыхание.

Взявшись двумя пальцами за ручку управления я, легонечко отклонил её вправо, а затем влево. Вертолёт послушно качнул бортами. Эльбрус, кивком головы, дал понять, что всё понял, и аккуратно воспроизвёл движения. Вертолёт, чуть глубже, повторил манёвры.

- Ух! Красота! – расплылся в улыбке Фидаров, - Как всё просто!

- А так? – я легонько толкнул ручку вперёд.

Вертолёт, клюнув носом, упустил кабину вниз, горизонт в остеклении нырнул вверх. Эльбрус сжался и откинулся на спинку, запрокинув голову.

Указывая рукой я, кратенько рассказал ему, по каким приборам надо контролировать положение вертолёта в пространстве, и дал ему возможность, минут десять, насладится управлением многотонной машины.

Потом, кивнув головой и скрестив запястья, дал ему понять, что упражнения с пилотированием можно заканчивать, да и в сизой дымке, уже отчётливо вырисовывались очертания приближающегося Владикавказа.

Фидаров закивал, с благодарностью головой и, отстегнувшись, уступил законное место правому лётчику.

Возвращаясь вечером домой, я дал попробовать такое же пилотирование, смотрящему на меня, с такой же мольбой в глазах, Сан Санычу Бирюле, что у него тоже получилось вполне профессионально.

После посадки, отойдя в сторону, я провёл с ними краткий «разбор полётов»:

- Ну что? Практикующая братия! Я вами доволен! После небольшой тренировки, мы вас «можем привлекать» в виде посильной помощи! – и мы вместе рассмеялись, обнимаясь и, похлопывая друг друга по спинам.

Ну а в дальнейшем, как бы меня не пытались зазвать мои друзья-врачи к себе в гости, я старался обходить госпиталь стороной, с постоянными воспоминаниями от увиденного и пережитого.

Под «занавес» нашей боевой командировки я, лишь сходил за выписанным из него Андреем, по дружески тепло, попрощавшись, теперь уже ставшими нам настоящими боевыми друзьями, врачами-труженниками, врачами-спасителями!

Бирюля А.А. особист 205 бригады (фамилии не помню), Васьковский А.И., Штинов С.Б.

Сан Саныч Бирюля! Наш добрый и надёжный дружище, которого «за глаза» ещё называли «медвежонком». Война и его не пощадила. Спустя десяток лет он, совсем ещё молодой, с бесценным опытом практикующей хирургии, не дожив даже до пятидесяти пяти лет, покинул нас.

ПРЕЗИДЕНТСКОЕ ТАКСИ.
БОЕВЫМ НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ.

Бои в городе Грозном и на его окраинах стихли, почти вся наша техника работала по отдельным планам, прикрывая войска группировки, преследующие и добивающие остатки выскользнувших из Грозного групп боевиков.

Хотя, на тот момент в Чечне уже действовал хасавюртовский договор о прекращении боевых действий и поэтапном выводе российских войск из самопровозглашенной республики, боестолкновения продолжались. Они, чаще всего, происходили при зачистке близлежащих к Грозному населённых пунктов, и в непосредственной близости от расположения войск нашей группировки и блокпостов, раскиданных по всей территории Чечни.

Во всех направлениях с аэродрома лупила тяжелая артиллерия, иногда мешая нам взлететь или произвести посадку. Грохот стоял невообразимый! Связи руководителя полётов на аэродроме с командирами артиллерийских расчетов не было никакой, каждый работал по своему плану, что иногда приводило к курьёзным, а порой и опасным случаям.

Как то, возвращаясь на аэродром, и выполняя заход на посадку, мы находились уже практически на прямой, выполняя гашение скорости и производя снижение на полосу.

В первый момент мы даже не поняли, что произошло.

Яркие вспышки и сизые дымные полосы сгоревших пороховых зарядов снарядов «ГРАДА» расчертили воздушное пространство впереди кабины практически перед самым нашим носом, буквально в пятидесяти метрах от нас, а затем раздался, разрывающий барабанные перепонки звук, напоминающий скрежет рвущегося металла.

- Твою ма-а-а…….!!!!!!!!! – я резко рванул ручку управления на себя.

- Да бл… что происходит? – одновременно вжался в кресло Андрюха.

Борт, с большим углом тангажа задрав нос, резко загасил скорость и практически завис. Пара «двадцатьчетвёрок» прикрытия, заходящая следом на посадку, веером рассыпалась в стороны.

РП аэродрома, скорее всего наблюдающий эту картину сам, наверное, чуть не проглотил тангенту микрофона связной радиостанции.

Холодный пот, предательски потек по спине, дыхание перехватило.

Через небольшую паузу, показавшуюся вечностью, в наушниках шлемофона раздался скрипучий голос руководителя полетов, смешанный с нервным кашлем:

- 711-ть! ……..Продолжайте заход! Будем надеяться, глиссада теперь свободна! «Прикрытию» - снижение на десять метров, под глиссаду, и также – заход!

- Они чё? Вообще охренели! Они что, вообще нас не видят? Мы что, бли-иин, кузнечики? На своём же аэродроме…. – рассыпался в ругательствах правак.

Я, ещё не придя в себя, на каком-то подсознании продолжая управлять машиной, выполнил дальнейший заход на посадку, и через пару минут мы коснулись полосы.

Руки и ноги, в режиме слабой тряски, держа управление, всё же давали правильные команды на управление вертолётом, а мозг был ещё всё там, на глиссаде. Перед глазами продолжали, со скоростью молнии, проносится серые трубы снарядов «ГРАДА».

В голове прокручивалась только одна мысль: - А лети мы чуть быстрее? Пятьдесят метров! Это ведь – «тьфу»! Мгновение! От нас бы даже лоскутов не осталось! Ну-у «ЦАРИЦА ПОЛЕЙ»! Ну-у ПЕХОТА!!! Бл….!!!!

Экипажи «двадцатьчетвёрок» прикрытия, как коты при охоте на мышек, подкрались к взлётно-посадочной полосе на «пузе» и умостили свои машины на полосу, заспешив на свои стоянки следом за нами, тоже, наверное, обалдев от увиденного!

Уж не знаю, какими словами, и на каком лексиконе, наши отцы-командиры «отблагодарили» соседей за «совместную слаженную работу», но при последующих полетах наши артиллеристы уже по нам не палили, и производили арт.удары в моменты свободного воздушного пространства над

аэродромом. Но это абсолютно не гарантировало «получить» парочку снарядов в борт при производстве полетов в районе полетов над Чечней.

Уж куда они «палили», было известно лишь им одним. Ну а мы надеялись только на Господа Бога, да волю случая!

Запомнился и курьезный случай, связанный с работой наших соседей, не прекращающих стрельбу с территории аэродрома ни днём, ни ночью.

Выстрелы от «ГРАДов», «УРАГАНов», самоходных гаубиц «Мста» создавали такую какофонию не прекращающихся звуков, что мы уже и не замечали этого грохота.

В редкие, свободные минуты от полетов мы, как всегда, старались хоть немного отдохнуть, а если и удавалось, вздремнуть, в наших спартанских условиях, на панцирных солдатских кроватях без матрасов, подложив под голову черную, засаленную солдатскую подушку, или сумку со шлемофоном.

Жарища на улице стояла непереносимая! В палатках хоть и можно было спастись от палящих солнечных лучей, но от жары приходилось спасаться только их проветриванием, завернув наверх, на полметра их пологи. И тогда слабые потоки знойного воздуха, хоть как-то проветривали наше незамысловатое жилище.

Наши братья-«аксайцы», чтобы хоть как-то скрасить наш быт, подогнали нам, невесть откуда экспроприированный, старенький чёрно-белый телевизор. И мы, в полудрёмном состоянии, просматривали-прослушивали всякие передачи, больше включаемые так, для фона.

Вот уже пару дней, на одном из каналов, крутили старый добрый польский фильм про войну, «Три танкиста, и собака». Там тоже шла ВОЙНА!

Телевизор стоял у самого входа в палатку, на видавшем виды, стареньком канцелярском столике, к которому была приставлена, та самая, «штрафная» солдатская кровать с одной спинкой.

Так уж получилось, что в этот раз «не повезло» моему коллеге, командиру звена нашего гаровского полка, Сергею Жеребцову. И из всех свободных «лежанок» была свободна только она одна.

Серёга, скорее всего, вымотался с утра уже полностью. Поэтому сильно и не выбирая, он плюхнулся на неё и, практически сразу, уснул.

Грохот от взлетающих и садящихся вертолетов, перемешанный с грохотом от стрельбы наших соседей привычно убаюкивал.

Вообще, тишина на войне – страшнее всего! Она, при её резком наступлении, практически парализует. Все твои органы обоняния, осязания резко напрягаются от чувства неизвестности, органы слуха переходят в режим восприятия самых высоких тонов ультразвука!

Вот и в этот раз, на аэродроме, на мгновение, как то резко всё сразу стихло! Артиллерия не стреляла, борта не взлетали. Наступила тягучая, перемешанная со знойным воздухом, ТИШИНА.

Все, кто лежал в палатке, враз проснулись, приподнявшись на своих лежаках. Зашевелился и Серёга, в полудрёме крутя по сторонам головой, с трудом приоткрывая непослушные веки, облокотившись на наклонённую кровать.

В телевизоре, продолжая транслировать «Три танкиста, и собаку», раздались канонада выстрелов и грохот взрывов.

Серёга, с прикрытыми глазами, ещё несколько мгновений «повисел» на локтях, а затем плюхнулся на кровать и громко засопел. Его мозг выдал ему привычную команду, что обстановка «соответствует» реальной, и можно «не беспокоиться».

В палатке сначала кто-то цыкнул, а потом всё её пространство разразилось нескончаемым хохотом.

Резкое напряжение трансформировалось в такую вот реакцию организма на внезапное изменение окружающей боевой обстановки. Полегчало всем сразу! Ну а Серёга даже и не пошевелился, продолжая привычно «воевать» в своей полудрёме.

В очередной раз на аэродром прибыла президентская свита Чеченской республики, во главе с её руководителем.

Из окошка рядом стоящего командного пункта авиагруппировки донеслось:

- Экипаж Штинова! На КП!

Первым недовольно засопел Андрей Васьковский, с неохотой поднимаясь со своей кровати, сгребая в охапку свою тяжеленную сумку с боеприпасами и шлемофоном и вытаскивая из-под кровати автомат.

Немножко отступая от темы, хочу пояснить, как нам приходилось первое время добывать, в прямом смысле этого слова, боеприпасы.

Только на третий день после прилёта в Чечню нам выдали личное оружие, автоматы-коротыши АКСУ, с двумя пустыми магазинами. И ещё пару дней мы летали вообще без патронов. Но когда об этой нелепой ситуации, случайно, из разговоров узнали наши соседи-«аксайцы», они после продолжительных и нелицеприятных дифирамбов в сторону нашего тылового обеспечения, одновременно крутя пальцами у виска и, относя это уже к нам, высказали все варианты наших возможных «героических» моментов при, не дай Бог, вынужденной посадке и тому подобному.

Через день мы уже еле передвигались по аэродрому от бортов на КП и обратно, обвешанные сумками с суточным запасом патронов, гранат, сигнальных ракет и дымовых шашек. Да и летая по площадкам и блокпостам мы, уже понимая, что здесь не до шуток, разживались у пехоты различными боезапасами. У каждого бортового техника, на борту, теперь имелся значительный арсенал вооружения и боеприпасов.

В очередной раз пригодился мой авиационный жилет-разгрузка НАЗ-«И», в котором я воевал ещё в Афганистане. Его карманы вновь были наполнены под

завязку патронами, ракетами, аптечкой и дым.шашками. При случае, «отбиваться» можно было пару часов.

Андрюха, проходя мимо моей кровати, потряс меня за плечо:

- Вставай Борисыч! Не наш сегодня день! Пошли на КП.

Я, так же с неохотой, потирая отяжелевшие веки, поднялся с кровати и, собрав свой арсенал, зашагал к окошку КП.

В нём уже маячила, нетерпеливо, фигура Юрия Николаевича Чебыкина.

- Ну-у! Опять что-т серьёзное! – пронеслось в голове.

Командир, увидев меня, только махнул рукой, приглашая в домик КП.

У входа в командный пункт я увидел, уже знакомых чеченских милиционеров и представителей чеченской администрации.

- А-аа! Понятно! Опять «литерный» рейс! – кивком головы я поздоровался с ними.

В тесном помещении уже находился Президент Чеченской республики Доку Гапурович Завгаев и его заместитель Юнади Усамов.

Мы обменялись рукопожатиями, и нашу встречу продолжил Юрий Николаевич.

- Ну, уж не знаю, чем ты им понравился, - развёл он руками, - но просят они только твой экипаж! – мельком взглянув на Завгаева.

Юнади Усамов одобрительно закивал головой.

- Станислав! – продолжил Доку Гапурович, - Ваш экипаж очень опытный, и как мы считаем, с задачей справитесь только Вы! Нам необходимо выполнить большой объём перевозок продовольствия и людей. Работы много! Скорее всего, придётся полетать несколько дней. Основная работа в Надтеречном и Урус-Мартановском районах.

Я, опустив голову и, пожав плечами, выдохнул:

- Ну, значит поработаем! Только, надеюсь, не как в прошлый раз, в Толстом Юрте? – посмотрел прямо в глаза Завгаеву.

- Нет, нет! Максимальная безопасность! – замахал он руками.

Командир, стоящий рядом, и ожидающий нашего решения, потёр руки:

- Ну, вот и порядок! Стас! Но только работаешь самостоятельно! Без прикрытия! – посмотрел он мне в глаза.

Я в ответ, с удивлением посмотрел на него!

- А куда я тебе дам прикрытие? Где ты будешь садиться, и сколько ты там будешь сидеть?

- Ну, вообще-то да! – закивал я головой, - считай «свободная охота»!

- Ну, где-то так! Ладно, давай! Своим решением! Опыту уже не занимать. «Тёртый калач»! Обо всех посадках постарайся докладывать через ретрансляторы.

- Понял командир! Всё будет «пучком»! – кивнул я головой, и двинулся к выходу.

Завгаев со свитой остались на КП, утрясать детали нашей работы. Ну а мы с Андреем пошли готовить нашу «ласточку», возле которой уже привычно суетился Володя Мезенцев.

Первую посадку мы выполнили в, уже знакомой Старой Сунже, где на борт нам загрузили десять человек, и далее помчались на «пределе», облизывая складки местности, в Надтеречный район, в поселок Знаменское.

Для Завгаева это было, практически родное селение, где в 1965 – 1971 годах он был управляющим Наурско-Надтерского районного объединения «Сельхозтехника» и директором совхоза «Знаменский».

Перепрыгнув через терский хребет, и нырнув в извилистое русло реки Терек, мы заскользили над водой, прижимаясь к крутым, отвесным южным склонам реки, стараясь как можно меньше находиться на высоте выше пятнадцати метров. Было неизвестно, какие группы и подразделения боевиков могли выйти в этот район, и следовало, с максимальной осторожностью, избегая выхода на населённые пункты и густые лесопосадки, выполнять полёт.

На Знаменское вышли точно по времени и месту. Доку Гапурович, стоящий за спиной у бортового техника, указал рукой на небольшую поляну, на его южной окраине, вытянувшуюся вдоль автодороги, окруженную высокими телеграфными столбами. На поляне уже стоял автофургон ГАЗ-53 и ещё пару машин.

Аккуратно примостив вертолёт у встречающих машин, мы оглянулись в ГК, вопросительно посмотрев на Завгаева.

Тот понял наш немой вопрос и, кивнув головой, показал большой палец.

Я, снова глубоко вздохнув и посмотрев на экипаж, кивнул Володе, чтобы готовились к выключению.

Место сейчас показалось более безопасным, чем в прошлый раз, и мы уже спокойно выключили двигатели.

Из подъехавшего фургона на борт стали загружать большие мешки с мукой, коробки с консервами и другие продукты.

Я попросил Володю проконтролировать вес всего этого провианта, чтобы не превысить взлётный вес и, на всякий случай, уточнил у Юнади Усамова, количество пассажиров на обратную дорогу. На что он ответил, что обратно полетим без пассажиров, и на борту останутся только Доку Гапурович, он и его помощники с охраной. А затем поинтересовался, не хотим ли мы пообедать?

Предложение было своевременным. На борту у нас были только сух.пайки, а желудки уже начинали «петь свои песни».

- А где мы пообедаем?

- Здесь, недалеко, есть очень хорошая кафешка. Там готовят, ну просто замечательные шашлыки! – ответил он.

- Это далеко? – с сомнением поинтересовался я.

- Да нет! Минут десять езды. Машина есть! Ну, так что, поехали?

Андрюха, проглотив слюну, утвердительно кивнул. Давно мы не ели нормальной пищи. Но Володя отрицательно закрутил головой:

- Командир! А на борту кто останется? Не дай Бог чего…..

Юнади попытался уговорить бортового техника, что всё под контролем.

Но тот уверенно крутнул головой:

- Нет! Командир, я останусь! Привезёте чего-нибудь перекусить, я потерплю.

- Хорошо Володь! Мы быстро! – посмотрел я вопросительно на Юнади.

Тот только быстро закивал головой и подозвал рядом стоящий, видавший виды «Жигулёнок».

Втиснувшись в него со всей своей боевой амуницией *(как потом оказалось – не зря)*, мы поехали «на обед».

Дорога, и вправду, заняла минут семь. Мы выехали по автотрассе за пределы Знаменского и, повернув в сторону станицы Ищерской, проехав ещё пару километров, остановились у небольшого придорожного кафе.

В нос сразу ударил, провоцирующий активное слюноотделение, запах жареных шашлычков из баранины.

Выходя из машины, мы с Андрюхой, громко взглотнули.

Юнади, в ответ только улыбнулся, подтолкнув меня за плечо, к входу в кафе.

В маленьком помещении было темно. Глаза не сразу адаптировались к его полумраку, после яркого и палящего, уличного солнечного света.

Юнади рукой пригласил нас за ближайший столик, и подозвал пожилого хозяина кафешки, традиционно с ним обнявшись и кивком головы показав на нас.

Тот, окинув нас пристальным взглядом, скрылся в подсобке.

Мы разместились за столом, сняв и уложив своё снаряжение рядом, устало откинулись на спинки стульев.

Глаза понемногу привыкали к полумраку помещения.

И всё равно, подкоркой своего мозга, я чувствовал какой-то дискомфорт. Ощущение ещё чьего-то присутствия не покидало меня. Медленно я начал осматривать помещение, поворачиваясь назад, и тут мой взгляд упёрся в группу бородатых людей в камуфляже, сидящих за нашими спинами.

Резкий холодок, предательски пробежал по спине. Андрюха, проследив за моим взглядом, тоже напрягся.

Позади нас сидели, ну уж явно, не местные завсегдатаи. Камуфляжная форма, чёрные, смолистые бороды.

- Что-т здесь не так! – уколола тревожная мысль.

Юнади, сидящий лицом к нам, увидел наше нескрываемое беспокойство. В его глазах, тоже читалось некоторое недоумение. Скорее всего, он тоже не ожидал увидеть этих людей здесь, в простом придорожном кафе.

Я, медленно, ногой пододвинул к себе, лежащий на полу автомат. Андрей, тихонечко подтянул к себе свою сумку с арсеналом.

Тихая, тягучая пауза затягивалась. Мы, молча и вопросительно, теперь смотрели друг на друга.

- Ну, что будем делать? – глазами задал я немой вопрос Усамову.

Тот понял моё беспокойство и, изобразив некое подобие улыбки, громко ответил:

- Ну ладно, ребят! Давайте я закажу с собой шашлычков, а вы подождите меня в машине. Здесь они быстро готовятся! – сам, наверное, уже поняв, что нужно срочно отсюда линять, подобру, по-здорову.

Не делая лишних и резких движений, с натянутыми улыбками на лице, мы, с Андреем, медленно собрав в охапку свою амуницию, двинулись к выходу.

Всем своим нутром я сейчас чувствовал жгучие и ненавистные взгляды на своей спине, по которой уже текли капли холодного пота. На отяжелевших ногах, мы медленно вышли на знойную и, залитую ярким солнечным светом, придорожную площадку. Не спеша *(хотя мозг, просто кричал – «БЕГИ!»)*, мы подошли к «Жигулёнку», открыли двери, и только усевшись, выдохнули. И как по команде, начали готовить оружие, снимая его с предохранителей и, спешно доставая запасные магазины и гранаты.

- Наивные бестолочи! Да что мы можем предпринять в этой консервной банке? – прижимая к груди автомат, подумал я, - Что-ж нам, с этими «правителями», так «везёт» на приключения?

Каждая клеточка нашего организма сейчас находилась в таком нервном напряжении, что и пот из них выходил абсолютно холодный. Страх и безысходность сковали всё тело.

Через, как показалось, вечность, приоткрылась дверь кафе, и на площадку медленно вышел Юнади Усамов, на лице которого была всё та же гримаса в виде театральной улыбки. В его руках был большой, тяжёлый пакет. Он тоже, не делая резких движений, стараясь не перейти на бег, подошел и сел в машину. Сказав что-то водителю по чеченски, он вытер пот со лба. Мы медленно тронулись.

Ещё километра два, пока отъезжали от кафе, мы с Андрюхой прижимали автоматы к груди, оглядываясь назад. Но всё было спокойно! Скорее всего, ни мы, ни те чеченцы из кафе, не ожидали этой встречи.

Такие курьёзы случались на каждой войне! Вот и мы сейчас испытали аналогичный момент на собственной шкуре.

Весь короткий отрезок до Знаменского мы ехали молча. Ещё сказывался стресс, пережитый десяток минут назад. И когда мы подъехали к вертолету, то уже полностью расслабились.

Володя, по нашим лицам, и по быстрому возвращению, понял, что случилось что-то неординарное. И, после того, как я, вкратце ему рассказал о произошедшем, он ответил, покачав головой:

- Ну вы и деби…..! Искали бы мы вас теперь где-нибудь в горных районах Чечни, в зинданах! Если бы вас вообще в живых оставили! Вечно вы вляпаетесь в какую-нибудь историю! О-оой чудики!!!!! – махнул он рукой.

После такого кусок в горло уже не лез, и мы, съев по кусочку нежного мяса, этим и довольствовались.

Через двадцать минут погрузка была закончена, Доку Гапурович, со своей охраной прибыл на площадку и мы, запустившись, вернулись в аэропорт Северный Грозный, после разгрузки в котором, вернулись домой, в Ханкалу.

Следующий день мы тоже работали по задачам Правительства Чечни, как кузнечики, прыгая из селения в селение, перевозя людей, продовольствие, грузы, этаким воздушным такси, перевезя 95 человек и четыре с половиной тонны продовольствия.

На третий день работы с Президентом, тоже произошло несколько курьёзных случаев.

Прибыв в назначенное время, ближе к обеду, в Северный Грозный, нас попросили немного подождать. Шло, какое то совещание в резиденции Президента, которая, в этот период, находилась в здании аэропорта.

Мы, подрулив к разрушенному зданию аэровокзала и выключившись, стали ждать. Жарища стояла невыносимая. Открыв нараспашку блистера и верхний люк, создав, хоть и слабый, но сквознячок, мы откинулись на спинки кресел, и попытались подремать.

Краем глаза я заметил, что у разбитых высоченных окон аэровокзала, облокотившись спиной о стену, прикрываясь тенью стены, расположилась небольшая группа вооруженных чеченцев, больше похожих на простую банду. Но раз они находились на охраняемой нашими подразделениями территории, мы не придали этому серьёзного значения и не переживали.

Прошло минут двадцать. Андрюха, запрокинув назад голову, уже смачно посапывал. Мне же дрёма никак давалась, скорее всего, из-за жары в кабине, но и выходить из неё, под палящие солнечные лучи не хотелось.

И тут, от стенки аэровокзала отделилась какая-то фигура. Присмотревшись, я увидел молодого, низкорослого чеченца, скорее всего мальчишку, в большом, не по размеру подобранном камуфляжном костюме. Округлое юношеское лицо, с короткой рыжеватой причёской, было заспанным. Его шатающуюся походку я определил сразу, а когда он подошел ближе, стало сразу ясно, что он ещё и «подшофе». «Боевичёк» направлялся в сторону нашего вертолета, положив руки на висящий, новенький АКМ, с подствольным гранатомётом и закинутым за шею, ремнём автомата.

Я решил проследить, что же будет дальше.

А чеченец, подойдя со стороны открытого правого блистера, из-за своего небольшого росточка, скрылся из моего вида.

Чуть наклонившись вперёд, я увидел его правое плечо в нижнее остекление кабины. Мальчишка что-то трогал на носовой части кабины.

Прошло полминуты, а он всё продолжал за что-то держаться на дюралевой обшивке. Потом, скорее всего не выдержав, и закинув голову, посмотрел мутным взглядом на правака.

- Ты чё! Не слышишь? Я тебе звоню! – заплетающимся языком обратился он к летчику-штурману.

Андрюха наклонил голову с полуоткрытыми веками:

- Чё те надо? Иди отсюда!

- А твой борт летит в Урус-Мартан?

- Нет, не летит! – обратно откинулся на кресло Андрей, прикрыв глаза.

Мальчишка икнув, на путающихся ногах, медленно обошел нос кабины, подошел к моему блистеру и начал что-то вдавливать в фюзеляж с моей стороны.

Я с интересом наблюдал на всю эту картину и не мог понять, что он делает.

- Нохчо! Ты что хотел? – с улыбкой я спросил его через открытый блистер.

Он перевёл на меня свой мутный взгляд:

- А вы тоже не слышите?…..и-иикк..

- А что я должен услышать?

- Ну, я вам звоню!

- Чем ты звонишь?

Он перевёл недоумённый взгляд на какую-то точку на борту, затем на меня:

- Ну, вот же! – показал он пальцем на борт.

- Не! Не слышал! – откинулся я на спинку кресла.

- А ваш……бо-орт летит в Урус-Мартан?

Андрюха, даже в полудрёме расхохотался, а затем и мы с Мезенцевым, вспомнив анекдот про чукчу в самолете, схватились за животы!

Всё «встало на свои места», когда мы вышли из вертолета, с любопытством осмотрев нос кабины, посмотрев, куда и чем он «звонил».

Наш хохот продолжился после этого ещё минут пять.

Оказалось, что какой-то приколист карандашом, написал под маленькими, беленькими, пластмассовыми антеннками бортовой системы опознавания, расположенными слева и справа на носовой части кабины фюзеляжа, очень напоминающими кнопки дверного звонка, надписи – под правой антеннкой – «Лётчик-штурман – звонить два раза», под левой – «Командир экипажа – звонить один раз».

Держась за животы, мы смотрели на бедолагу.

А он, ничего не понимая, только махнул рукой:

- Да ну вас! – и попетлял обратно к своей группе, с интересом наблюдающей за всей этой комичной ситуацией.

На выходе и служебной зоны здания аэропорта появилась знакомая группа правительства, и мы, после короткой подготовки и запуска, перелетели в Знаменское.

После посадки, всё по той же схеме, к борту подъехал фургон с продовольствием, и охранники, прилетевшие с нами, приступили к его перегрузке.

Вокруг вертолёта, как всегда собралась ватага вездесущих пацанят и местных зевак. Но один из них резко выделялся среди всех. Первое, что бросилось в глаза то, что он был вооружен. На перекинутом через шею ремне висел такой же новенький АКМ. Лет восемнадцати, короткая стрижка, тёмные, солнцезащитные очки, камуфлированная куртка и чёрные джинсы. Такой набор одежды часто носили чеченские боевики. Сначала он стоял в стороне, искоса посматривая на нас, а затем спокойно подошел к нам и поздоровался.

- Ты из местной охраны? – спросил я.

Он продолжительно посмотрел на меня и отрицательно покачал головой.

Я поднял брови:

- А кто-ж ты?

- Я? – сделал он длительную паузу, - Я простой чеченский боевик!

Мои глаза ещё больше раскрылись от удивления.

- Да ты не переживай командир! Мы уже не воюем!

- Что-то ты слишком молод для «чеченского боевика»!

- Хм-м! Я уже стар для него! У нас сейчас воюют ещё младше! Всех «стариков» вы уже покрошили!

Неприятный холодок пробежал по спине. Автомат его все также висел на его груди, практически наизготовку. Лёгкое движение, и мы будем изрешечены в капусту.

Боевик, наверное, прочитал мои мысли:

- Да всё нормально! Я просто очень хотел посмотреть на лётчиков. Где ещё вас можно рассмотреть вот так, близко. А то всё в небе. То мы вас, то вы нас!

Я оглянулся на стоящих в сторонке милиционеров из охраны Президента Чечни.

Он опять понял мой немой вопрос:

- Да эти тоже наши, только в другой форме!

Я нервно поёжился: - Во дела!

- Ладно! Я сейчас уйду! Не хочу сказать «До встречи», лучше прощай! Уезжайте домой, уезжайте! – и так же спокойно развернувшись, он пошел в сторону селения.

Я ещё долго провожал его взглядом, а в голове крутилась только одна мысль:

- Надо завязывать с этой «Свободной охотой»! А то на самом деле «в одну воронку бомба два раза не падает», и в следующий раз нам уже может не повезти.

Потом были ещё пару дней полетов по обеспечению работы правительства Чечни, но один из них я запомнил на всю жизнь!

4 сентября, с утра мы выполнили пару рейсов в Северный Грозный – Знаменское и обратно с Доку Гапуровичем Завгаевым.

Настроение у него было подавленное. Войска выводились из Чечни, а мир так и не пришел на его родную землю.

17 декабря 1995 года он был избран главой Чеченской Республики, а скорее назначен на эту должность нашим «любимым Раасияанином», и все это понимали, в том числе и он. И с уходом нас из Чечни его судьба и жизнь могла оказаться под большой угрозой.

А тут ещё я, после крайней посадки в аэропорту Северного Грозного, со своей просьбой оставить мне на память автограф, после его крепкого рукопожатия и слов благодарности.

Конечно же, он мне в этом не отказал, и расписался в единственном, попавшем под руку документе – на крайней страничке моего удостоверения личности офицера. За что я его тоже поблагодарил, но в конце добавил:

- Рады были помочь! Жаль, что не достигли нужных результатов. И, наверное, видимся с Вами в последний раз!

Но эта фраза прозвучала, скорее всего, не так, да и понята им была неправильно, о чём я потом, да и до сих пор жалею! Но, тогда, он пристально посмотрел мне в глаза, молча, развернулся и быстро ушел.

«Раасияанин», конечно же, его не бросил, и вскоре он был назначен чрезвычайным и полномочным послом РФ в Объединенной Республике Танзания. Но неприятный осадок у меня в душе остался.

Ну а мы, в этот день, продолжили полёт с представителем Правительства Чечни, её Вице-премьером – Юнади Усамовым.

Перелетев из Северного Грозного в Ханкалу, мы дозаправились.

Усамов, в это время ушел на КП, о чем-то договариваться с командующим группировкой армейской авиации генералом Самариным.

Через двадцать минут меня и летчика-штурмана срочно вызвали на КП, для уточнения боевой задачи.

В тесной комнатке находился командующий, Усамов и оперативный дежурный. Они что-то уточняли по карте. Затем Самарин подозвал Андрея и, ткнув пальцем в карту, указал точку.

Андрей быстро снял её координаты и записал себе в блокнот.

- Майор! Сейчас вас загрузят. Необходимо доставить груз по указанным координатам. Работаете одиночно. Выполняйте!

«Оперативный», спешно зачитал нам боевую задачу на магнитофон.

- Вопросы есть? Если нет, вылет по готовности! – кивнул своей массивной челюстью в сторону выхода Самарин.

- Есть тррщь генерал! – козырнул я, и мы, развернувшись, вышли из командного пункта.

У вертолета уже стоял бортовой «УРАЛ», из которого в грузовую кабину загружали ящики с боеприпасами и оружием.

- О-оо как! Андрюх! Эт куда всё это добро должны доставить?

- Да куда-то в район Урус-Мартана. Сейчас на своей карте определюсь.

Борт был уже загружен, практически новенькими ящиками с оружием, от которых пахло свежей консервационной смазкой. Володя Мезенцев, вытирая ветошью руки молча, кивнул: - Машина готова!

- Запускаемся! – оглянулся я, - А мы что? Одни что ли полетим?

- Наверное! – шурша картой, ответил Васьковский.

- А кто всё это добро будет выгружать? – пожал я плечами, скорее задав вопрос уже самому себе.

- Да хрен его знает! Там разберёмся! – не отрываясь от карты, ответил Андрей, считывая координаты и ставя точку на карту, где предполагалось произвести выгрузку.

До Урус-Мартана мы долетели по привычному маршруту, ныряя в балки и обходя стороной лесные массивы, выйдя на его северную окраину.

- До точки пятнадцать километров, - ведя пальцем по карте, произнёс штурман.

Обойдя Урус-Мартан по северной окраине мы, через пару минут вышли прямиком на наш блокпост, расположенный на автодороге между Гехи и Рошни-Чу.

- Андрюх! Ну что, сюда заходим?

- Не-е! – всматривался штурман в местность, сличая её по карте, - Нам куда-то дальше, вон туда! – указал он рукой в сторону селения Гехи-Чу.

- Да ты что! Там же нет наших!

- Координаты выводят туда! – пожал он плечами.

Мы прошли ещё несколько километров в сторону поднимающихся впереди гор, пройдя между Гехи-Чу и Рошни-Чу, выйдя на северную окраину Гехи-Чу.

- Вижу сигнальный дым, - указал рукой бортовой техник, на начинающую расстилаться оранжевую полоску дыма, практически у самого подножия гор, в месте выхода речки Гехи из ущелья.

Я с недоумением посмотрел на экипаж. В их глазах тоже читался немой вопрос.

- Что-то опять здесь не так! – покрутил я головой, - Ладно! выполняем проход, осматриваем площадку. С ветром уже всё понятно. Андрюха! Вовка! Глядите «в оба»!

Загасив скорость, мы прошли над небольшой полянкой, на которой стояли два человека, один из которых держал в вытянутой руке дымящуюся сигнальную шашку. Второй размахивал руками, показывая место посадки.

- Борисыч! Всё сходится! По координатам это почти здесь!

Опять «под ложечкой» засосало! Чувство тревоги, предательски стало подкрадываться к мозжечку.

- Бли-иин! – помотал я головой, - Деваться некуда! Надо садиться! Андрюх! Там больше ничего не было подозрительного?

- Да вроде нет! Всё спокойно!

- Ладно! Выполняем заход! Экипаж! Максимальная осмотрительность! Если что, сразу рвём отсюда!

Описав небольшой круг и загасив скорость, мы подошли к полянке, на самом краю леса, и зависли.

Два мужичка, в новеньких камуфлированных костюмах, с надетыми жилетами-разгрузками, набитыми до отказа, руками показали, что можно садиться.

Плавно поставив колёса в невысокую траву, я убедился в устойчивости вертолета.

Мужички, пригибаясь к земле и, борясь с потоком воздуха стали пробираться к вертолету.

И тут борттехник указал рукой на окраину леса:

- Командир! Ещё……

Из леса, так же пригибаясь, к вертолету побежали ещё человек пять, в таком же обмундировании.

- Ох чует моя за…., что-то здесь не то! – закрутил я головой. В висках с шумом пульсировала кровь.

Но группа встречающих вела себя спокойно, быстро приближаясь к вертолету.

Первым на борт заскочил здоровенный мужчина, с шикарной смолянистой бородой, в камуфлированной панаме, американского образца. Он заглянул в кабину и, с сильным чеченским акцентом, произнёс, глядя на меня:

- Салам командир! Всё нормально! Это, - кивнул в грузовую кабину, - нам! И быстро скрылся в ГК.

Подошедшая группа быстро приступила к разгрузке ящиков.

Я с недоумением смотрел на всю эту картину. Мысли путались. Экипаж тоже, явно был в шоке.

Через пять минут, тот же чеченец заглянул в кабину:

- Порядок командир! Можете лететь! – и выпрыгнул из вертолета.

Володя закрыл дверь в грузовую кабину, и сев в своё кресло, показал большой палец.

- Надо убираться отсюда поскорей! – мысли набатом стучали в голове.

Энергично оторвав вертолет, и развернув его на север, мы помчались домой. Весь полёт до аэродрома мы не проронили ни слова. У каждого в голове, вероятно, был полный сумбур из-за увиденного.

После приземления и заруливания, я пошел на КП с докладом о выполненной задаче. Усамова на аэродроме уже не было.

За столиком, в командном пункте, сидел генерал Самарин, и что-то разглядывал на карте.

- Товарищ генерал! Задача выполнена, груз доставлен…., - я непроизвольно сделал паузу.

Не отрываясь от карты, он только лишь кивнул.

Я, постояв ещё несколько секунд, выдавил:

- Товарищ генерал! А что это, вообще было?

Генерал, оторвавшись от карты, посмотрел на меня через большие линзы очков:

- Майор! Ты выполнил задачу? Вот и можешь быть свободен! Не задавай лишних вопросов!

В голове у меня что-то щёлкнуло, кровь прилила к щекам. И я, уже медленно растягивая слова, протянул:

- Генерал! Это ведь преступ……

Самарин не дал мне закончить:

- Майор! Свободен! – переходя на повышенные нотки в голосе.

Я с нескрываемым возмущением посмотрел на командующего, развернулся и вышел на улицу. Мысли, одна за другой проносились в голове, никак не выстраиваясь в логическую цепочку, и только одна свербила разум:

- Да как же так? Ведь это же неправильно! Ведь это беспредел!

В голове никак не укладывались произошедшие события. Найти объяснение этому я не мог.

Спустя год после этих событий, в холодный осенний день, на плацу служебного городка гаровского гарнизона, Командующий авиацией Сухопутных войск Дальневосточного военного округа, генерал-лейтенант Самарин вручал нашей группе, отвоевавшей в те жаркие месяцы чеченской бойни, боевые государственные награды.

Зачитывая Указ Президента России о награждении личного состава нашего полка Орденом Мужества, начальник штаба назвал мою фамилию. Я, строевым шагом, вышел из строя и подойдя к генералу, отрапортовал о прибытии для награждения.

Самарин долго смотрел мне в глаза, а затем, тихо произнёс:

- Ну, что майор? Ты успокоился?

Я, конечно же, не ожидал такого вопроса, и тем более в такой обстановке, но ответ получился быстрым, откуда-то из глубины души:

- А я ничего не забываю, товарищ командующий! – и после небольшой паузы, глядя ему прямо в глаза, добавил, - я своего мнения никогда не поменяю, да и молчать я не буду!

Самарин подвигал своей огромной челюстью, так же пристально глядя мне в глаза, подошел почти в упор:

- А ведь я могу тебя снять с лётной работы! – тихо прошептал он.

В ответ я промолчал, не отворачивая своего взгляда от его глаз.

Он медленно вложил в мою руку красную коробочку с боевым Орденом, и книжечкой-удостоверением:

- Встаньте в строй! Майо-оорр!

Я, приложив правую руку к виску, медленно, разделяя каждое слово, тихо ответил:

- Служу РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ! И своему народу!

Затем, развернувшись в сторону строя, уже громко повторил эти слова, и встал в строй.

Сослуживцы, похлопывая по плечам, искренне радуясь, стали поздравлять меня со столь высокой государственной наградой. Ну а я, опустив голову, играя желваками, вернувшись опять в то жаркое лето, прокручивал в воспоминаниях те страшные события. На душе лежал такой тяжёлый груз, что эта, очередная моя боевая награда, радости уже не принесла. В большей степени потому, что всегда считал, да и буду считать ту войну, а скорее бойню, неправильной, и даже преступной.

Но мы государевы люди, и не должны обсуждать приказы и указания своих руководителей. Время всё расставит на свои места! Господь рассудит!

ВОЙНА-ВОЙНУШКА

Сквозь время мы, годы, воюем,
Отцов и дедов повторяем
Мы снова высоты штурмуем,
И, словно взаправду, стреляем.
Хоть войны по книжкам узнали,
Отчаянно все же рискуем.
Пластмасса в руках вместо стали,
Мы снова воюем, воюем, воюем, воюем...

(Николай Анисимов)

Эту главу можно было бы вставить в «Записки» после её написания как Предисловие. Но после всего остального написанного я, почему-то подумал, что будет уместнее её разместить в конце, как Послесловие, после того, как Вы, уважаемый читатель, прожили с нами все эти два тяжелейших месяца и, возможно, прочувствовали этот Ад вместе с нами.

Сейчас как-то даже и не верится, что всё описанное было прожито и уместилось всего в ДВА МЕСЯЦА!

Эта повесть рождалась очень долго, более двадцати лет.

Отчасти, на её написание, не хватало времени, а по большому счёту, моральных сил.

Человеку не воевавшему не объяснить, что такое война, точно так же, как слепому не объяснить ощущение зеленого, а мужчине не дано понять, что значит выносить и родить ребенка. У них просто нет необходимых органов чувств.

Войну нельзя рассказать или понять, её можно только пережить. Ну а уж воспоминания о ней, как занозы, сидят в твоей голове, постоянно напоминая о себе ноющей болью.

Рассказывать о войне категорически не хочется! Но ты постоянно понимаешь, что если об этом не рассказать, не выплеснуть эти воспоминания из себя, они так и будут высверливать твой мозг, ныть зубной болью в твоём сознании.

И тогда ты, понимая всю тяжесть, берешь ручку, бумагу и выводишь первую фразу. Ты еще не знаешь, что это будет — рассказ, документальная повесть, или что-то другое.

Строчки складываются с трудом, каждая буква рвет тело, ты физически ощущаешь эту боль, это сама война выходит из тебя и ложится на бумагу — тебя трясет так, что не видишь букв, и ты снова там, и снова смерть правит всем, а больничная палата наполняется криками, стоном и страхом, и снова серебристые пакеты разлетаются по грузовой кабине, холодно блестя под светом синих плафонов, зияют провалы глазниц и трупный запах нестерпимо режет глаза, и строчки с кровью идут одна за одной и водка глушится литрами, а смерть и безумие сидят с тобой в обнимку и подправляют ручку.

ВОЙНА.....

Для разных поколений и возрастов это слово имеет разное значение!

Для маленького ребёнка это игрушка в которую можно поиграть и наиграться до полного утомления, чтобы потом уснуть прижавшись к тёплому мамкиному телу!

Для мальчишки, у которого только-только начинает пробиваться поросль под носом, вместо усов, это бесконечные баталии и сражения в «стрелялках и стратегиях», где жизни бесконечно восстанавливаются и можно в любое время нажать клавиши Ctrl+Alt+Del.

Для молодых пацанов это уже полная реалия жизни, а иногда, к сожалению, жизни и смерти.

Для взрослых мужчин и женщин, а это уже категория мамочек, бабушек, отцов и дедов, это страшная неизбежность. Неизбежность провожать на войну, потом томительно ждать своих деточек, а затем и встречать, кому как повезёт, кого живым, кого инвалидом, а кого и в «цинке».

Вернувшись со второй своей войны, я понял, что в мирной жизни о ней не должно быть никаких упоминаний и даже намёков на неё, а также на всё, что с ней связано.

Собрав в кучу все детские игрушки, автоматы, пистолеты, мечи, гранаты, загрузив их в мешок, под расстроенные взгляды своих деток, я убрал их подальше, с глаз долой.

- Дочур! Играй лучше в куколок, а ты сынок в машинки. К сожалению, придёт когда-нибудь время, и вам придётся взять в руки оружие и, не дай Бог, настоящее! А пока думайте и играйте в ЖИЗНЬ!

Войну сын не видел в помине,
Малыш - впереди десять классов.
А просит уже в магазине
Купить... Автомат из пластмассы..
(Николай Анисимов)

Как-то, уже летая испытателем на авиазаводе, я провёл испытания и перегнал гражданский вертолет в аэропорт местных воздушных линий. Там я встретил старого знакомого пилота. Мы долго беседовали, делились впечатлениями о полётах, лётных законах, и т.д. И он, как-то произнес, что авиазаконы гражданской авиации намного жёстче законов военной авиации, в плане перевозки пассажиров. Что они несут огромнейшую ответственность за перевозимых пассажиров.

На что я ему ответил просто.

- У нас ответственность была не меньше, а то и больше! За свою лётную работу я перевёз не меньше людей. И не просто пассажиров, а таких же живых душ, как и простые граждане. Но только мои подопечные должны были выполнить ещё и боевую задачу, остаться в живых, и которых я, не взирая, ни на что, должен был забрать из таких мест, что и представить страшно, а ещё и доставить обратно домой!

Мой коллега тогда, после долгой паузы, пристально посмотрев мне в глаза, промолчал, а затем, протянул руку и пожал мою. И, так ничего не ответив, развернулся и ушел.

Я очень не люблю говорить о войне! О любой войне! В моём доме теперь это запретная тема.

Когда то фильм «В бой идут одни старики» был моим любимейшим фильмом, который я мог смотреть много раз подряд. Теперь и он «под запретом».

Я не могу сказать, что стал сентиментальным, но каждый раз, при любом упоминании о войне, о тех далёких уже событиях, о том ужасе, который пришлось увидеть, слёзы наворачиваются сами собой.

Тогда ещё, в далёком 88-ом году, молодым лейтенантом, я стоял перед Командующим Воздушной Армии, и просил, чтобы меня направили в Афганистан, вместе с моими друзьями-однокашниками, с которыми я прожил четыре интереснейших курсантских года в Сызранском вертолетном училище.

Да! Я не мог тогда поступить иначе!

Но больше всего мне хотелось попасть на войну просто для того, чтобы понять — почему же оттуда возвращаются совершенно другими людьми. Причём, АБСОЛЮТНО другими! С другим отношением к жизни, друзьям, семье, людям.

Но только по прошествии многих лет, когда я побывал на этой, ещё более жестокой и нелепой войне, понял!

С ВОЙНЫ УЖЕ НЕ ВОЗВРАЩАЯЮТСЯ! Даже если ты вернулся оттуда живым!

С войны возвращается только твоё физическое тело. А душа, мозг, мысли, НАВСЕГДА остаются ТАМ!

ВОЙНА - это как кол, вколоченный на всю жизнь в твоё сознание, на неизвлекаемость!

Поствоенный синдром! Это всё полная ФИГНЯ! Простите за простоязычие. Но иначе не выразиться.

ВОЙНА - это ПРИГОВОР судьбы! Жестокий и безумный! Приговор, постигший большинство моих боевых друзей.

Простите меня РЕБЯТА! Простите меня мои БЛИЗКИЕ! Прости меня, МАМА! Но это так!

Я постарался написать всю правду о войне, или о небольшой её частичке, которую мне пришлось прожить.

Да! У каждого из нас была своя ВОЙНА.

Но, то были, МОИ ВОЙНЫ, которые мне пришлось пройти! Пожирающие всё живое, и самое страшное - ДУШУ!

А теперь я хочу ВСЁ ЭТО ЗАБЫТЬ! Замуровать, запихнуть в самый дальний уголок своего сознания всё, что связано с ними.

И никогда! НИКОГДА, ОБ ЭТОМ НЕ ВСПОМИНАТЬ!

ЧЕСТЬ ИМЕЮ.

Все войны свои я закончил,
Годов уже стало поболе.
Но что-то в душе болит очень,
Когда выхожу в чисто поле.
Здесь дед мой средь тысяч схоронен,
По ним мы полвека тоскуем.

За них поднимаемся с боем,
И снова воюем, воюем, воюем, воюем...
(Николай Анисимов)

Штинов С.Б.